

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 1 (60) 2022

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

А. П. Анисимов, профессор кафедры гражданского и международного частного права Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

П. В. Анисимов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры уголовного процесса Алматинской академии МВД Республики Казахстан, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминологии и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Бужор, директор Института уголовного права и прикладной криминологии (Республика Молдова), доктор права, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

Н. И. Грачев, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

И. С. Дикарев, начальник института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминологической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминологической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминологии учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминологии учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Р. Г. Зорин, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права Барановичского государственного университета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. М. Маркосян, первый заместитель начальника Образовательного комплекса Полиции Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент.

Д. М. Мирзоев, начальник кафедры предварительного следствия и криминологии Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» – 22761.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редакторы
Т. В. Рассказова,
М. С. Чубарова

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
22.03.2022.

Дата выхода в свет:
27.03.2022.

Формат 60X84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 23,0.
Усл. печ. л. 21,4.
Тираж 500. Заказ 8.

Цена по подписке
на 2022 г.
по каталогу
«Пресса России»
1098 руб. 00 коп.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2022

С. Д. Назаров, председатель Волгоградского областного Совета ветеранов, кандидат юридических наук, профессор.

А. И. Овчинников, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, заместитель начальника Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. Я. Рыженков, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета имени В. В. Городовикова, доктор юридических наук, профессор.

К. К. Сейтенов, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шкаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционной коллегии

С. М. Голятина, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России (ответственный секретарь).

Ю. П. Доронин, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

Н. В. Кальченко, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

С. В. Катков, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

О. С. Колосович, заместитель начальника кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Намнясева, начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Попов, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Н. Л. Радаева, начальник отделения информации и общественных связей Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Т. В. Рассказова, редактор редакции журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России.

А. А. Редько, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Г. М. Семененко, заместитель начальника кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Е. Н. Трофимов, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

А. Г. Фастов, ученый секретарь ученого совета Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
No. 1 (60) 2022 :
scientific and methodical
journal. — Volgograd :
VA MVD Rossii, 2022. —
184 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" – **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

**ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA**

**№. 1 (60)
2022**

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. P. Anisimov, Professor at the Department of Civil and International Private Law of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Professor.

P. V. Anisimov, Head of Theory and History of State and Law Department of the Volgograd Institute of Business, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Criminal Procedure of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Buzhor, Director of the Institute of Criminal Law and Applied Criminology (Republic of Moldova), Doctor of Law, Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

N. I. Grachev, Professor at the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

I. S. Dikarev, Head of the Law Institute of the Volgograd State University. Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Preliminary Investigation Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

R. G. Zorin, Head of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines of the Economics and Law Department of the Baranovichi State University of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. M. Markosyan, the First Deputy Head of the Educational Complex of Police of the Republic of Armenia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Preliminary Investigation and Criminalistics of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

Editors
T. V. Rasskazova,
M. S. Chubarova

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
22.03.2022.

Date of publication:
27.03.2022.

Format 60X84/8.
Offset printing.
Font Arial.
Physical print sheets 23,0.
Conventional print sheets 21,4.
500 copies. Order 8.

Subscription price
for the 2022
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1098 rub. 00 kop.
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2022

S. D. Nazarov, Head of the Volgograd Regional Council of Veterans, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

A. I. Ovchinnikov, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Deputy Head of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. Ya. Ryzhenkov, Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

K. K. Seitenov, the First Vice Rector of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Senior Researcher of Research Institute of Federal penitentiary service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. P. Shkaplerov, First Deputy Chief of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial board

S. M. Golyatina, Post-Graduate Student at the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Executive Secretary).

Yu. P. Doronin, Senior Lecturer at the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Historical Sciences, Docent.

N. V. Kalchenko, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

S. V. Katkov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

O. S. Kolosovich, Deputy Head of the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Namnyaseva, Head of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Popov, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

N. L. Radaeva, Head of Department of Information and Public Relations of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

T. V. Rasskazova, Editor of Editorial Board of the Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia of Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. A. Redko, Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

G. M. Semenenko, Deputy Head of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

E. N. Trofimov, Associate Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. G. Fastov, Scientific Secretary of the Scientific Council of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Егорова Н. А., Егоров А. Г. 9
Новое в уголовном законодательстве
об ответственности за незаконный оборот
оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ,
взрывных устройств

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Мингес И. А., Попов В. В. 19
Противодействие коррупции:
поиск научно-методологических предпосылок
в контексте государствоведения
(окончание)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Баландин В. И. 27
Логическая программа квалификации преступлений,
относящихся к подлогу документов

Колесников Р. В., Кравцов И. А. 35
Детерминанты преступлений
экстремистской направленности

Лихолетов А. А. 40
Незаконное осуществление
деятельности по предоставлению
потребительских кредитов (займов):
проблемы законотворчества и правоприменения

Шипков А. В. 46
Развитие идеи гуманизма
в уголовном законодательстве
советского и постсоветского периодов

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Азимзода Ш. Дж. 53
Уголовно-процессуальная характеристика
прекращения уголовных дел
в отношении несовершеннолетних
по законодательству Республики Таджикистан

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

Egorova N. A., Egorov A. G. 9
New in criminal laws concerning the liability
for trafficking in firearms, ammunition, explosives,
and destructive devices

CURRENT PROBLEMS OF STATE AND LAW

Minges I. A., Popov V. V. 19
Anti-corruption measures: the search
for a scientific and methodological prerequisites
in the context of state studies
(ending)

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Balandin V. I. 27
Documents forgery:
crimes qualification logical program

Kolesnikov R. V., Kravtsov I. A. 35
Determinants of crimes of extremism

Likholetov A. A. 40
Illegal implementation of activities
for the provision of consumer loans (loans):
problems of lawmaking and law enforcement

Shipkov A. V. 46
The development of the idea of humanism
in the criminal legislation
of the Soviet and Post-Soviet periods

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Azimzoda Sh. J. 53
Criminal and procedural characteristics
of discharging criminal cases against the minors
according to the legislation of the Republic of Tajikistan

<i>Ахмерова О. С.</i> Актуальные проблемы участия понятых в производстве следственных действий	61	<i>Akhmerova O. S.</i> Current problems of official witness participation in the investigative actions
<i>Аширбекова М. Т., Попова Л. В.</i> О расширении надзорных полномочий прокурора при разрешении сообщений о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности	67	<i>Ashirbekova M. T., Popova L. V.</i> On expanding the prosecutor's supervision authorities while ratifying reports on enterprise crimes and others
<i>Гусева С. Д.</i> Особенности выявления допинговых преступлений оперативными подразделениями органов внутренних дел	74	<i>Guseva S. D.</i> Specifics of detecting crimes related to doping abuse by the operative units of the Internal Affairs Bodies
<i>Долгаев В. В., Соколова А. В.</i> Вопросы регламентации использования в качестве доказательств информации, содержащейся на электронных носителях	79	<i>Dolgaev V. V., Sokolova A. V.</i> Issues of regulation of the use of electronic media as evidence
<i>Досова А. В., Ляпичев В. Е., Сигерич М. Я., Кошманов П. М.</i> Значение экспертных исследований в доказывании события преступления, связанного с использованием подложного документа	85	<i>Dosova A. V., Lyapichev V. E., Sigerich M. Ya., Koshmanov P. M.</i> The importance of expert researches in proving the event of a crime related to the use of a forged document
<i>Замылин Е. И., Плешакова О. В.</i> Особенности возбуждения уголовных дел по признакам преступлений, предусмотренных ст. 317—319 Уголовного кодекса Российской Федерации (обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию)	92	<i>Zamylin E. I., Pleshakova O. V.</i> Features of initiation of criminal cases, provided by art. 317—319 of Criminal Code of Russian Federation (circumstances to be established and proven)
<i>Иманалиева У. Э.</i> Развитие состязательных начал досудебного производства в новом уголовно-процессуальном законодательстве постсоветских государств	102	<i>Imanalieva U. E.</i> Development of adversarial principles of pre-trial proceedings in the new criminal procedure legislation of Post-Soviet states
<i>Климова Я. А.</i> Содержание основных структурных элементов криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними	108	<i>Klimova Ya. A.</i> Basic structural elements subject matter with regard to forensic characteristics of crimes committed by teenagers
<i>Насонов А. А.</i> Личный интерес как фактор, определяющий построение системы лиц, защищающих свои или представляемые права и интересы	114	<i>Nasonov A. A.</i> Personal interest as a factor determining the construction of a system of persons defending their or represented rights and interests

<i>Рамалданов Х. Х.</i> Понятие и сущность цифровизации доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве	121	<i>Ramaldanov Kh. Kh.</i> The concept and essence of digitalization of evidence and proof in criminal proceedings
<i>Синкевич В. В.</i> Цифровизация уголовного процесса: зарубежный и отечественный опыт	129	<i>Sinkevich V. V.</i> Digitalization of criminal procedure: the foreign and Russian experience
<i>Сычева А. В.</i> Некоторые вопросы криминалистической характеристики «дистанционных» мошенничеств, совершенных в отношении пожилых людей	135	<i>Sycheva A. V.</i> Some problematic issues of criminalistic characteristics of "remote" frauds committed against the elderly
<i>Тарасова М. Ю., Контемирова Ю. В., Смагоринский Б. П.</i> О влиянии COVID-19 на уровень преступности иностранцев и противодействии данному преступлению	141	<i>Tarasova M. Yu., Kontemirova Ju. V., Smagorinsky B. P.</i> On the issue related to the influence of COVID-19 on the migration situation in Russia
<i>Фильченко А. П., Жандров В. Ю.</i> Признаки фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности в материалах уголовных дел о незаконном обороте наркотиков	148	<i>Filchenko A. P., Zhandrov V. Yu.</i> Signs of falsification of evidence and the results of operational investigative activities in the materials of criminal cases on drug trafficking
<i>Янин С. А.</i> Возбуждение уголовного дела по факту невозвращения на территорию Российской Федерации культурных ценностей и некоторые особенности организации его расследования на первоначальном этапе	156	<i>Yanin S. A.</i> Institution of criminal proceedings on the fact of non-return to the territory of Russian Federation of cultural properties and some features of the organization its investigations at the initial stage
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ		PAGES OF HISTORY
<i>Мелихов А. И.</i> Негласный религиозный контроль в истории отечественной системы обеспечения внутренней безопасности общества и государства	163	<i>Melikhov A. I.</i> Unspoken religious control in the history of the domestic system for ensuring the internal security of society and the state
НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ		SCIENTIFIC DISCUSSION
<i>Гаврилов Д. А., Гаврилова В. Д.</i> Правовые основы государственной политики памяти в Российской Федерации	172	<i>Gavrilov D. A., Gavrilova V. D.</i> Legal foundations of state memory policy in the Russian Federation

УДК 343.344

doi: 10.25724/VAMVD.YLMN

**НОВОЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ
ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ, ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ,
ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ*****Наталья Александровна Егорова, Александр Георгиевич Егоров***

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, egonatalex@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются новеллы уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств.

Дана общая характеристика новых положений уголовного закона. Рассмотрены отдельные проблемы, возникшие в связи с данными новеллами. В частности, сделан аргументированный вывод о нежелательности дополнения примечаний к ст. 222, 222.1 Уголовного кодекса Российской Федерации нормами-дефинициями, раскрывающими признаки предметов рассматриваемых преступлений. Обращено внимание на то, что законодательное определение понятия крупнокалиберного огнестрельного оружия (п. 2 примечаний к ст. 222.2 Уголовного кодекса Российской Федерации) не вполне соответствует криминалистическим критериям такого оружия. Высказано сомнение относительно повышения уровня общественной опасности незаконного оборота огнестрельного оружия и необходимости усиления ответственности за него исключительно в связи с отношением такого оружия к крупнокалиберному без учета других его характеристик. Рассмотрены вопросы, возникшие в связи с дополнением ч. 1 ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации указанием на незаконную пересылку огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему, и некоторые другие. Сформулированы авторские выводы и предложения по совершенствованию уголовного законодательства о незаконном обороте указанных предметов и практики его применения.

Ключевые слова: оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, огнестрельное оружие, крупнокалиберное огнестрельное оружие

Для цитирования: Егорова Н. А., Егоров А. Г. Новое в уголовном законодательстве об ответственности за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 9—18. doi: 10.25724/VAMVD.YLMN

**NEW IN CRIMINAL LAWS CONCERNING THE LIABILITY
FOR TRAFFICKING IN FIREARMS, AMMUNITION, EXPLOSIVES,
AND DESTRUCTIVE DEVICES*****Natalya Aleksandrovna Egorova, Aleksandr Georgievich Egorov***

Volograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, egonatalex@yandex.ru

Abstract. This article analyses new criminal laws concerning the liability for trafficking in firearms, ammunition, explosives, and destructive devices.

New provisions of the criminal law are generally presented herein. Certain issues reviewed arisen in connection with these new provisions. Particularly, it has been drawn the argued conclusion of undesirability on remarks adding to art. 222, 222.1 of the Criminal Code of the Russian Federation by norms-definitions that define object features of crimes under consideration. It has been drawn the attention that the legislative definition of large-caliber fire weapons (p. 2 of remarks to art. 222.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) does not meet definitely forensic criteria of such firearms. It has been voiced a doubt about increase of the public danger of trafficking in firearms and necessity to strengthen responsibility for it solely due to its rating as the large-caliber fire weapons without regard for its other features. Issues arisen due to addition of part 1 art. 222 of the Criminal Code of the Russian Federation were reviewed with indication of the illegal forwarding of firearms, main parts and ammunition as well as some others. Author's conclusions are drawn and proposals on criminal laws improvement are drafted with regard to above mentioned items in illicit circulation as wells as the practice in the application of them.

Keywords: weapons, ammunition, explosives, destructive devices, firearms, large-caliber firearms.

For citation: Egorova N. A., Egorov A. G. New in criminal laws concerning the liability for trafficking in firearms, ammunition, explosives, and destructive devices. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—18. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.YLMN

Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ в ряд статей Уголовного кодекса Российской Федерации (в дальнейшем — УК РФ)¹ о незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств внесены изменения и дополнения.

В целом рассматриваемые новеллы характеризуются дифференциацией и усилением уголовной ответственности за незаконный оборот указанных предметов, что выразилось, в частности:

— в повышении пределов санкций за незаконные приобретение, передачу, хранение, перевозку, ношение огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему (ч. 1 ст. 222 УК РФ); за незаконные приобретение, передачу, хранение, перевозку, ношение взрывчатых веществ и взрывных устройств (ч. 1 ст. 222.1 УК РФ); незаконное изготовление оружия (ч. 1—3 ст. 223 УК РФ); за незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконное изготовление, переделку или ремонт взрывных устройств (ст. 223.1 УК РФ);

— в криминализации незаконной пересылки огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему (ч. 1 ст. 222 УК РФ), а также незаконной пересылки взрывчатых веществ и взрывных устройств (ч. 1 ст. 222.1 УК РФ);

— в установлении самостоятельного основания ответственности за незаконный сбыт указанных предметов (ч. 2 ст. 222, ч. 2 ст. 222.1 УК РФ) и серьезном ужесточении санкций за него по сравнению с другими незаконными действиями с этими предметами;

— в расширении круга квалифицирующих признаков преступлений, предусмотренных ст. 222, 222.1 УК РФ, значительным повышением пределов санкций за квалифицированные виды рассматриваемых преступлений по сравнению с их основными видами;

— в криминализации незаконного сбыта основных частей гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия и патронов к нему, основных частей огнестрельного оружия ограниченного поражения и патронов к нему; незаконного сбыта пневматического оружия с дульной

энергией свыше 7,5 Дж (ч. 7 ст. 222 УК РФ); незаконного изготовления пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж (ч. 4 ст. 223 УК РФ);

— в конструировании самостоятельных оснований ответственности за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку, пересылку или ношение крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему (ст. 222.2 УК РФ) с отнесением данных деяний к категории тяжких (ч. 1—3 ст. 222.2 УК РФ) и особо тяжких (ч. 4—6 ст. 222.2 УК РФ) преступлений.

Уголовный закон дополнен нормами-дефинициями, раскрывающими признаки предметов преступлений: огнестрельного оружия (п. 2 примечаний к ст. 222 УК РФ), боеприпасов (п. 3 примечаний к ст. 222 УК РФ), взрывчатых веществ (п. 2 примечаний к ст. 222.1 УК РФ), взрывных устройств (п. 3 примечаний к ст. 222.1 УК РФ), крупнокалиберного огнестрельного оружия (п. 2 примечаний к ст. 222.2 УК РФ).

В пункте 2 примечаний к ст. 222 УК РФ указано: «Для целей настоящей статьи и других статей настоящего Кодекса под огнестрельным оружием понимается оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда».

В процитированной норме дословно воспроизводится соответствующий фрагмент ст. 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (далее — ФЗ об оружии), в чем, как представляется, не было необходимости. Правоприменители и прежде руководствовались данным законом при квалификации по ст. 222 УК РФ, что подтверждено разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации в п. 1, 2 постановления «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» от 12 марта 2002 г. № 5 (в дальнейшем — ППВС РФ № 5 от 12.03.2002).

Использование в уголовном законе терминов других отраслей права весьма распространено, однако вызывает сомнения целесообразность определения таких терминов не только в иноотраслевом законодательстве, но еще и в УК РФ.

¹ Если не указано иное, доступ к упомянутым в данной научной статье нормативным правовым актам осуществлялся из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

Характеристика бланкетных признаков в тексте уголовного закона путем дублирования их иноотраслевых определений есть не что иное, как нормативное излишество, правовой дефект [1, с. 37—38, 105]. Подобная характеристика имеет смысл, если в уголовном законе понятие, используемое в других отраслях права, наделяется неким специфическим уголовно-правовым содержанием [2, с. 116—117], что, в свою очередь, должно иметь веские причины. Согласно выработанному в науке уголовного права общему методологическому подходу к отбору терминов, требующих определения, потребность в построении уголовно-правовой дефиниции имеется, когда как в правоприменительной практике, так и в доктрине отсутствует единое толкование данного понятия [3, с. 53; 4, с. 474—475]. Едва ли оба эти обстоятельства (особенно первое) имеют отношение к понятию «огнестрельное оружие», признаки которого, как уже отмечалось, закреплены в федеральном законе. В криминалистике предложены иные, чем предусмотрено в законодательстве, определения понятия огнестрельного оружия [5, с. 43—52]. Но, пока действует ФЗ об оружии, дискуссия по данному вопросу в рамках другой отрасли знаний не должна иметь прямого отношения к толкованию уголовного закона.

Правотворческое решение, воплощенное в п. 2 примечаний к ст. 222 УК РФ, нежелательно по двум причинам: 1) создает прецедент перенасыщения норм уголовного права дефинициями иноотраслевых понятий, обозначающих бланкетные признаки составов преступлений (по этой же логике можно ввести в текст УК РФ еще множество определений, заимствованных из норм других отраслей права); 2) таит опасность возникновения противоречий между уголовно-правовой и иноотраслевой дефинициями в случае изменения законодательства другой отрасли, что повлечет за собой необходимость последующей корректировки уголовного закона в этой части.

Определение понятия «боеприпасы» (п. 3 примечаний к ст. 222 УК РФ), напротив, несколько отличается от закрепленного в ФЗ об оружии. Различия имеют несущественный, редакционный характер, но, тем не менее, демонстрируют некую рассогласованность между нормами уголовного и административного права, причины которой можно только предполагать, ибо они не раскрываются в пояснительной записке к проекту федерального закона об анализируемых новеллах (в дальнейшем — законопроект)¹. Например, в дефиниции понятия «боеприпа-

сы», содержащейся в ФЗ об оружии, прямо не указаны патроны, хотя правоприменительная практика относит их к боеприпасам (см. п. 4 ППВС РФ № 5 от 12.03.2002), а также ничего не сказано о способах изготовления данного предмета преступления (промышленном или самодельном), упомянутых в п. 3 примечаний к ст. 222 УК РФ. В этом же пункте примечаний сделана не совсем удачная оговорка, по смыслу которой для целей данной статьи и других статей уголовного закона указанные предметы признаются боеприпасами «независимо от калибра». Как следует из ст. 222.2 УК РФ и п. 2 примечаний к ней, для боеприпасов к крупнокалиберному огнестрельному оружию калибр имеет значение.

В пункте 2 примечаний к ст. 222.1 УК РФ введена дефиниция понятия «взрывчатое вещество» («под взрывчатыми веществами понимаются химические соединения или смеси веществ, способные под влиянием внешних воздействий к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению (взрыву)»), которая дословно повторяет определение, содержащееся в п. 5 ППВС РФ № 5 от 12.03.2002. То же самое следует сказать о дефиниции понятия «взрывное устройство» в п. 3 примечаний к ст. 222.1 УК РФ («промышленные или самодельные изделия, содержащие взрывчатое вещество, функционально предназначенные для производства взрыва и способные к взрыву») — оно не отличается от данного Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в том же пункте названного постановления. Существование правовых позиций высшей судебной инстанции по поводу содержания понятий взрывчатого вещества и взрывного устройства, закрепленных в таком акте толкования, как постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, не оставляет сомнений в том, что судебной практикой выработано единообразное понимание данных терминов, поэтому введение их дефиниций еще и в уголовный закон не было столь уж необходимым.

Определение понятия крупнокалиберного огнестрельного оружия, данное в уголовном законе, не вполне соответствует криминалистическим критериям такого оружия. Согласно п. 2 примечаний к ст. 222.2 УК РФ для целей настоящей статьи и других статей УК РФ «под крупнокалиберным огне-

Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях усиления ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1157845-7> (дата обращения: 16.08.2021).

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс

стрельным оружием понимается огнестрельное оружие (за исключением гражданского огнестрельного оружия и служебного огнестрельного оружия) калибра от 20 мм и более». В криминалистических классификациях огнестрельного оружия по калибру крупным признается калибр свыше 9 мм [6, с. 14]. В пояснительной записке к законопроекту повышенная степень общественной опасности незаконного оборота крупнокалиберного огнестрельного оружия аргументируется тем, что такое оружие «обладает повышенным поражающим воздействием, а боеприпасы к такому оружию фактически являются взрывными устройствами». Из приведенной цитаты следует, что признание крупнокалиберным оружием огнестрельного оружия (кроме гражданского огнестрельного оружия и служебного огнестрельного оружия, а значит, только боевого) калибра именно свыше 20 мм объясняется особыми свойствами боеприпасов к такому оружию — они обладают признаками взрывных устройств, что увеличивает поражающее воздействие оружия. Примеры таких боеприпасов (мина, граната) приведены в п. 5 ППВС РФ № 5 от 12.03.2002. Рассуждая логически, к крупнокалиберному оружию в уголовно-правовом смысле следует относить, к примеру, минометы, гранатометы, пушки. Тем не менее свойства, указанные в пояснительной записке, могут быть присущи и боеприпасам к оружию калибра менее 20 мм (разрывным, зажигательным пулям калибра 7,62, 7,92, 12,7 и 14,5 мм). И насколько правильно связывать повышение уровня общественной опасности преступления и усиление ответственности за него только с калибром находящегося в незаконном обороте боевого оружия, а не его, допустим, прицельной дальностью, боевой скорострельностью, возможностью ведения стрельбы очередями и др.? Так, крупнокалиберная (с криминалистической, но не с уголовно-правовой точки зрения) снайперская винтовка В-94 имеет калибр 12,7 мм, прицельную дальность — 2000 м, боевую скорострельность — 5—20 выстрелов в минуту [7, с. 173]. Для сравнения: ручной противотанковый гранатомет РПГ-7 имеет калибр 40 мм, т. е. относится к крупнокалиберному огнестрельному оружию, по смыслу нормы п. 2 примечаний к ст. 222.2 УК РФ, но при этом его максимальная прицельная дальность — 700 м, боевая скорострельность — 4—6 выстрелов в минуту¹. Теперь незаконные действия с названными видами огнестрельного оружия должны квали-

фицироваться по-разному только потому, что указанный гранатомет, согласно п. 2 примечаний к ст. 222.2 УК РФ, надлежит признать крупнокалиберным огнестрельным оружием, а винтовку — нет. Нельзя отнести к крупнокалиберному (в уголовно-правовом смысле) огнестрельному оружию способный сбивать самолеты пулемет Дегтярева — Шпагина (калибра 12,7 мм), пробивающие танковую броню противотанковые ружья Дегтярева и Симонова (калибра 14,5 мм).

Полагаем, что более логичным было бы ужесточение ответственности за незаконный оборот огнестрельного оружия, обладающего повышенными поражающими свойствами, а также боеприпасов к нему — в частности, патронов специального назначения (бронебойных, зажигательных, разрывных).

Не устранен пробел в уголовном законодательстве в части ответственности за незаконный оборот огнеметов, не обладающих всеми признаками огнестрельного оружия ввиду отсутствия метаемого снаряжения [5, с. 295—296; 8].

Незаконная пересылка огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему (ч. 1 ст. 222 УК РФ), взрывчатых веществ, взрывных устройств (ч. 1 ст. 222.1 УК РФ) — относительно новый уголовно наказуемый вид незаконного оборота указанных предметов (точнее было бы говорить не о виде незаконного оборота, а о его способе). Особенность данной разновидности деяния, образующего объективную сторону преступления, заключается в перемещении предмета преступления без непосредственного участия отправителя. Пересылкой в судебной практике признаются действия, направленные на перемещение предмета преступления, в частности, «в почтовых отправлениях, посылках, багаже с использованием средств почтовой связи, воздушного или другого вида транспорта, а также с нарочным при отсутствии осведомленности последнего о реально перемещаемом объекте или его сговора с отправителем» (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (в дальнейшем — ППВС РФ о НОН)). До анализируемых изменений уголовного закона пересылка, прямо не названная в прежних редакциях указанных норм, могла быть способом незаконных передачи и сбыта таких предметов².

¹ Ручной противотанковый гранатомет // Новый оборонный заказ: сайт. URL: <https://dfnc.ru/katalog-vooruzhenij/strelkovoe-vooruzhenie/rpg-7v/> (дата обращения: 16.08.2021).

² В Волгоградской области пресечена деятельность банды, рассылавшей клиентам оружие по почте. URL:

Так, за незаконный сбыт огнестрельного оружия был осужден К., который через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» разместил объявление о продаже ранее незаконно приобретенного подсудимым и хранящегося у него револьвера марки РГ-9 и указал номер банковской карты для перечисления ему денежных средств. Путем обмена текстовыми сообщениями на странице форума К. договорился с незнакомым мужчиной (далее — Лицо 1) о сбыте указанного револьвера за денежное вознаграждение в размере 10 000 рублей и перемещении его из г. Магнитогорск Челябинской области в г. Саратов по адресу проживания Лица 1 посредством использования службы курьерской доставки ООО «СДЭК-Урал». После перечисления Лицом 1 на банковскую карту К. денежных средств К. взял принадлежащий ему видеомаягнитофон марки Sharp и, предварительно вынув из него часть внутренних деталей, в образовавшуюся полость упаковал данный револьвер. К. попросил близкого ему человека (далее — Лицо 3), не ставя в известность последнего о своих преступных намерениях, отвезти видеомаягнитофон, внутри которого находился револьвер, в офис службы курьерской доставки ООО «СДЭК-Урал» для отправки в г. Саратов Лицу 1. Лицо 3, не зная о преступных намерениях К., прибыл в офис курьерской доставки, где оформил отправку видеомаягнитофона, внутри которого находился револьвер, коммерческим грузом № ... В пункте досмотра грузовых отправок, расположенном в аэропорту г. Челябинска, в ходе досмотра партии коммерческого груза №... указанный револьвер был обнаружен и изъят¹.

Квалифицируя подобные деяния по ч. 1 ст. 222 УК РФ в новой редакции, следовало бы вменить сбытчику еще и незаконную пересылку огнестрельного оружия, что искусственно увеличило бы объем обвинения, так как пересылка была способом сбыта и не имела самостоятельного значения.

В науке предложение о дополнении ст. 222 УК РФ указанием на незаконную пересылку имеет как сторонников [9, с. 90—91], так и противников [10, с. 436]. Полагаем, что если пересылка не является способом передачи или сбыта предметов, указанных в ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 222.1 УК РФ, то это разно-

видность их хранения (например, когда лицо пересылает их самому себе).

Предвидим возражения, что незаконная пересылка таких предметов, как взрывчатые вещества, опасна еще и созданием угрозы жизни и здоровью людей (сотрудников курьерских служб, транспортных организаций и др.). Но данное обстоятельство уже учтено в ст. 218 УК РФ, где предусмотрена ответственность за незаконную пересылку взрывчатых веществ по почте или багажом, если эти деяния повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека. Данное преступление при этом наказывается менее строго (лишением свободы на срок до пяти лет), чем незаконная пересылка взрывчатых веществ, не повлекшая никаких общественно опасных последствий (ч. 1 ст. 222.1 УК РФ — лишением свободы на срок от шести до восьми лет), что трудно признать логичным и справедливым.

Дополнение диспозиции ч. 1 ст. 222 УК РФ указанием на незаконную пересылку огнестрельного оружия актуализировало вопрос о разграничении данного преступления и административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.12 КоАП РФ (ред. от 28.06.2021). В части 1 ст. 20.12 КоАП РФ запрещена «пересылка оружия, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния». Системное толкование уголовно-правовых и административно-правовых норм позволяет прийти к выводу, что разграничение составов административного правонарушения и преступления следует проводить по предмету: административную ответственность влечет пересылка оружия, не являющегося предметом преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 222.2 УК РФ (гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения, пневматического, холодного, метательного оружия).

Не совсем понятно, как «пересылка» в ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 222.2 УК РФ соотносится с «транспортированием» в ст. 20.10 КоАП РФ. В пункте 17 ППВС РФ о НОН транспортирование рассматривается как способ пересылки (см. выше). Как квалифицировать, к примеру, перемещение огнестрельного оружия в посылке, врученной проводнику поезда дальнего следования, для передачи на вокзале подошедшему за ней лицу — как уголовно наказуемую незаконную пересылку или как незаконное транспортирование, влекущее административную ответственность? Вероятно, в ст. 20.10 КоАП РФ подразумеваются только те виды оружия, которые не могут быть предметом уголовно наказуемой незаконной пересылки (или перевозки) (ч. 7 ст. 222 УК РФ).

https://www.1tv.ru/news/2016-11-21/314440-v_volgogradskoy_oblasti_preseche_na_deyatelnost_bandy_rassylavshy_klientam_oruzhie_po_pochte (дата обращения: 11.08.2021).

¹ Приговор Metallургического районного суда г. Челябинска от 15 июня 2017 г. по делу № 1-370/2017. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/351506.html> (дата обращения: 17.08.2021).

Что касается незаконного сбыта огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов к нему (ч. 2 ст. 222 УК РФ), гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, его основных частей и патронов к нему, огнестрельного оружия ограниченного поражения, его основных частей и патронов к нему, газового оружия (за исключением механических распылителей, аэрозольных и других устройств, снаряженных слезоточивыми или раздражающими веществами), пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж, холодного оружия либо метательного оружия (ч. 7 ст. 222 УК РФ), взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч. 2 ст. 222.1 УК РФ), крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему (ч. 2 ст. 222.2 УК РФ), то с точки зрения юридической техники более предпочтительным решением была бы регламентация ответственности за незаконный сбыт указанных предметов в отдельных статьях УК РФ. Во-первых, незаконный сбыт предметов, перечисленных в ч. 2 ст. 222, ч. 2 ст. 222.1 УК РФ, утратил свойство альтернативного признака составов и был преобразован в самостоятельные составы. Во-вторых, как следует из ст. 222, 222.1, 222.2 УК РФ, для незаконного сбыта предметов, указанных в ч. 2 ст. 222, ч. 2 ст. 222.1, ч. 2 ст. 222.2 УК РФ, предусмотрен тот же набор квалифицирующих признаков, что и для их незаконных приобретения, передачи, хранения, перевозки, пересылки или ношения, в результате чего объем нормативного материала в названных статьях Особенной части значительно увеличился. В-третьих, преступление, предусмотренное ч. 7 ст. 222 УК РФ, существенно отличается от иных видов сбыта спецификой предмета преступления, а также отсутствием квалифицирующих признаков состава.

В пункт 1 примечаний к ст. 222 УК РФ внесено уточнение, что не может признаваться добровольной сдачей предметов, указанных в данной статье, а также в ст. 222.1, 222.2, 223 и 223.1 УК РФ, их изъятие не только при задержании лица и при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию, но также при проведении аналогичных оперативно-разыскных мероприятий. С одной стороны, такое дополнение не лишено смысла, поскольку ведущий критерий добровольности сдачи предметов преступления — осознание виновным возможности их дальнейшего хранения или совершения иных незаконных действий с ними. Таковой была и осталась правовая позиция, сформулированная в п. 19 ППВС РФ № 5 от 12.03.2002 задолго до изменения редакции п. 1

примечаний к ст. 222 УК РФ: «Под добровольной сдачей огнестрельного оружия и иных предметов, указанных в статьях 222—223.1 УК РФ, следует понимать их выдачу лицом по своей воле или сообщении органам власти о месте их нахождения *при реальной возможности дальнейшего хранения этих предметов* (курсив наш. — Н. Е., А. Е.)». Законодателем избран казуистичный способ изложения нормативного материала (перечисление конкретных ситуаций, когда добровольность отсутствует), и дополнение нормы п. 1 примечаний к ст. 222 УК РФ выглядит как восполнение пробела в уголовном праве: по буквальному смыслу данной нормы в ранее действовавшей редакции сдача указанных предметов при производстве оперативно-разыскных мероприятий не препятствовала признанию ее добровольной и, следовательно, освобождению лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности¹.

С другой стороны, перечисление конкретных ситуаций, исключающих добровольность сдачи предметов и освобождение от уголовной ответственности виновного лица, вряд ли можно признать оптимальным ввиду отсутствия указания на универсальные признаки добровольности (наличия реальной возможности дальнейшего хранения предметов преступления и, что главное, субъективного осознания такой возможности виновным лицом) [11, с. 81—85], да и производство указанных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий не всегда исключает возможность дальнейшего хранения предметов преступления [12, с. 45—46].

В обновленных редакциях ст. 222, 222.1 и вновь введенной ст. 222.2 УК РФ предусмотрена одна и та же система квалифицирующих признаков: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору; лицом с использованием своего служебного положения; с использованием

¹ Тем не менее в судебной практике не признавалась добровольной сдача указанных предметов и при проведении оперативно-разыскных мероприятий, направленных на их обнаружение и изъятие. См., напр.: Справка по результатам обобщения судебной практики рассмотрения Промышленным районным судом г. Владикавказ уголовного дела о преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия, за 2016 год. URL: http://promishlenni.wlk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=453 (дата обращения: 21.08.2021); Изучение судебной практики по уголовным делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств за 2017 год и 3 месяца 2018 года (ст. 222—226.1 УК РФ). URL: http://leninskiy.uln.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=3410 (дата обращения: 21.08.2021).

информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Однако не все квалифицирующие обстоятельства, заслуживающие внимания, включены в анализируемые нормы. Например, не имеют значения таковых признаки, связанные с количеством находящихся в незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, несмотря на то что предложения о целесообразности дифференциации ответственности в зависимости от данного обстоятельства неоднократно вносились в научных исследованиях [10, с. 553—555; 13].

Возникает вопрос о необходимости придания статуса квалифицирующего признака незаконного оборота указанных предметов совершению преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (в дальнейшем — ИТС), в том числе сети Интернет. Использование ИТС настолько прочно вошло в жизнь людей, в деятельность организаций, органов власти, что тезис о значительном возрастании степени общественной опасности оборота запрещенных предметов, совершенного с помощью ИТС, видится довольно спорным. Официальная статистика последних лет фиксирует возрастание как абсолютного количества преступлений, совершенных с использованием ИТС, так и их удельного веса в общем числе зарегистрированных преступлений¹. Так, в 2020 г. зарегистрировано 510,4 тыс. таких преступлений, что на 73,4 % превышает показатель за аналогичный период 2019 г. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 14,5 % в 2019 г. до 25,0 % в 2020 г.² В первом полугодии 2021 г. зарегистрировано 271,1 тыс. таких преступлений, что составило 26,5 % от всех преступлений в России³.

В новейших уголовно-правовых исследованиях констатировано, что так называемый информационный способ совершения преступления далеко не всегда более опасен, чем традиционный [14, с. 21, 202, 204]. Уголовно-правовое значение использования ИТС при совершении преступлений должно быть дифференцированным, усиление ответственности

имеет смысл, когда использование ИТС повышает степень общественной опасности преступления (допустим, если сопряжено с посягательством на дополнительный объект — компьютерную безопасность — например, путем неправомерного доступа к компьютерной информации, использования вредоносной программы и т. п., либо если способствует большей уязвимости объекта уголовно-правовой охраны и потерпевшего — например, в ст. 110—110.2 УК РФ). Как подчеркнуто в пояснительной записке к законопроекту, 70 % (т. е. более двух третей) зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, совершается с использованием сети Интернет. Но ведь распространенность совершения тех или иных преступлений с использованием ИТС сама по себе не может служить аргументом в пользу конструирования соответствующего квалифицированного состава. Помимо значительного повышения уровня общественной опасности (что не бесспорно при совершении рассматриваемых преступлений с использованием ИТС) важным правилом конструирования квалифицированных составов преступлений признается «*нехарактерность* оцениваемого более опасного варианта преступного поведения для *большинства* деяний, зафиксированных в основном составе (курсив наш. — Н. Е., А. Е.)» [15, с. 183]. Приведенная выше цифра (70 %) свидетельствует о том, что использование ИТС в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств — вариант преступного поведения, характерный для большинства таких преступлений. Типичность так называемых компьютеризированных преступлений, связанных с незаконным оборотом указанных предметов, не позволяет считать использование ИТС при их совершении квалифицирующим признаком. Можно понять законодательное решение об усилении ответственности за незаконный сбыт названных предметов, совершенный с использованием ИТС (п. «в» ч. 5 ст. 222 УК РФ, п. «в» ч. 5 ст. 222.1 УК РФ, п. «в» ч. 5 ст. 222.2 УК РФ), поскольку именно такой сбыт способствует тому самому обезличенному, массовому и неконтролируемому распространению предметов вооружения на территории России, о котором сказано в пояснительной записке к законопроекту. Но едва ли это верно применительно к действиям, перечисленным в ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 222.1, ч. 1 ст. 222.2 УК РФ — главным образом, к незаконным приобретению и передаче указанных предметов, так как их незаконные хранение, пересылку или ношение с использованием ИТС сложно себе представить.

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2018 г. Москва: ГУПСИИТ Ген. прокуратуры РФ, 2019. С. 8, 23; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2019 г. Москва: ГУПСИИТ Ген. прокуратуры РФ, 2020. С. 8, 23.

² Состояние преступности в России за январь — декабрь 2020 года. Москва: ГИАЦ МВД России, 2021. С. 4.

³ Егоров И. Генпрокуратура обнародовала данные криминальной статистики // Российская газета. Столичный выпуск. 2021. 4 авг. URL: <https://rg.ru/2021/08/04/genprokuratura-obnarodovala-dannye-kriminalnoj-statistiki.html> (дата обращения: 26.08.2021).

На основании изложенного предлагаем:

- 1) исключить п. 2, 3 примечаний к ст. 222, п. 2, 3 примечаний к ст. 222.1 УК РФ;
- 2) исключить из п. 1 примечаний к ст. 222 УК РФ фразу: «Не может признаваться добровольной сдачей предметов, указанных в настоящей статье, а также в статьях 222.1, 222.2, 223 и 223.1 настоящего Кодекса, их изъятие при задержании лица, а также при проведении оперативно-разыскных мероприятий или следственных действий по их обнаружению и изъятию»;
- 3) дополнить ч. 1, 2 ст. 222 УК РФ указанием на огнестрельное оружие;
- 4) исключить из диспозиций ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 222.1 УК РФ указание на пересылку перечисленных в них предметов;
- 5) квалифицирующий признак «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети „Интернет“» сохранить только

в составах незаконного сбыта оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств;

6) изменить редакцию ч. 1 ст. 222.2 УК РФ, предусмотрев в диспозиции ответственность за незаконный оборот огнестрельного оружия, обладающего повышенными поражающими свойствами, его основных частей, боеприпасов к нему;

7) предусмотреть ответственность за незаконный сбыт предметов, указанных в ч. 2 ст. 222 УК РФ, ч. 2 ст. 222.1 УК РФ, ч. 2 ст. 222.2, ч. 7 ст. 222 УК РФ, в самостоятельных статьях уголовного закона;

8) внести очередные корректировки в ППВС РФ № 5 от 12.03.2002, привести данный акт толкования права в соответствие с новыми положениями уголовного законодательства о незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств.

---

1. Кожокар И. П. Технико-юридические дефекты в российском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2020. 414 с.

2. Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей: монография. Волгоград: БЮИ МВД России, 1998. 224 с.

3. Кострова М. Б. Теоретическая модель языковой формы нового Уголовного кодекса России. Часть 2 // Lex Russica. 2016. № 12. С. 41—55.

4. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. IV. Уголовный закон. Законодательная техника / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. Москва: Юрлитинформ, 2016. 704 с.

5. Плескачевский В. М. Оружие в криминалистике: понятие и классификация. Москва: СПАРК, 2001. 343 с.

6. Стальмахов А. В., Сумарока А. М., Егоров А. Г., Сухарев А. Г. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза: учебник / под общ. ред. А. Г. Егорова. Саратов: СЮИ МВД России, 1998. 176 с.

7. Бельков В. А., Халапханов В. Т. Криминалистическое исследование огнестрельного оружия: учеб. пособие. Иркутск: Иркут. филиал ВГУЮ, 2016. 206 с.

8. Рудик М. В., Юшина Ю. В. Проблемные вопросы предмета преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ // Таврический научный обозреватель. 2017. № 1. С. 60—63.

---

1. Kozhokar I. P. Technical and legal defects in the Russian laws. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2020: 414. (In Russ.).

2. Pikurov N. I. Criminal law in the system of intersectoral linkages. Monograph. Volgograd: Volgograd Law Institute of the Ministry of Interior of Russia; 1998: 224. (In Russ.).

3. Kostrova M. B. Theoretical model of a linguistic form of the Criminal Code of the Russian Federation. Part 2. Lex Russica, 41—55, 2016. (In Russ.).

4. Criminal law. General part. Crime. Academic courses. In 10 vols. Vol. IV. Criminal laws. Legislative technique. Edited by the doctor of juridical sciences, professor N. A. Lopashenko. Moscow: Yurlitinform; 2016: 704. (In Russ.).

5. Pleskachevskiy V. M. Weapons within criminalistics: definition and classification. Moscow: SPARK; 2001: 343. (In Russ.).

6. Stalmakhov A. V., Sumaroka A. M., Egorov A. G., Sukharev A. G. Forensic ballistics and Forensic-ballistics tests. Textbook. General ed. by A. G. Egorov. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Interior of Russia; 1998: 176. (In Russ.).

7. Belkov V. A., Khalapkhanov V. T. Forensic examination of firearms. Training book. Irkutsk: Irkutsk branch of VGUYu; 2016: 206. (In Russ.).

8. Rudik M. V., Yushina Yu. V. Problematic issues of the subject matter of the crime under art. 222 of the Criminal Code of the Russian Federation. Tauric scientific observer, 60—63, 2017. (In Russ.).

9. Зайцева Е. В. Уголовно-правовые средства противодействия незаконному обороту оружия и его применению при совершении преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 214 с.

10. Муркштис М. Й. Противодействие незаконному обороту оружия: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019. 570 с.

11. Торозова Е. А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольной сдачей оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств: проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3. С. 80—85.

12. Суркова О. Г. Добровольная сдача предметов, находящихся в незаконном владении лица, совершившего преступление, и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014. 272 с.

13. Невский С. А. Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с незаконным оборотом оружия: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2001. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/kriminologicheskie-i-ugolovno-pravovye-problemy-borby-s-nezakonnym-oborotom.html> (дата обращения: 17.08.2021).

14. Русскевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации. Москва: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2021. 521 с.

15. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. 300 с.

Егорова Наталья Александровна,
профессор кафедры уголовного права
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
egonatalex@yandex.ru

Егоров Александр Георгиевич,
профессор кафедры основ
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, профессор;
egonatalex@yandex.ru

9. Zaytseva E. V. Criminal countermeasures against arms trafficking and its application while commissioning a crime. Dissertation of candidate of juridical sciences. Omsk; 2014: 214. (In Russ.).

10. Murkshtis M. Y. Countermeasures against arms trafficking: Criminal and criminologic research. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2019: 570. (In Russ.).

11. Torozova E. A. Relief from criminal responsibility due to voluntary give up of weapons, ammunition, explosives and destructive devices: issues of criminal-legal regulation and qualification. Journal of the Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia, 80—85, 2016. (In Russ.).

12. Surkova O. G. Voluntary give up of items that are illegally possessed by a person committed a crime, and its criminal-law value. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2014: 272. (In Russ.).

13. Nevskiy S. A. Criminological and criminal-law issues of fight against arms trafficking. Dissertation of doctor of juridical sciences. Krasnodar; 2001. Available from: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/kriminologicheskie-i-ugolovno-pravovye-problemy-borby-s-nezakonnym-oborotom.html>. Accessed: 17 August 2021. (In Russ.).

14. Russkevich E. A. Liability differentiation for crimes committed by using information and communication technologies, and qualification issues. Moscow: Moscow University of the Ministry of Interior of Russia named after V. Ya. Kikot, 2021: 521. (In Russ.).

15. Kruglikov L. L., Vasilyevskiy A. V. Liability differentiation in criminal laws. Saint Petersburg: Juridical Center Press; 2002: 300. (In Russ.).

Egorova Natalya Aleksandrovna,
professor at the criminal law department
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
egonatalex@yandex.ru

Egorov Aleksandr Georgievich,
professor at the forensic activity department
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, professor;
egonatalex@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.YMNO

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: ПОИСК НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЯ (окончание)¹

Изабелла Александровна Мингес, Виктор Викторович Попов

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, kursov1kpvv@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ теории и практики противодействия коррупции, который помогает выявить целый ряд проблем, не позволяющих трансформировать имитацию борьбы с коррупцией в реальную борьбу. В качестве новой научно-методологической основы предлагается трактовка коррупции и противодействия ей через призму теории управления как основы государственоведения. В научно-методологическую основу такого подхода включены представления о связи целеполагания с сущностью государства, о декларативном и реальном целеполагании в государственном управлении, о неструктурном и виртуально-структурном управлении социальными процессами в государстве, о различии субъекта-управленца и субъекта-инструмента управления, о наличии множества иных средств управления, нежели силовое воздействие в ходе государственно-правового управления. Это позволяет установить реальную сущность и истоки коррупции. Представление о роли идеологических предпосылок толпо-«элитаризма» и фаворитизма как генераторов коррупции поможет сформировать как эффективную научно-методологическую основу борьбы с коррупцией, так и инструмент, выявляющий имитацию такой борьбы.

Ключевые слова: коррупция, предпосылки коррупции, фаворитизм, толпо-«элитаризм», противодействие коррупции, борьба с коррупцией, имитация борьбы с коррупцией, идеология, неструктурное управление, «мягкая сила»

Для цитирования: Мингес И. А., Попов В. В. Противодействие коррупции: поиск научно-методологических предпосылок в контексте государственоведения (окончание) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 19—26. doi: 10.25724/VAMVD.YMNO

ANTI-CORRUPTION MEASURES: THE SEARCH FOR A SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL PREREQUISITES IN THE CONTEXT OF STATE STUDIES (ending)

Isabella Aleksandrovna Minges, Victor Victorovich Popov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, kursov1kpvv@mail.ru

Abstract. The analysis of the fight against corruption allows us to identify a number of problems that do not allow us to transform the imitation of the fight against corruption into a real fight. Interpretation of corruption through the prism of management theory as the basis of state studies is proposed as a new scientific and methodological basis for combating corruption. The inclusion in the scientific and methodological basis of such an approach ideas about the relation of goal-setting with the essence of the state, about declarative and real goal-setting in public administration, about the presence, along with structural, of non-structural and virtually structural management of social processes in the state, about the difference between the subject-manager and the subject-management tool, about the presence of many other means of management along with force influence in the course of state-legal management, allows us to identify both the real essence of corruption and its real origins. The idea of the real role of the ideological prerequisites of crowd-"elitism" and favoritism as the main generators of corruption will allow us to form both an effective scientific and methodological basis for the fight against corruption, and a tool that allows us to identify an imitation of such a struggle.

© Мингес И. А., Попов В. В., 2022

¹ Начало статьи в № 4 (59) 2021 г.

Keywords: corruption, prerequisites of corruption, favoritism, crowd-"elitism", anti-corruption measures, fight against corruption, imitation of the fight against corruption, ideology, non-structural management, soft power

For citation: Minges I. A., Popov V. V. Anti-corruption measures: the search for a scientific and methodological prerequisites in the context of state studies (ending). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 19—26. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.YMNO

Основными целями имитации борьбы с коррупцией являются:

а) снижение социальной напряженности, вызванной деструктивными (для государства — объекта управления) действиями субъектов — инструментов управления;

б) своего рода отбор наиболее эффективных субъектов-инструментов.

Реализация данных целей возможна при объединении таких субъектов-инструментов в определенные группы, поскольку преимущество для управленца в таком объединении субъектов-инструментов заключается в возможности более эффективного контроля своих исполнительных механизмов вне правового поля, вне публичности.

Чаще всего в наиболее общем виде такие группировки связывают с так называемым локализмом, в рамках которого происходит противопоставление общих и частных интересов. В научной литературе довольно верно подмечены рост и опасность локализма, поскольку его связывают с формированием кланов, мафий, распространением коррупционизма [1]. Однако нетрудно заметить, что локализм нередко трактуется в либеральном контексте, что позволяет сводить его к архаическому реликту, противопоставленному современному прогрессу, причем такому прогрессу, который трактуется через некую всеобщность, т. е. через глобализм. В то же время проблема глобализации является весьма непростой, поскольку именно в силу различия моделей глобализации неизбежен серьезный вопрос: а что считать всеобщими ценностями, которым и противопоставляется локализм? Соответствуют ли эти ценности таким целям, как развитие или хотя бы выживание народа без потери его национально-культурной идентичности?

В силу этого вместо локализма было бы более уместно вести речь о корпоративности как об объединении индивидов для осуществления усилиями коллективов их индивидуальных целей:

1) чтобы в ходе (справедливо) негативной оценки локализма не противопоставлять его глобализму, что фактически ведет к подспудной позитивной оценке глобализма без должного анализа исключительности субъективной модели его реализации;

2) показать, что этот порок присущ истории человечества на протяжении многих тысячелетий,

т. е. именно корпоративность, причем в форме толпо-«элитаризма» (т. е. разделения людей на «толпу» и «элиту»), и является глобальной тенденцией развития. В связи с этим уместно вспомнить:

— древнегреческое деление людей на полноценных (эллинов как граждан древнегреческих городов-государств — полисов, причем отношения политические могут возникнуть только в полисе между эллинами) и неполноценных (всех остальных);

— брахманическую варновость и индуистскую кастовость;

— локковский элитаризм «белого господина», имеющего *юридическое* право на рабов (например, негров, причем именно Локк был соавтором конституции Каролины, которая юридически закрепляла негритянское рабство; кроме того, именно Д. Локк являлся одним из первых акционеров Королевской Африканской компании, а сама эта компания, созданная королевским декретом в 1682 г., была монополистом работорговли в Великобритании), на чужое имущество (например, движимое и недвижимое имущество американских индейцев) по привилегии рождения. Весьма симптоматично при этом, что работорговца Д. Локка почитают за интеллектуального вождя XVII в.;

— элитаризм WASP (White Anglo-Saxon Protestant — белых англо-саксонских протестантов) и прочие виды элитарности, причем элитарности не только религиозной, расово-национальной, но и социально-клановой в рамках одной расовой, национальной, религиозной и прочей общности;

— указание на то, что в основе формирования и функционирования механизма государства в реальности (а не в публичном дискурсе для «толпы») лежат отнюдь не демократические процедуры, но клановая элитарность (см., напр.: [2; 3]);

— книги из серии «Как управлять рабами», рекомендуемые, например, для «руководителей коммерческих организаций различной юридической формы и государственных унитарных предприятий...» [4];

— библейские писания: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (К Римлянам, 13:1), «Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него

посылаемым...» (1 Петр. 2:13—16). Уместно вспомнить, насколько именно такие заповеди весьма уважаемы у некоторых чиновников, призывающих россиян ни больше ни меньше чем «кланяться начальству»¹.

Иными словами, считать неформальные общности, формирующие коррупционные сети, характерной чертой именно «института коррупции в современной России» [5, с. 188] было бы заблуждением, хотя не следует забывать ставшие общеизвестными и иные многочисленные пренебрежительные или даже оскорбительные высказывания о «простолюдинах» тех российских государственных и муниципальных служащих, кто, вероятно, относит себя к «элите»². Впрочем, в связи с этим следует подчеркнуть не более чем неосмотрительность в своих высказываниях некоторых российских «элитариев» по сравнению со своими зарубежными «коллегами», нежели более выраженную нравственную деградацию отечественной «элиты».

Толпо-«элитаризм» в качестве неотъемлемого принципа управления всегда предполагает фаворитизм в самых различных формах, заключающийся, в частности, в приоритетном доступе к руководящим должностям в государственном аппарате, органах местного самоуправления, на предприятиях, учреждениях, организациях и т. п. родственникам, друзьям, иным членам «элитарной» группировки независимо от их знаний, навыков и умений. Следует отметить, что фаворитизм всегда (т. е. независимо от того, присущ он субъектам-управленцам или же субъектам-инструментам в руках управленцев) сужает управленческую кадровую базу и неизбежно ведет к деградации качества государственного управления. Здесь вновь уместно вспомнить высказывание Ч. Р. Миллса, объясняющее, почему термин «элита» в указанном контексте следует всегда использовать в кавычках (далеко отходя от жизненно несостоятельного, но весьма лестного для «элиты» аристократического элитаризма В. Парето): «Если мы возьмем сотню наиболее могущественных американцев, сотню самых богатых, сотню самых знаменитых и лишим их позиций, которые они занимают в главенствующих социальных институтах, отнимем у них людские и денежные ресурсы, которыми они

распоряжаются, средства массовой рекламы, которые ныне работают преимущественно на них, то они сразу окажутся безвластными, безвестными и бедными» [3, с. 10].

Именно толпо-«элитарная» корпоративность, включающая в себя фаворитизм, вероятно предопределенно порождает следующие цели субъектов-инструментов в ходе неопасной для субъекта — управленца имитации борьбы с коррупцией:

— избавление от нарушителей корпоративной дисциплины в «своей группировке»;

— избавление от «одиночек», не примкнувших ни к какой группировке либо постоянно переходящих из одной группировки в другие;

— причинение ущерба «конкурирующим» группировкам. Ранее упоминавшиеся опасения, что борьба с коррупцией может вести к «майдану», имеют в качестве одного из мотивов как раз нежелание претерпевать ущерб от конкурирующей кланово-корпоративной группировки. Хотя для субъекта-управленца такая мотивация, как ущерб «конкурирующим» группировкам в «борьбе за место у бачка с едой», как раз желательна, поскольку помогает ему отобрать наиболее эффективно действующую группировку субъектов-инструментов.

Таким образом, видно, что мировоззренческая установка, предполагающая как высший жизненный приоритет максимальное повышение потребительского статуса в совокупности с кланово-корпоративной замкнутостью кадровой базы субъектов-инструментов, имеющих ограниченные управленческие знания, а также замещающие должности на основе принципов фаворитизма, и является той «территорией смыслов», тем контекстом, через который субъектами управления осуществляется мотивационное опосредованное воздействие на исполнительный модуль (субъектов-инструментов), позволяющее устойчиво реализовать комплекс мер по изъятию чужих энергетических, природных и человеческих ресурсов. Что внешне и выглядит как коррупция (отличающаяся от «обычного» взяточничества и злоупотребления властью в широком смысле).

Иными словами, коррупция:

1) в «проактивном» аспекте рассмотрения является элементом механизма, обеспечивающего незыблемость толпо-«элитаризма» и фаворитизма как принципа его построения и функционирования;

2) в «реактивном» аспекте рассмотрения является своего рода индикатором наличия толпо-«элитаризма» и фаворитизма как принципа его построения и функционирования.

Следует заметить, что создание такого контекста, как глубинного генератора коррупции, происходит

¹ Депутат призвал россиян кланяться перед начальством. URL: https://lenta.ru/news/2021/08/11/ray/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 17.09.2021).

² Топ-10 хамских и неуважительных фраз чиновников. URL: https://news.rambler.ru/other/44163708/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 17.09.2021).

в ходе бесструктурного и виртуально-структурного управления [6] на основе, прежде всего, предикционного управления, где управляющее воздействие является функцией прогноза потенциальной, а не уже возникшей (актуальной) проблемы.

Однако в традиционном государственном управлении все это не учитывается, в силу чего к государственному управлению принято относить лишь структурное управление, причем начинающееся фактически с этапа создания управленческой структуры и осуществляемое по программной и программно-адаптивной схеме при использовании средств государственно-правового принуждения, т. е. силового управления (говоря словами В. И. Ленина — материальных приращков власти). Поэтому, например, в некотором смысле верно, что «коррупцированное государство... неотделимо от организованной преступности...» (хотя точнее вести речь о том, что его властные структуры являются кланово-мафиозными образованиями), что оно само «создает благоприятные условия для процветания наркобизнеса, проституции, контрабанды, торговли оружием и бандитизма», но неверно то, что «сохранение подобного порядка вещей достигается насильем и произволом» [7, с. 54].

Иными словами, при традиционном пренебрежении к теории управления за пределами научного внимания, а значит и образовательных программ, остается управление, осуществляемое с более ранних (нежели создание управленческих структур или даже целеполагание) этапов посредством неструктурного и виртуально-структурного способов при использовании предикционных схем, а также и системы средств несилового управления. Соответственно, традиционная наука и основанные на ней образовательные программы не являются источником знаний о глубинных истоках коррупции. В силу этого подобные наука и образование не могут служить теоретическим фундаментом, позволяющим создать научную основу для реальной (а не имитационной) борьбы с коррупцией, отчего и появляются сетования на то, что коррупция неизбежна [8], что это некая институциональная ловушка, так как большинством во власти и обществе издержки, связанные с противодействием коррупции, воспринимаются как существенно превосходящие текущие издержки от самой коррупции [9, с. 26].

Говоря же об истоках реального противодействия коррупции, следует отметить, что нейтрализация «главного *выгодоприобретателя*» от *некоторых* последствий коррупционной деятельности — субъекта-управленца (условно говоря, «организа-

тора» и «подстрекателя» к коррупционному поведению), безусловно, является исключительно полезной в деле противодействия коррупции. Но эта нейтрализация может являться весьма затруднительной в ходе ее реализации, особенно в ближайшей перспективе.

Однако нейтрализация субъекта-инструмента (условно говоря, «исполнителя») представляется не менее эффективной, но гораздо более выполнимой задачей, причем в относительно близкой перспективе. В то же время следует понимать, что сила противодействия должна соответствовать фактору угрозы.

Если анализировать структурный и неструктурный способы управления, а также насильственные и ненасильственные средства управления, то можно заметить, что наибольшей (по масштабу и характеру обратимости результата управления) силой воздействия на объект управления является несиловое воздействие, осуществляемое в ходе неструктурного управления. Фактическим публичным признанием особой эффективности именно такого воздействия является введение в 1990 г. Д. Наем в научный оборот термина «мягкая сила» (soft power) / «приобщающая сила» (co-optive power) как некоей противоположности жесткой, командной силе прямого предписания [10, p. 166].

Особо отметим, что Д. Най описывал сферу международных отношений, в которых происходили колоссальные изменения, причем изменения, *неожиданные для миллиардов людей* (в том числе для людей, занимающих высокие управленческие должности в публичной властной иерархии). Неструктурное, некомандное, несиловое управление оказалось эффективнее структурного, силового, командного, причем оказалось *неожиданно* эффективнее. Такая неожиданность и есть одно из последствий бездумного вытеснения теории управления из традиционного государственного управления.

Дабы не повторять ошибок прошлого и не удивляться тому, что в войне с коррупцией побеждает коррупция, реальное противодействие коррупции следует начинать с признания того, что мягкая сила основывается на культуре и ценностях [11, с. 152—153], т. е. уже упоминавшееся «контекстное поле» (как элемент неструктурного, мотивационно-опосредованного управления) будет культурно-ценностным. Именно это должно быть положено в основу отсечения субъекта-управленца от его исполнительного модуля (субъекта-инструмента).

Если же вести речь о ценностях применительно к такому объекту, как социальная сфера, то несложно заметить, что подобную совокуп-

ность оценок (пусть и не всегда выраженных эксплицитно) можно назвать «идеология», что *de facto* просматривается практически в любом определении идеологии. Вместе с тем на данный момент в философской мысли Запада сохраняется довольно странное негативное отношение к идеологии, особенно в контексте ее жесткого противопоставления науке, в том числе социальной.

Подобный подход представляется весьма наивным как минимум потому, что еще в 1972 г. А. А. Ивин показал, что нормы — это частный случай оценок [12]. И поскольку нормы неотделимы от оценок, то социальные нормы любого государства наглядно демонстрируют, какие в нем *существуют и поддерживаются реальные (идеологические) представления* о том, что является полезным, а что вредным (см., например: [13]). Именно поэтому исключительно противоречиво выглядит формулировка ст. 13.2 Конституции России 1993 г. («Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»), и совершенно верно В. Е. Четвернин пишет, что конституция является идеологическим документом, так как любая конституция строится на основе каких-то идеологических постулатов и выражает их [14].

Система ценностей неразрывно связана с целями социального управления, так как ценным является достижение некой цели (статистического параметра функционирования социального процесса). А «незримость» этих ценностей производна от *публичной неоглашенности* неких целей развития социальных процессов (как объектов государственного управления). Фаворитизм и коррупция при этом и оказываются алгоритмически необходимыми *для достижения именно таких недекларируемых целей*.

Относительно «незримости» ценностей можно предвидеть возражение через указание на ст. 2 Конституции («Человек, его права и свободы являются высшей ценностью»), однако в качестве контраргументов можно привести ранее высказанные мысли о том, что 1) нередко провозглашенные цели (а соответственно, и ценности) являются лишь декларированными, но не реальными и 2) иерархия реальных целей (а соответственно, и ценностей) выявляется анализом порядка вынужденного отказа от их достижения при нехватке ресурсов для достижения всех целей. Добавим, что анализ реального развития социальных процессов (например, в сфере здравоохранения, образования, экономики и др.) дает основания для вывода о том, что различные аспекты общественной пользы, достижение которых может относиться к целям профессиональной деятельности по различным должностям (например,

состояние здоровья «простого населения», уровень его образованности и т. д., улучшение материального благосостояния и иные блага, соответствующие правам человека, закрепленным в Конституции России), в реальности являются лишь *декларируемым, но не реальными целями деятельности* членов клановых корпоративных группировок, замещающих соответствующие должности.

Однако подчеркнем, что подобные аспекты общественной пользы *субъектами — инструментами* управления могли бы быть отнесены к *сводному* параметру функционирования социальных процессов, входящих в объект управления, т. е. хотя достижение этого параметра ими допускается, но ни как цель, ни, соответственно, как ценность они субъектами-инструментами не рассматриваются. Вместе с тем достижение таких параметров может являться *неприемлемым* с точки зрения реального *субъекта-управленца*. Например, когда такой субъект использует невоенное оружие для деятельности по захвату ресурсов чужого государства.

В связи с этим считаем, что положение ст. 13.2 Конституции России 1993 г. как раз и является образцом применения по отношению к нашей стране мягкой (но совершенно недружественной нам) силы. Теоретическим же фундаментом *правдоподобности* несомых данной силой идей служит заблуждение о том, что наиболее эффективным является некое директивно-командное внедрение в сознание социальных оценок, т. е. внедрение таких оценок посредством специальных структур, распространяющих «нужную идеологию» (профессиональные агитаторы, пропагандисты, специалисты по политико-воспитательной работе и т. д.) и блокирующих распространение «вредной идеологии» (например, Пятое управление КГБ СССР и др.). Социальная практика при этом наглядно демонстрирует нам, что много более эффективным является идеологическое влияние через создание соответствующего «информационного фона», посредством таких социальных институтов, как, например, искусство, наука и образование.

Итак, реальное противодействие коррупции требует нейтрализовать так называемую мягкую силу как инструмент деструктивного неструктурного управления, управления через создание деструктивного ценностно-культурного контекста, когда через различные информационные каналы (например, образование, наука, искусство и др.) происходит невидимое (для многих членов общества), но масштабное и устойчивое идеологическое влияние в том числе на будущих «управленцев» (точнее,

субъектов — инструментов управления) из различных социальных групп, которые в рамках фаворитизма будут занимать руководящие должности в различных управленческих структурах. Иными словами, требуется нейтрализовать «кадровый резерв» потенциальных коррупционеров (как опасных для общества субъектов-инструментов в руках субъектов-управленцев). И поскольку коррупция без мздоимства, осуществляемого в той или иной форме, практически неосуществима, то требуется нейтрализовать ценностный контекст, порождающий «готовность продаться» как реальную поведенческую норму, когда вероятность продажи предопределена лишь «продажной ценой» и степенью вероятности ухода от наказания за эту продажность.

В основе подобной нейтрализации также должна лежать так называемая мягкая сила, т. е. транслируемые по различным каналам идеологического влияния (например, образование, наука, искусство и др.) ценностно-ориентирующие установки, которые с высокой вероятностью создают критический уровень сложности для включения подобных людей в коррупционную деятельность.

В связи с этим очень важно вспомнить ту простую истину, что если человек верен некоей идее, значимость которой для него такова, что жизнь без нее теряет смысл, то он в принципе неподкупен. Именно поэтому в качестве первоосновы противодействия коррупции можно назвать научно-методологический фундамент в форме национально ориентированной социологической доктрины и, разумеется, правовой доктрины как формы ее актуализации.

С сожалением приходится констатировать, что, несмотря на появление в российской правовой науке отдельных теоретических предпосылок по формированию доктрины отечественной государственности, у нас все же отсутствует достаточно полная, непротиворечивая и самобытная теоретико-правовая концепция, способная стать основой объективно полезного государственного устройства, отражающего духовные чаяния нашего народа, т. е. стать основой правопорядка (не только исключая коррупцию, но и блокирующего предпосылки ее появления), прочность которого была бы

основана на органичности его принятия российской правовой ментальностью.

Неотъемлемым компонентом такой доктрины должна быть иерархия социальных ценностей. Такая иерархия ценностей должна быть не единственной (когда иное запрещено), но единой. Единой в том смысле, что она была бы неким каркасом, служащим единой, универсальной основой (возможно даже) для нескольких учений о государстве и праве. Разнообразие этих учений являлось бы, образно говоря, различными скалярами единого вектора ценностного целеполагания.

Универсальность такого вектора была бы обусловлена объективным характером этих ценностей, причем в основе этой объективности лежит возможность развития или хотя бы выживания народа при сохранении им своей национально-культурной идентичности. Конкретно-историческая детализация и актуализация подобной ценностной основы предполагает создание комплекса гарантий для реализации реальной публичной дискуссии, т. е. для свободной научной конкуренции различных социологических (и созданных на их основании правовых) доктрин с предоставлением носителям этих доктрин равных возможностей для участия в дискуссии. Это позволит снять некую пусть и не всегда открыто декларируемую, но реально подразумеваемую аксиоматичность целого ряда весьма спорных (например, западно-либеральных) идей о социальных ценностях.

Следует особо отметить, что указанная дискуссионная открытость предполагает также необходимость серьезного пересмотра федерального списка экстремистских материалов. В основе такого пересмотра должна лежать идея недопущения цензуры вне рамок конституционного изъятия из данного запрета. Конституционное изъятие из этого запрета, т. е. допущение цензуры, может относиться лишь к идеям расового, национального, социального, религиозного либо языкового превосходства. Это означает, что законным (в аспекте соответствия Конституции России) может быть включение в список экстремистских материалов лишь тех, которые касаются идей указанного превосходства.

1. Ахиезер А. С. Россия как большое общество // Вопросы философии. 1993. № 1.

2. Моска Г. Элементы политической науки // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 138—146.

3. Mills C. R. Power Elite. New York: Oxford University Press, 1956. 423 p.

1. Akhiezer A. S. Russia as a big society. Questions of philosophy, 1993. (In Russ.).

2. Mosca G. Elements of political science. Sociological research, 138—146, 1995. (In Russ.).

3. Mills C. R. Power Elite. New York: Oxford University Press; 1956: 423. (In Eng.).

4. Тонер Дж. Как управлять рабами. Москва: Олимп-Бизнес, 2019. 240 с.
5. Лемешонок О. Б. Влияние коррупционных факторов на экономику России // Вестник ИЭ РАН. 2019. № 4. С. 182—193.
6. Солонько И. В. Бесструктурный способ управления концептуальной власти: технология контекстного управления общественными связями // Вестник Санкт-Петербургского института МВД России. 2013. № 2 (58). С. 212—218.
7. Ершов Ю. Г. Коррупция в России: перспективы противодействия // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В. Н. Руденко; ред. К. В. Киселев, Е. А. Степанова, В. В. Эмих; Ин-т филос. и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2014. С. 53—65.
8. Хаттингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. Москва: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
9. Левин М., Сатаров Г. Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 4—29.
10. Nye J. S. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153—171.
11. Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / пер. [с англ.] В. И. Супруна. Новосибирск; Москва: Фонд социо-прогност. исслед. «Тренды», 2006. 221 с.
12. Ивин А. А. Основания логики оценок. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 230 с.
13. Мингес И. А., Попов В. В. Субъективное право как элемент непредписывающего правового регулирования в системе социально-правовых оценок: оценки ante legem и pre legem (начало) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 1 (56). С. 24—30.
14. Четвернин В. Е. Конституционное право России. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2009. 496 с.
4. Toner J. How to manage your slaves. Moscow: Olymp-Business; 2019: 240. (In Russ.).
5. Lemeshonok O. B. Influence of corruption factors on the Russian economy. Bulletin of IE RAS, 182—193, 2019. (In Russ.).
6. Solonko I. V. Structureless way of management of conceptual power: technology of contextual management of public relations. Bulletin of the Saint Petersburg Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 212—218, 2013. (In Russ.).
7. Yershov Yu. G. Corruption in Russia: prospects of counteraction. In: Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of combating corruption. Collection of works according to the results of the All-Russian scientific conference. Executive ed. V. N. Rudenko; eds. K. V. Kiselev, E. A. Stepanova, V. V. Emikh. Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg; 2014: 53—65. (In Russ.).
8. Huttington S. Political order in changing societies. Moscow: Progress-Tradition; 2004: 480. (In Russ.).
9. Levin M., Satarov G. Corruption in Russia: classification and dynamics. Questions of economics, 4—29, 2012. (In Russ.).
10. Nye J. S. Soft Power. Foreign Policy, 153—171, 1990. (In Eng.).
11. Nye J. S. Soft power: the means to success in world politics. Translation [from English] by V. I. Suprun. Novosibirsk; Moscow: Socio-Prognostic Foundation research "Trends"; 2006: 221. (In Russ.).
12. Ivin A. A. The foundations of the logic of estimates Moscow: Publishing house of Moscow university; 1970: 230. (In Russ.).
13. Minges I. A., Popov V. V. Subjective right as an element of non-prescriptive legal regulation in the system of social and legal assessments: ante legem and pre legem assessments (beginning). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 24—30, 2021. (In Russ.).
14. Chetvernin V. E. Constitutional law of Russia. 6th ed., reprint. and add. Moscow: Norma; 2009: 496. (In Russ.).

Мингес Изабелла Александровна,
начальник кафедры теории
и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
kursov1kpvv@mail.ru

Minges Isabella Aleksandrovna,
head of the department of theory and history
of law and state of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
kursov1kpvv@mail.ru

Попов Виктор Викторович

доцент кафедры теории и истории
права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
kursov1kpvv@mail.ru

Popov Victor Victorovich,

associate professor at the department
of theory and history of law and state
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
kursov1kpvv@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.12.2021; одобрена после рецензирования 28.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 06.12.2021; approved after reviewing 28.01.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.3

doi: 10.25724/VAMVD.YNOP

**ЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ОТНОсяЩИХся К ПОДЛОГУ ДОКУМЕНТОВ*****Владислав Игоревич Баландин***

Самарский национальный исследовательский университет

им. академика С. П. Королева, Самара, Россия, bullkee@gmail.com

Аннотация. Большое число уголовно-правовых норм о преступлениях, относящихся к подлогу документов (более 30), несистемный и неединообразный их понятийный аппарат, а также отсутствие общей нормы о подлоге документов — все это требует особенно внимательного отношения к решению квалификационных задач. Условием качественной квалификации преступлений является четкий порядок логических операций, а также возможность провести диагностику хода рассуждений в целях исключения квалификационных ошибок. Для решения соответствующих задач автор разработал логическую программу квалификации этих преступлений. В статье классифицированы преступления, относящиеся к подлогу документа, и в рамках логической программы квалификации в определенной последовательности сформулированы конкретные вопросы-фильтры о соответствии фактических обстоятельств объективным и субъективным признакам, включенным в выбранную совокупность составов преступлений. Подчеркивается, что отступление от алгоритма и пропуски шагов в целях сокращения времени выполнения логической программы квалификации преступления являются нежелательными, поскольку основываются на эвристическом предположении о существовании какого-либо признака, которое кажется правоприменителю очевидным, а на самом деле значительно снижает точность вывода о квалификации преступления. Автор приходит к заключению, что в логической программе именно для разграничения анализируемых преступлений в качестве первого должен ставиться вопрос не о деянии или объекте преступления (родовом или непосредственном), а предмете преступления.

Ключевые слова: логическая программа квалификации преступлений; преступления, относящиеся к подлогу документа; логическая программа квалификации подлога документов; подлог документа; поддельный документ; использование поддельного документа; документ

Для цитирования: Баландин В. И. Логическая программа квалификации преступлений, относящихся к подлогу документов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 27—34. doi: 10.25724/VAMVD.YNOP

**DOCUMENTS FORGERY:
CRIMES QUALIFICATION LOGICAL PROGRAM*****Vladislav Igorevich Balandin***

Samara National Research University named after S. P. Korolev, Samara, Russia, bullkee@gmail.com

Abstract. There are more than 30 rules of criminal law on forgery, non-systematic and non-uniform conceptual apparatus and absence of a general criminal law rule on documents forgery require a particularly attentive attitude to the solution of qualification tasks. The purpose of the study is to analyze the crimes' qualification conditions: clear order of logical operations and possibility of diagnosing the course of argumentation for excluding qualification errors. To achieve this purpose, the author sets the task of creating a crime qualification program related to forgery of documents. For solving the problem, several methods were used: classification of crimes related to forgery of a document and formulation of specific filter questions about the compliance of factual circumstances with objective and subjective signs of these crimes within the logical crime qualification program. The results of the study show that deviations from the logical crime qualification program and omissions of steps are unacceptable, because they are based on a heuristic assumption, but in fact radically reduce the accuracy of crime qualification. The author concludes that in the logical program for differentiating the analyzed crimes, the first question should be asked about the subject of the crime, and not about the crime act.

Keywords: crimes qualification logical program; crimes related to forgery; logical program of forgery qualification; forgery; forged document; usage of a fake document; document

For citation: Balandin V. I. Documents forgery: crimes qualification logical program. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 27—34, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.YNOP

Определяющим условием нормальной уголовно-правовой правоприменительной деятельности является осуществление ее субъектами качественной квалификации преступлений. Здесь под качеством мы понимаем объективный результат строгого соблюдения уголовно-правовых принципов, норм уголовного закона, общепризнанных правил квалификации. В то же время, чтобы обеспечить качество квалификации преступлений, необходимо организовать порядок соответствующего процесса с учетом правил формальной логики, это позволит обеспечить: во-первых, целенаправленный отбор фактических данных для уголовно-правовой оценки, чтобы за пределами квалификации преступлений остались задачи, непосредственно с ней не связанные; во-вторых, экономию усилий правоприменителя (квалификатора); в-третьих, самоконтроль правоприменителя и возможность провести диагностику хода рассуждений в целях самостоятельного нахождения квалификационных ошибок на любом этапе мыслительного процесса.

Установление порядка постановки вопросов для уголовно-правовой оценки содеянного предполагает создание логической программы квалификации преступления. Задача разработки логической программы квалификации преступлений является важной, поскольку существует необходимость разграничивать много преступлений со смежными составами (в которых наряду с общими есть взаимоисключающие признаки). Эта задача осложняется присутствием в уголовном законодательстве многих преступлений с конкурирующими составами (когда все признаки одного состава повторяются в другом составе в неизменном или конкретизированном виде), что ярко может быть подтверждено примером преступлений, относящихся к подлогу документов.

Нормы об уголовной ответственности за преступления, относящиеся к подлогу документов, неоднородны по содержанию и бессистемно закреплены в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ). Так, в настоящее время Особенная часть УК РФ содержит более 30 составов преступлений, рассредоточенных по семи главам, в которых документы являются предметом или средством совершения преступления, а объективная сторона выражена в изготовлении поддельных документов либо их использовании. Таким

образом, в действующем уголовном законодательстве общими характеристиками соответствующих преступлений являются признаки объективной стороны, а не объекта посягательства. Законодателем используются многочисленные термины для описания составов преступлений, выраженных в подлоге документа или сопряженных с ним: фальсификация, умышленное искажение сведений, внесение заведомо недостоверных сведений, подлог документов, подделка документов, изготовление заведомо поддельных документов, представление документов, содержащих заведомо ложные данные. Это осложняет задачу определения соответствующих смежных и конкурирующих составов преступлений.

С учетом особенностей конструкции и содержания объективной стороны в круг преступлений, относящихся к подлогу документов, можно включить следующие множества преступлений:

1) преступления, выражающиеся в изготовлении с целью дальнейшего использования или использовании содержащих заведомо ложные сведения поддельных документов. Такие преступления предусмотрены ст. 142, 170, 170¹, 170², 172¹, ч. 3 ст. 185², 186, 187, 200⁶, 217², 233, 285³, 292, 292¹, 303, 305, 307, 327, 327² УК РФ. В УК РФ также закреплены составы преступлений, в которых подлог документов является одним из альтернативных действий: ст. 142¹, 185, 185¹, 195, 238, 287, 325 УК РФ;

2) преступления, в которых подлог документов закреплен в качестве одного из конструктивных признаков объективной стороны. Это преступления, закрепленные в ст. 159¹, 159², 176, 185⁵, ч. 2 ст. 193, 193¹, 198, 199, 199³, 199⁴, 322³, 339 УК РФ;

3) иные преступления, в которых подлог документов фактически может являться факультативным способом совершения преступления: ст. 159, 160, 177, 194, 328 УК РФ.

В данный круг включаются только деяния, связанные с изготовлением или использованием именно подложных документов. Любые действия лица, в том числе обманные и связанные с использованием своих или чужих подлинных документов, — за этим кругом. Не любое обманное использование документов признается подлогом. Так, Верховный Суд Российской Федерации указал, что не является использованием подложного документа по ч. 5 ст. 327 УК РФ использование лицом своего подлин-

ного документа, но утратившего силу в связи с истекшим сроком действия, либо подлинного документа, принадлежащего другому лицу, или предъявление вместо надлежащего документа схожего с ним подлинного документа [1].

Учитывая многочисленность видов преступлений, относящихся к подлогу документов, при отсутствии системности и единообразия в понятийном аппарате норм о подлогах необходимо особенно внимательно принимать решения о соотношении обстоятельств конкретного деяния с признаками состава преступления. Создание логической программы квалификации этих преступлений является необходимым.

Результат квалификации преступлений объективно выражается в виде готовой уголовно-правовой оценки правоприменителем совершенного противоправного общественно опасного деяния. Однако эта оценка не осуществляется «сама по себе», она является результатом зачастую сложной и кропотливой мыслительной работы субъектов, участвующих в процессе квалификации преступлений [2, с. 67]. Это комплексная деятельность, логический аспект которой выражается в соблюдении определенных логических законов и форм. Уголовно-правовая квалификация позволяет осуществить переход от исходного к выводимому знанию. Исходным является знание, полученное в результате анализа признаков совершенного деяния, и знание о содержании применяемой уголовно-правовой нормы [2, с. 26]. Выводимым знанием признается сама уголовно-правовая квалификация в значении процессуально закрепленного результата, т. е. окончательное логическое умозаключение, содержащее оценку деяния. Логическая связь осуществляется через обосновывающее знание.

Промежуточным звеном между уголовно-правовой нормой и совершенным деянием является состав преступления, выражающий самые важные и необходимые признаки, которые позволяют разграничить преступное и не преступное поведение и отличают одно преступление от другого, а также «отбрасывающий» признаки, не имеющие юридического значения. С диалектической точки зрения процессом квалификации преступлений признается выделение из единичного (конкретного преступления) особенного (признаки состава преступления) и дальнейшее определение тождества с общим (применяемой уголовно-правовой нормой).

Следует согласиться с Е. В. Благовым, который утверждает, что описанный выше логический процесс невозможно совершать в случайном порядке, поскольку все признаки состава преступления четко

структурированы и находятся в системной взаимосвязи между собой [3, с. 109]. Поэтому для правильной квалификации преступлений необходимо разработать ее логическую программу как инструмент разграничения смежных составов преступлений, в которых закреплено много одинаковых признаков. Поскольку в УК РФ нет общей нормы о подлоге документов, задача разграничения актуальна также для тех норм о подлоге, которые можно признать специальными и конкурирующими.

Суть логической программы квалификации заключается в последовательной постановке вопросов, вытекающих из признаков состава преступления. В зависимости от ответа ставится следующий вопрос до того момента, пока не будут изучены и проанализированы все признаки состава [4, с. 38—39].

Логическая программа квалификации преступлений, относящихся к подлогу документов, как любой познавательный алгоритм, должна начинаться со сбора и анализа исходных данных — первоначальных фактических обстоятельств о совершенном акте общественно опасного поведения индивида. Однако из всего массива сведений следует выделить лишь те, которые имеют значение для квалификации.

Далее следует определить круг преступлений, относящихся к подлогу документов. Квалификатору необходимы хорошее знание уголовного законодательства и способность системно воспринимать его, чтобы выдвинуть и рассмотреть все возможные версии квалификации.

Установив первоначальные фактические обстоятельства содеянного и круг преступлений, относящихся к подлогу документов, необходимо перейти к постановке и решению вопросов о соответствии фактических обстоятельств признакам, включенным в выбранную совокупность составов преступлений. В научной литературе содержатся различные представления о последовательности постановки соответствующих вопросов. Так, В. Н. Кудрявцев предлагал начинать, по умолчанию, с объекта преступления, а затем переходить к объективной стороне, далее — к субъективной стороне и субъекту [5, с. 150]. По мнению Б. А. Куринова, процесс квалификации преступлений целесообразно начинать с определения объекта и объективной стороны преступления, а затем устанавливать субъект и субъективную сторону [6, с. 58]. Аналогичной позиции — о признаках объекта преступления как отправной точки процесса квалификации — придерживался Г. А. Кригер [7, с. 19]. Л. Д. Гаухман считал правильным начинать процесс сопоставления фактических

данных с составом преступления с признаков объективной стороны, а затем переходить к признакам субъекта, субъективной стороны и объекта соответственно [8, с. 313].

Интересной представляется позиция Е. В. Благова, который считает, что прежде, чем определить очередность принятия решений о соответствии (или несоответствии) признакам состава преступления установленных фактических обстоятельств, необходимо выделить две большие группы признаков состава преступления, которые логически обосновывают порядок уголовно-правовой оценки деяний: признаки, характеризующие само преступление, и признаки, характеризующие условия совершения преступления. С учетом приведенного разделения признаков состава на две группы, по мнению Е. В. Благова, бессмысленно ставить вопрос об условиях чего-либо, не выяснив его наличия [3, с. 110—111].

На наш взгляд, наиболее оправданной является точка зрения А. И. Ророга, выражающаяся в том, что такой процесс не подчиняется жестко регламентированным правилам и зависит от характеристики квалифицируемых преступлений [9, с. 50].

Хотя общими характеристиками преступлений, относящихся к подлогу документов, исходя из действующего уголовного законодательства, являются признаки объективной стороны, но не объекта посягательства, мы считаем, что особенности объективной стороны этих преступлений связаны со специфичностью их объекта, обусловленного свойствами предмета. Соответственно, именно для анализируемых преступлений в качестве первого вопроса-фильтра в целях разграничения преступлений с повторяемыми признаками рассматриваем характеристику предмета преступления.

1. Первый уровень логической программы квалификации связан с постановкой вопросов: *является ли документ поддельным и составляет ли этот поддельный документ предмет хотя бы одного из рассматриваемых преступлений?* Под документом обычно понимаются сведения, представленные в аналоговой или цифровой форме, пригодной для восприятия человеком, а также оформленные в соответствии с необходимыми реквизитами, исходящие от надлежащего источника и обладающие юридической значимостью в виде удостоверения фактов, имеющих юридическое значение.

Отвечая на вопрос о том, является ли документ поддельным, выясняются фактические обстоятельства, при которых был выявлен такой документ. Например, обстоятельства, указывающие на под-

делку или использование заведомо фальшивых документов, могут быть выявлены при осуществлении полномочий налоговых органов: при проведении налогового контроля или при приеме от физического лица документов, содержащих сведения о юридическом лице, в целях внесения в Единый государственный реестр юридических лиц для его регистрации. Поддельность предоставленных документов не всегда очевидна для принимающего субъекта. Так, Н., обвиняемая в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 170¹ УК РФ, имела свободный доступ к документам по месту работы (общество с ограниченной ответственностью, далее — ООО). Имея преступный умысел на предоставление в налоговый орган документов, содержащих заведомо ложные данные, в целях внесения в единый государственный реестр юридических лиц недостоверных сведений она передала неустановленному лицу образец оттиска печати ООО и образец подписи единственного учредителя ООО. Для Н. подложные документы, заверенные подложной подписью и печатью нотариуса, были выполнены, согласно заключению эксперта, при помощи копировально-множительной техники капельно-струйным способом. После чего Н., продолжая реализовывать свой преступный умысел, предоставила пакет документов в налоговый орган, который зарегистрировал их, и в решение о государственной регистрации были внесены изменения о юридическом лице [10].

Подлог может быть выявлен после обращения потерпевшего (если таковой имеется) или при проведении проверки и устанавливается на основании результатов экспертизы.

Далее решается вопрос об определении вида и содержания подложного документа. Без ответа на него невозможно продолжать юридическую оценку совершенного деяния. Во-первых, в зависимости от источника происхождения документов, выступающих в качестве предмета преступлений, следует разграничивать преступления:

а) относящиеся к подлогу «публичных» документов, которые создаются, выдаются, заверяются от имени публичных субъектов — органов государственной власти, местного самоуправления, государственных или муниципальных учреждений: избирательные документы (ст. 142, 142¹ УК РФ); государственные реестры (ст. 170, 285³ УК РФ); процессуальные документы в виде протоколов, заключений эксперта, судебных актов (ст. 303, 305, 307 УК РФ); документы, удостоверяющие юридически значимые факты и способные влечь

юридические последствия (ст. 186, 233, 292, 292¹, 327, 327² УК РФ), иные документы (ст. 285³ УК РФ — документы, на основании которых были внесены запись или изменение в указанные единые государственные реестры, ст. 287 УК РФ — документы и материалы, предоставляемые Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации);

б) относящиеся к подлогу «частных» документов, которые исходят от имени частных лиц и негосударственных организаций (в том числе уполномоченных государством): документы, на основании которых были совершены указанные в данных статьях юридические действия в виде внесения сведений в реестры, подготовки других документов (ч.1 ст. 170¹, ст. 170², ч. 3 ст. 185² УК РФ); документы, связанные с учетом прав на ценные бумаги — реестр владельцев ценных бумаг, система депозитарного учета, проспект ценных бумаг, отчета (уведомления) об итогах выпуска ценных бумаг (ч. 4 ст. 170¹, ст. 185, ст. 185¹, ст. 185² УК РФ); межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории (ст. 170²); документы бухгалтерского учета и отчетность организаций (ст. 172¹, 195 УК РФ); документы, отражающие ход и результаты хозяйственной деятельности коммерческих организаций (ст. 185⁵, 176, 193¹ УК РФ); поддельные кредитные или расчетные карты, иные платежные документы, не являющиеся ценными бумагами (ст. 187 УК РФ); налоговые декларации (расчет) или иные налоговые документы (ст. 198, 199, 199³, 199⁴ УК РФ); экспертные заключения в сфере закупок или в сфере промышленной безопасности (ст. 200⁶, 217² УК РФ); иные подложные документы (ст. 327 УК РФ).

Во-вторых, в зависимости от юридического значения документа следует разграничивать:

а) подлоги документов, которые удостоверяют юридически значимые факты, влекущие последствия в виде предоставления, лишения и изменения объема прав и обязанностей. Статьи 142, 142¹, ч. 4 ст. 170¹, 186, 233, 285³, 287, 292, 292¹, 303, 305, 307, 327, 327² УК РФ — для «публичных» документов и ст. 185, 170¹, 170², 185², 185⁵, 187, 198, 199, 199³, 199⁴, 200⁶, 217² УК РФ — для «частных» документов (например, рецепт, дающий право на получение наркотических средств или психотропных веществ, в ст. 233 УК РФ или официальный документ, предоставляющий права в ст. 327 УК РФ);

б) подлоги документов, которые самостоятельно не влекут соответствующих юридических послед-

ствий. Например, ст. 170¹ (документы, представляемые в целях внесения в Единый государственный реестр юридических лиц), ст. 170² (документы, на основании которых были подготовлены кадастровые документы), ст. 172¹, 176, 185¹, 185² (документы, на основании которых были внесены запись или изменение в реестр владельцев ценных бумаг).

2. Утвердительные ответы на первые вопросы позволяют перейти к постановке следующего вопроса о том, *осознавало ли лицо подложность документа*. Его разрешение связано с установлением вины в отношении предмета преступления. Следует учесть, что большинство норм о преступлениях, связанных с подлогом документов, содержат бланкетные признаки. Так, деяние в виде фальсификации финансовых документов учета и отчетности финансовой организации (ч. 1 ст. 172¹ УК РФ) совершается лицами, ответственными за ведение бухгалтерского учета, деятельность которых регламентируется Федеральным законом «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 № 402-ФЗ. Поэтому для положительного ответа («осознавало») необходимо установить понимание лицом положений отраслевого законодательства, и прежде всего обязанность такого осознания. При отсутствии вины в отношении подложности документа отсутствует состав преступления, поэтому исключается дальнейшее решение вопросов о подлоге, и логическая программа на этом этапе заканчивается. Так, Б., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 172¹ УК РФ, являясь генеральным директором страховой компании, желая избежать отзыва лицензий у возглавляемой им страховой компании и продолжения ее функционирования на страховом рынке, обеспечил внесение в документы и отчетность заведомо недостоверных сведений о финансовом положении организации, в дальнейшем подтвердил их достоверность и представил их в Центральный банк Российской Федерации. В данном случае Б. действовал умышленно, осознавал общественную опасность своих действий, понимал, что это приведет к нарушению установленного порядка своевременного выявления органом страхового надзора рисков неплатежеспособности субъектов страхового дела [11].

3. В случае положительного ответа на предыдущий вопрос ставится следующий вопрос: *какое действие совершено в отношении или с использованием поддельного документа?* Ответ на данный вопрос при квалификации преступлений позволит принять решение об установлении самого факта подлога документа, под которым понимается как

создание поддельного документа, так и его использование, либо обе формы сразу [12, с. 200].

Создание поддельного документа характеризуется в уголовном законодательстве словами «фальсификация»; «внесение (включение) в документы заведомо недостоверных или ложных сведений»; «внесение исправлений, искажающих действительное содержание документов»; «подделка документов»; «изготовление заведомо поддельных документов»; «дача заведомо ложных экспертных заключений». Круг соответствующих составов является широким (ст. 142, 142¹, 170, 170¹, 170², 172¹, 185, 185², 185⁵, 186, 187, 195, 198-199⁴, 200⁶, 217², 233, 285³, 292, 292¹, 303, 305, 307 УК РФ).

Преступления, выраженные в форме использования поддельных документов, описываются иначе: «подтверждение, представление, предоставление заведомо ложных сведений»; «использование заведомо поддельных документов» (ст. 142¹, ч. 1 ст. 170¹, ч. 1 ст. 172¹, ст. 176, ст. 185, ст. 185¹, ст. 193¹, ст. 287 УК РФ).

Действие в виде «подлога документов, на основании которых вносились сведения в другие документы» может быть совершено в любой из двух указанных форм подлога (ч. 1 ст. 170², ч. 3 ст. 185², ч. 1 ст. 285³ УК РФ).

Определение формы подлога оказывает влияние на квалификацию преступлений, например в ситуациях, когда лицо для совершения преступления использует поддельный официальный документ, изготовленный им самим либо другим лицом. В первом случае деяние лица будет квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 УК РФ и статьей Особенной части УК РФ о преступлении, ради которого совершен подлог. Во втором случае, если использование поддельного документа, созданного другим лицом, выступает в качестве способа совершения другого преступления, то соответствующие действия лица не требуют дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 327 УК РФ как использования заведомо поддельного официального документа.

4. Большое значение имеет установление субъективного отношения лица к совершенным действиям, поэтому следующие вопросы связаны с тем, *осознавал ли виновный общественную опасность и противоправность создания или использования подложного документа и желал ли совершить данные действия*. Достоверный ответ возможен лишь на основе комплексной оценки объективных и субъективных фактических обстоятельств содеянного.

Преступления, относящиеся к подлогу документов, могут быть совершены только в форме прямого

умысла, поэтому практически во всех составах преступлений используется термин «заведомый», отражающий осознание ложности сведений, вносимых в документ, а также желание извлечь какую-либо выгоду от использования такого документа. Прямой умысел возможно подтвердить *с учетом мотива и цели*. Так, мотив в виде корыстной или иной личной заинтересованности закреплен в ст. 170 и 292 УК РФ. Среди целей, закрепленных в качестве конструктивного признака состава преступления, выделяются: внесение в реестр недостоверных сведений в ст. 170¹ УК РФ; сокрытие предусмотренных законодательством Российской Федерации признаков банкротства в ст. 170¹ и 172¹ УК РФ; незаконный захват управления в юридическом лице в ст. 185⁵ УК РФ; сбыт в ст. 186 и 187 УК РФ; использование в ст. 327 и 327² УК РФ.

Ответить на вопрос помогут также установленные *условия совершения преступления: место, время и обстановка*. Данные признаки предусмотрены в отдельных составах, например в преступлении, предусмотренном в ст. 142 УК РФ, фальсификация избирательных документов может осуществляться только во время проведения выборов, а в ст. 195 УК РФ закреплен признак обстановки в виде состояния банкротства юридического лица.

5. Далее следует изучить признаки *субъекта преступления*. В Особенной части УК РФ немало составов преступлений, относящихся к подлогу документа, с общим субъектом (ч. 1, 2 ст. 170¹, ст. 185⁵, 233, 186, 187, 327, 327² УК РФ). От них следует отграничивать подлоги специальных субъектов, классифицировав их с учетом частного или публичного (служебного) статуса субъекта. Так, частные лица, обладающие признаками специального субъекта в связи со специальными полномочиями и статусом, предусмотрены в ч. 4 ст. 170¹, ст. 170², 172¹, 176, 185, 185¹, 185², 193¹, 195, 198, 199, 199³, 199⁴, 200⁶, 217², ч. 1 303 УК РФ. Большое число подобных преступлений совершаются публичными лицами — должностным лицом, государственным или муниципальным служащим (ст. 170, 285³, 292, 292¹ УК РФ) или должностным лицом со специальными конкретизирующими признаками в виде особых полномочий, обязанностей (ст. 142, 142¹, 287, 303, 305, 307 УК РФ).

Определять признаки субъекта преступления прежде, чем будут установлены признаки объекта и объективной стороны преступления, не имеет смысла. Так, состав служебного подлога (ст. 292 УК РФ) имеет место, если подлог осуществляется в связи со служебными полномочиями виновного.

При отсутствии такой связи деяние должно быть квалифицировано по другой статье УК РФ, даже для должностного лица, например по ст. 327 УК РФ (при наличии соответствующих признаков).

6. Среди составов преступлений, относящихся к подлогу документов, есть составы, по конструкции относящиеся к числу материальных, поэтому ставится следующая пара вопросов: *о наступлении указанных в уголовном законе общественно опасных последствий и форме вины в отношении этих последствий*. В рассматриваемом нами круге преступлений учитываются такие последствия, как крупный ущерб (ст. 170², 176, 185, 185¹, 195, 198, 200⁶, 217² УК РФ) и незаконное приобретение гражданства (ст. 292¹ УК РФ).

7. Стоит отметить, что для целей уголовно-правовой оценки действий лица решения о точном соответствии фактических обстоятельств и признаков определенного состава преступления недостаточно.

Правоприменителю следует также решить вопрос о *малозначительности деяния* в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ, принимая во внимание признаки предмета преступления, направленность умысла лица и другие обстоятельства. Так, уголовное дело в отношении М., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ, было прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления в силу малозначительности совершенного деяния, хотя и имел место факт собственноручного заполнения талонов амбулаторного пациента

в отношении граждан, которые не обращались за медицинской помощью, в целях обеспечения выполнения установленной нагрузки и сохранения своего места работы. Суд учел небольшой объем причиненного материального ущерба и отсутствие от действий М. других негативных последствий [13].

Вместе с тем квалификатор в процессе осуществления логической программы должен поставить вопрос об *обстоятельствах, исключающих преступность деяния*. Например, в случаях, когда лицо действовало в условиях исполнения приказа или распоряжения или под влиянием физического или психического принуждения, вывод о совершении преступления должен исключаться.

Если все шаги квалификационной программы были пройдены, то правоприменитель придет к единственно правильному решению поставленной квалификационной задачи.

Отступление от алгоритма и пропуски шагов в целях сокращения времени выполнения логической программы квалификации преступления являются нежелательными, поскольку основываются на эвристическом предположении о существовании какого-либо признака, который кажется правоприменителю очевидным, а на самом деле значительно снижает точность вывода о квалификации преступления. Как правильно писал В. Н. Кудрявцев, эвристические методы познания в равной доле имеют два исходных результата: могут либо привести максимально быстро к цели, либо завести в тупик [5, с. 225].

1. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324—327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 43. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Наумов А. В., Новиченко А. С. Законы логики при квалификации преступлений. Москва: Юрид. лит., 1978. 104 с.

3. Благов Е. В. Общая теория применения уголовного права. Ярославль: Яросл. гос. ун-т., 2003. 260 с.

4. Мalykhin V. I. Квалификация преступлений: теоретические вопросы. Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т., 1987. 97 с.

5. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. Москва: Юрид. лит., 1972. 352 с.

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 43 on 17 December 2020. "On some issues of judicial practice in cases of crimes provided for in Articles 324—327.1 of the Criminal Code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).

2. Naumov A. V., Novichenko A. S. Laws of logic in the qualification of crimes. Moscow: Legal literature; 1978: 104. (In Russ.).

3. Blagov E. V. General theory of the application of criminal law. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2003: 260. (In Russ.).

4. Malykhin V. I. Qualification of crimes: theoretical issues. Kuibyshev: Kuibyshev state University; 1987: 97. (In Russ.).

5. Kudryavtsev V. N. General theory of qualification of crimes. Moscow: Legal Literature; 1972: 352. (In Russ.).

6. Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. Москва: Изд-во МГУ, 1984. 181 с.

7. Кригер Г. Состав преступления и квалификация содеянного // Советская юстиция. 1985. № 12. С. 18—19.

8. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. Москва: Центр ЮрИнфоР, 2001. 316 с.

9. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2002. 304 с.

10. Постановление Кировского районного суда г. Самары от 27.03.2012 по делу № 1-209/2012. URL: <https://goo.su/8SvE> (дата обращения: 27.10.2021).

11. Постановление Якутского городского суда от 28.05.2021 по делу № 1-910/2021. URL: <https://goo.su/8swr> (дата обращения: 27.10.2021).

12. ЩигOLEV Ю. В. Виды подлога документов (уголовно-правовой аспект) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 2 (229). С. 198—207.

13. Апелляционное постановление Смоленского областного суда от 2 февраля 2017 г. по делу № 22-144/2017. URL: http://sudact.ru/regular/doc/wJ4Xq8h6_GJWv/ (дата обращения: 27.10.2021).

Баландин Владислав Игоревич,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Самарского национального
исследовательского университета
им. академика С. П. Королева;
bullkee@gmail.com

6. Kurinov B. A. Scientific bases of qualification of crimes. Moscow: Publishing house of Moscow State University; 1984: 181. (In Russ.).

7. Krieger G. The composition of the crime and the qualification of the deed. The Soviet justice, 18—19, 1985. (In Russ.).

8. Gaukhman L. D. Qualification of crimes: law, theory, practice. Moscow: Center Yurinfor; 2001: 316. (In Russ.).

9. Rarog A. I. Qualification of crimes on subjective grounds. Saint Petersburg: Legal Center Press; 2002: 304. (In Russ.).

10. The resolution of the Kirovsky district court of the city of Samara on 27 March 2012 in case No. 1-209/2012. Available from: <https://goo.su/8SvE>. Accessed: 27 October 2021. (In Russ.).

11. The resolution of the Yakut city court on 28 May 2021 in case No. 1-910/2021. Available from: <https://goo.su/8swr/>. Accessed: 27 October 2021. (In Russ.).

12. Shchigolev Yu. V. Types of forgery (criminally-legal aspect). News of higher educational institutions. Jurisprudence, 198—207, 2000. (In Russ.).

13. Appeal decision of the Smolensk Regional Court on 2 February 2017 in case No. 22-144/2017. Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/wJ4Xq8h6GJWv/>. Accessed: 27 October 2021. (In Russ.).

Balandin Vladislav Igorevich,
senior lecturer at the department
of criminal law and criminology
of Samara National Research University
named after S. P. Korolev;
bullkee@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22.11.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 22.11.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.9.01

doi: 10.25724/VAMVD.YOPQ

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**Роман Викторович Колесников***, **Иван Александрович Кравцов****

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия

* 8 (4732) 200-53-37, ** 8 (4732) 200-53-30

Аннотация. В начале XXI в. экстремизм превратился в мощный и универсальный фактор воздействия в мировой политике. Постоянно увеличивается количество жертв, так или иначе пострадавших в результате экстремистских действий. Обществу средствами массовой информации, книгами и видеофильмами часто прививается культура насилия, а иногда осуществляется пропаганда экстремизма. Для некоторой части территории Российской Федерации экстремизм стал образом жизни, мышления, особой деятельностью, средством реализации потребностей и интересов.

Несмотря на всю важность проблемы, стоит признать, что сегодня в российской юридической науке отсутствует четкое понимание данного явления. Нет единого мнения о его формах, видах, причинах и четкого разграничения между смежными составами преступлений экстремистской направленности. В связи с этим главной задачей является своевременный анализ рассматриваемых преступлений, а также разработка планов по их предупреждению.

Согласно данным Главного информационно-аналитического центра МВД России в течение последних пяти лет в нашей стране ежегодно регистрируется более 2 500 преступлений, совершаемых на почве расовой и национальной ненависти, религиозной вражды и ксенофобии. Однако не стоит забывать и о латентных преступлениях, которые не были зафиксированы сотрудниками правоохранительных органов.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что экстремизм в современной России — это, прежде всего, протестная реакция на негативные явления действительности, обострение общественных противоречий, утрата нравственных ориентиров подрастающим поколением. При этом экстремизм выступает как одна из форм проявления нигилизма, т. е. непримиримого отрицания чего-либо.

Экстремизм как угроза безопасности жизненно важных сфер общества и государства находит свое отражение в событиях, произошедших в последние годы, и основных тенденциях развития страны, в числе которых нужно назвать выявленное в ряде регионов России расширение социальной базы экстремизма — определенное увеличение количества участников (сторонников) экстремистских объединений — тех или иных возрастных, этнических и религиозных групп.

На основе исследований в данной области можно прийти к выводу о том, что возникновение кризисных явлений в социально-экономической, политической, нравственной, этнической и других сферах жизни связано с наличием протестных настроений по отношению к обществу, действующей власти, существующей системе социальных отношений и ценностей, характеризующейся рядом различных факторов, начиная с социального неравенства и заканчивая коррупцией во властных структурах.

Ключевые слова: экстремизм, фактор, детерминанты, преступления, миграционная политика, экстремистские взгляды, радикальные методы

Для цитирования: Колесников Р. В., Кравцов И. А. Детерминанты преступлений экстремистской направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 35—39. doi: 10.25724/VAMVD.YOPQ

DETERMINANTS OF CRIMES OF EXTREMISM**Roman Viktorovich Kolesnikov***, **Ivan Alexandrovich Kravtsov****

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia

* 8 (4732) 200-53-37, ** 8 (4732) 200-53-30

Abstract. Extremism at the beginning of the 21st century has become a powerful and universal factor of influence in world politics. The number of victims, one way or another affected as a result of extremist actions, is constantly increasing. A culture of violence is often instilled in society through the media, books and videos, and sometimes

even propaganda of extremism is carried out. For some part of the population of the territory of the Russian Federation, extremism has become a way of life, thinking and special activity, as well as a means of realizing their needs and interests.

Despite the importance of the problem, it is worth recognizing that in Russian legal science today, there is no clear understanding about this phenomenon. There is no consensus on its forms, types, causes, and a clear distinction between related elements of extremist crimes. In this regard, the main task of the present time is the timely analysis of the crimes committed, as well as the development of plans for the preventive activities of these crimes.

According to the official statistics of the SIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, over the past five years, more than 2,500 crimes motivated by racial and ethnic hatred, religious hatred and xenophobia have been registered in the Russian Federation annually, but one should not forget about latent crimes that were not recorded by law enforcement officers.

Based on the foregoing, we can conclude that extremism in modern Russia is, first of all, a protest reaction to the negative phenomena of the existing reality, the aggravation of social contradictions, the loss of the moral guidelines of the younger generation. At the same time, extremism acts as one of the forms of manifestation of nihilism, that is, the irreconcilable denial of something.

Extremism, as a threat to the security of vital areas of society and the state, is reflected in the events, circumstances and main trends in the development of the country that have occurred in recent years. The above trends include the expansion of the social base of extremism revealed in a number of regions of Russia, that is, a certain increase in the number of participants (supporters) of extremist associations of various age, ethnic and religious groups.

Based on the research in this area, it can be concluded that the emergence of crisis phenomena in the socio-economic, political, moral, ethnic and other spheres of life is associated with the presence of protest moods in relation to society, the current government, the existing system of social relations and values, characterized by a number of different factors, starting with social inequality and ending with ineradicable corruption in power structures.

Keywords: extremism, factor, determinants, crimes, migration policy, extremist views, radical methods

For citation: Kolesnikov R. V., Kravtsov I. A. Determinants of crimes of extremism. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 35—39, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.YOPQ

Многогранность экстремистских проявлений в современных реалиях приводит к необходимости всестороннего изучения различных аспектов рассматриваемых преступлений, именно поэтому значительное число правоведов уделяют пристальное внимание анализу причин экстремистского поведения. Отметим, что причинные комплексы таких категорий, как экстремизм и терроризм, частично совпадают. Однако детерминанты экстремизма имеют некоторые особенности. Кроме того, нужно подчеркнуть, что действия экстремистского характера проявляются по-разному и не всегда могут быть четко классифицированы, что порождает ряд сложностей. С учетом того что научного консенсуса по данному вопросу пока не достигнуто, считаем рациональным рассмотреть наиболее известные точки зрения.

Некоторые ученые [1; 2] полагают, что причины, побуждающие граждан к экстремизму, можно условно разделить на две группы: внешние (общее состояние государства и общества, выражаемое, например, в уровне жизни населения, а также дифференциации его доходов) и внутренние, которые непосредственно связаны с личностью и харак-

тером лица, совершающего преступления экстремистской направленности. Данное мнение разделяет С. Н. Фридинский [3], классифицирующий внешние причины на три группы:

— экономические факторы, которые определяют общее материальное состояние населения и его отдельных групп;

— социально-политические факторы, проявляющиеся в основном в пассивности силовых структур, а также в халатном отношении государственных управляющих к своим обязанностям;

— идеологические факторы, находящие отражение в отсутствии центральной государственной идеологической направленности.

С. Н. Фридинский считает, что эффективное нивелирование экстремистских настроений возможно только посредством приведения в нормальное состояние трех указанных факторов.

Позицию С. Н. Фридинского разделяют В. А. Мамедов и Д. В. Деккерт [4]. По их мнению, следует также обратить внимание на дополнительные возбудители агрессии среди населения:

— неверную телевизионную политику, которая воспитала людей, уверенных в том, что насилие есть норма;

— низкую эффективность системы образования;

— недостаток семейного воспитания, распространенность кризиса в семейных отношениях.

Д. И. Леньшин [5], А. А. Можегова [6], Ю. С. Варанкина, В. Д. Ларичев, А. С. Скудин [7] предлагают дополнить приведенный перечень еще несколькими факторами:

— подменой идеей патриотизма теми, которые формально не имеют экстремистской склонности, однако соответствуют экстремистской философии;

— безразличием религиозных лидеров к проблемам экстремизма, пассивностью с их стороны;

— отсутствием практической деятельности, направленной на предотвращение экстремизма, декларативным характером законодательных норм.

Особый акцент следует сделать на позиции М. В. Ульянова [8] и Генерального прокурора Российской Федерации И. В. Краснова¹. Главной причиной увеличения экстремистской активности они считают проблемы, связанные с миграционной политикой, которые влекут за собой высокую латентность преступлений экстремистской направленности. Кроме того, здесь же стоит назвать различный уровень благосостояния граждан, неспособность людей устроить свою жизнь, что приводит к значительному социальному неравенству, порождающему экстремистские настроения.

В завершение рассуждений о причинах экстремизма объединим приведенные точки зрения и выделим ряд факторов, оказывающих непосредственное влияние на распространенность исследуемых преступлений:

— социальные;

— политические;

— экономические;

— идеологические;

— сепаратистские;

— религиозные;

— территориальные.

Данные факторы могут порождать примитивные конфликты, которые, в свою очередь, приводят к совершению преступлений и разжиганию ненависти между представителями различных рас, национальностей, конфессий и т. д. Рассмотрим приведенные факторы подробнее.

По нашему мнению, ключевую роль в нарастании экстремистских настроений играет экономический фактор. Высокий уровень безработицы, различия в материальном положении заставляют людей, не имеющих постоянного источника дохода, испытывать ненависть к другим гражданам, особенно к мигрантам, которые усугубляют ситуацию с нехваткой рабочих мест: мигранты готовы работать за более низкую плату, поэтому работодатель там, где не требуется высококвалифицированный труд, отдает предпочтение именно им, а не местному населению. Здесь важно отметить, что ненависть часто распространяется не только на мигрантов, но и на всех представителей национальности, к которой они принадлежат.

Политический фактор выражается в недовольстве со стороны отдельных лиц — последователей радикальных движений, готовых использовать насильственные методы для смены государственного строя. Отдельное внимание необходимо уделить правовому нигилизму. Нередко россияне не считают себя едиными с законодательной системой страны, поскольку депутаты, заседающие в Парламенте и принимающие решения, принадлежат к партиям, отстаивающим интересы 5—10 % граждан².

Особый акцент нужно сделать на религиозной составляющей, с помощью которой достаточно часто оправдывают экстремистские настроения. Наиболее остро это ощущается в многонациональном и многоконфессиональном государстве.

Не стоит забывать и про социальные предпосылки, которые также воздействуют на проявления экстремизма. Ученые неоднократно отмечали связь между экономическими / политическими кризисами и социальными настроениями: когда первые действуют одновременно, вторые проходят несколько стадий:

— смутное недовольство, тревожные настроения;

— жажда перемен, нарастание напряжения в обществе;

— переход к активным действиям, которые носят агрессивный характер;

— уход от проблем, апатия.

Отдельного внимания заслуживает субъективная составляющая причинности экстремистских действий — субъективное отражение влияния совокупности внешних причин, которые порождают

¹ См.: Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова РИА «Новости». URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=67384441> (дата обращения: 10.01.2022).

² См.: Теперь экстремизм — любое изменение основ конституционного строя, даже мирное. По следам дела о фондах Навального. URL: https://zakon.ru/blog/2021/7/8/teper_ekstremizm_-_lyuboe_izmenenie_osnov_konstitucionnogo_stroya_dazhe_mirnoe_po_sledam_dela_ob_or (дата обращения: 10.01.2022).

ответную реакцию индивида, выраженную в явной неприязни к представителям отличных от собственных религиозных взглядов, расы, национальности и т. д. К экстремистским относятся деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Скажем несколько слов о ключевых мотивах лидеров экстремистских организаций. В целом они носят идейный и псевдоидейный характер. Данные мотивы направлены преимущественно на радикальную смену существующего уклада общественной жизни, бизнеса, политики, экономики и т. д. Однако часто за лозунгами скрываются эгоистичные интересы самих лидеров. Стоит заметить, что подобные приемы используются и в классической политической борьбе, но наибольшее распространение они получили именно внутри экстремистских организаций. В то же время их члены действительно могут быть озадачены решением накопившихся социальных проблем. С учетом сказанного законодательная политика должна быть ориентирована именно на предупреждение экстремистских настроений среди населения, а не на их грубое пресечение.

Сделаем акцент и на психологических причинах совершения преступлений экстремистской направленности. Во-первых, экстремистские взгляды доступны обыденному сознанию и часто предлагают достаточно простые решения возникших проблем. Во-вторых, угнетенный морально и материально человек, попадая в экстремистскую группу, начинает чувствовать уверенность в себе, утверждается за счет окружающих и получает ту мотивацию, которой он был лишен ранее. Свою роль играют недостатки в семейном воспитании лиц, склонных к агрессивным и импульсивным поступкам, применению насилия.

Причины развития экстремизма стоит искать и социально-психологическом состоянии общества: в наличии центральной идеи и здравого патриотизма

государства. Необходимо осуществлять тщательный контроль за распространением экстремистских материалов в средствах массовой информации и сети Интернет, которые направлены на вербовку новых членов экстремистских организаций.

В числе главных причин экстремизма, на наш взгляд, нужно назвать рост радикальных настроений, возникающий на почве усугубления общественных проблем, которые не получают решения в ближайшей перспективе. В перечень подобных факторов стоит включить такие, как:

- масштабы незаконного оборота оружия и взрывчатых веществ;
- растущие националистические настроения, увеличение количества псевдорелигиозных организаций;
- так называемые «исламский» и «чеченский» факторы;
- избыточная криминализация многих сфер общественной жизни.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что причины и условия совершения преступлений экстремистской направленности разнообразны, часто являются следствием друг друга. Наиболее весомыми из них служат экономические, политические, этнорелигиозные, социальные и психологические причины. Однако привести их исчерпывающий перечень объективно невозможно в силу их комплексного характера и неоднозначности рассматриваемых преступлений. В общем смысле все причины сводятся к отсутствию толерантности и гуманности в обществе. В завершение назовем наиболее значимые из них:

- проблемы воспитания современной молодежи;
- недостаточный уровень квалификации сотрудников правоохранительных органов в вопросах предупреждения экстремизма;
- несовершенное законодательство, регулирующее борьбу с экстремизмом;
- отсутствие должной цензуры средств массовой информации;
- неэффективный контроль за незаконной миграцией.

1. Мишота В. А., О. Г. Холщевников К вопросу об экстремистских проявлениях в молодежной среде // Юриспруденция. 2010. № 2 . С. 109—117.

2. Ермакова Е. С. Понятие и причины экстремизма среди молодежи // Молодой ученый. 2017. № 51 (185). С. 220—222.

1. Mishota V. A., O. G. Kholshchevnikov On the issue of extremist manifestations in the youth environment. Jurisprudence, 109—117, 2010. (In Russ.).

2. Ermakova E. S. The concept and causes of extremism among youth. Young scientist, 220—222, 2017. (In Russ.).

3. Фридинский С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2011. 366 с.

4. Деккерт Д. В., Мамедов В. А. Актуальные проблемы противодействия молодежным экстремистским группам в рамках деятельности правоохранительных органов по обеспечению общественной безопасности России // Проблемы права. 2007. № 2. С. 199—201.

5. Леньшин Д. И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. 174 с.

6. Можегова А. А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. 169 с.

7. Варанкина Ю. С., Ларичев В. Д., Скудин А. С. Правовые меры противодействия экстремизму: моногр. Москва, 2012. 160 с.

8. Ульянов М. В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 218 с.

3. Fridinsky S. N. Countering extremist activity (extremism) in Russia (social-legal and criminological research). Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2011: 366. (In Russ.).

4. Dekkert D. V., Mamedov V. A. Actual problems of counteraction to youth extremist groups in the framework of the activities of law enforcement agencies to ensure public security in Russia. Problems of Law, 199—201, 2007. (In Russ.).

5. Lenshin D. I. Crimes of extremist orientation in the criminal law of the Russian Federation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2011: 174. (In Russ.).

6. Mozhegova A. A. Extremist crimes and extremist crimes in the criminal law of the Russian Federation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2011: 169. (In Russ.).

7. Varankina Yu. S., Larichev V. D., Skudin A. S. Legal measures to counter extremism. Monograph. Moscow; 2012: 160. (In Russ.).

8. Ulyanov M. V. Migration processes in the system of determination of extremist crimes. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2017: 218. (In Russ.).

Колесников Роман Викторович,

доцент кафедры уголовного права
и криминологии
Воронежского юридического института
МВД России,
кандидат юридических наук;
8 (4732) 200-53-37

Кравцов Иван Александрович,

начальник кафедры уголовного права
и криминологии
Воронежского юридического института
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
8(4732) 200-53-30

Kolesnikov Roman Viktorovich,

associate professor at the department
of criminal law and criminology
of the Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
8 (4732) 200-53-37

Kravtsov Ivan Alexandrovich,

Head of the department of criminal law
and criminology
of the Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
8(4732) 200-53-30

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 24.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 24.02.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.7

doi: 10.25724/VAMVD.YPQR

**НЕЗАКОННОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ (ЗАЙМОВ):
ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Александр Александрович Лихолетов

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, a.likholetov@mail.ru

Аннотация. Постоянное изменение Уголовного кодекса нашей страны стало отличительной чертой современного законодателя. Масштабному реформированию подвергается и гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающая ответственность за преступления в сфере экономической деятельности. Федеральным законом № 215-ФЗ от 11 июня 2021 г. установлена уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов). Детальное изучение новеллы, закрепленной в ст. 171.5 УК РФ, а также то обстоятельство, что законопроект, устанавливающий ответственность в рамках данной статьи, не мог быть принят парламентариями в течение четырех лет, позволили прийти к выводу о не совсем удачной конструкции диспозиции рассматриваемой нормы. В данной статье предпринята попытка анализа составообразующих признаков нового состава преступления, сформулированы предложения по совершенствованию нормы об ответственности за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов).

Ключевые слова: заем, потребительский кредит, предпринимательская деятельность, преступление, уголовная ответственность

Для цитирования: Лихолетов А. А. Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов): проблемы законодательства и правоприменения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 40—45. doi: 10.25724/VAMVD.YPQR

**ILLEGAL IMPLEMENTATION OF ACTIVITIES
FOR THE PROVISION OF CONSUMER LOANS (LOANS):
PROBLEMS OF LAWMAKING AND LAW ENFORCEMENT**

Alexander Alexandrovich Likholetov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, a.likholetov@mail.ru

Abstract. The constant change in the criminal code of our country has become a distinctive feature of the modern activity of the legislator. Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for crimes in the field of economic activity, is also undergoing large-scale reform. Federal Law No. 215-FZ on 11 June 2021 criminalized illegal activities to provide consumer loans (loans). A detailed study of the novella enshrined in Art. 171.5 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the fact that the draft law establishing liability under this article could not be adopted by parliamentarians for four years, made it possible to come to the conclusion that the disposition of the norm in question was not entirely successful. This article attempts to analyze the constituent features of a crime that is new to the domestic criminal legislation, taking into account which proposals are formulated to improve the article on liability for illegal activities to provide consumer loans (loans).

Keywords: loan, consumer credit, entrepreneurial activity, crime, criminal liability

For citation: Likholetov A. A. Illegal implementation of activities for the provision of consumer loans (loans): problems of lawmaking and law enforcement. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 40—45, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.YPQR

Модернизация гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) в 2021 г. ознаменовалась дополнением уголовного закона статьей 171.5 УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов).

Первоначально в пояснительной записке к проекту закона, который был внесен на рассмотрение в Государственную Думу нашей страны почти четыре года назад, в обоснование необходимости его принятия инициаторы наряду с другими вопросами обратили внимание на наличие риска ухода организаций с легального рынка потребительского кредитования, провоцирующего рост числа теневого кредиторов и увеличение спроса на их услуги и, как следствие, значительное ухудшение ситуации в области защиты прав потребителей микрофинансовых услуг¹.

Однако доводов, подтверждающих указанный выше тезис, авторами законопроекта приведено не было. Не нашла объективного подтверждения в пояснительной записке и информация о значительном числе выявленных случаев, когда лицо, незаконно осуществляющее профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов, привлекается к административной ответственности и продолжает осуществлять нелегальную деятельность².

Таким образом, убедительных данных, обосновывающих необходимость установления уголовной ответственности за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), инициаторы поправок в УК РФ не привели.

Кроме того, обращает на себя внимание то обстоятельство, что изначально предлагаемая статья имела нумерацию 171.3 УК РФ. Несмотря на то что ныне действующая норма с аналогичным номером, предусматривающая ответственность за незаконный оборот этилового спирта, спиртосодержащей и алкогольной продукции, введена 26 июля 2017 г., авторами проекта нормативного правового акта указанное обстоятельство учтено не было. Тот факт, что предложение об установлении уголовной ответственности за незаконное осуществление деятельности по предо-

ставлению потребительских кредитов (займов) было внесено через непродолжительное время (спустя два дня) после дополнения Уголовного кодекса России статьями 171.3 и 171.4, не может должным образом объяснить избранную парламентариями нумерацию проектируемой статьи.

На указанные обстоятельства неоднократно указывалось в официальных отзывах на законопроект. Кроме того, рецензентами отмечались и недостатки в конструировании диспозиции и санкции предлагаемой к принятию нормы³.

После четырехлетнего «блуждания» законопроект в абсолютно обновленном виде все-таки был принят.

Порядок осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)⁴ физическим лицам в настоящее время определен Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ⁵ (далее — ФЗ № 353).

Необходимо сразу оговориться, что в соответствии с положениями гражданского законодательства (ст. 819 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)) кредит представляет собой вид банковской операции по предоставлению банком или иной кредитной организацией денежных средств заемщику в соответствии с заключенным кредитным договором⁶. Таким образом, потребительский кредит, по сути, — это вид займа, который может быть выдан ограниченным кругом кредиторов (банком или иной кредитной организацией).

Для обозначения функций кредитора при предоставлении потребительского займа ФЗ № 353 используется термин «профессиональная деятельность

³ Отзыв Верховного Суда Российской Федерации на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» № 237666-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237666-7> (дата обращения: 29.09.2021); Отзыв Правительства Российской Федерации на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» № 237666-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237666-7> (дата обращения: 29.09.2021).

⁴ Потребительский кредит (заем) — денежные средства, предоставленные кредитором заемщику на основании кредитного договора, договора займа, наряду с использованием электронных средств платежа, в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, в том числе с лимитом кредитования.

⁵ О потребительском кредите (займе): федер. закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» № 237666-7 от 28.07.2017. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237666-7> (дата обращения: 29.09.2021).

² Там же.

по предоставлению потребительских займов»¹, которая осуществляется исключительно кредитными организациями² и некредитными финансовыми организациями, наделенными правом на занятие указанным видом деятельности: микрофинансовыми организациями³, кредитными потребительскими кооперативами⁴, сельскохозяйственными кредитными потребительскими кооперативами⁵, ломбардами⁶.

¹ Профессиональная деятельность по предоставлению потребительских займов — деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя по предоставлению потребительских займов в денежной форме (кроме займов, предоставляемых работодателем работнику; займов, предоставляемых физическим лицам, являющимся учредителями (участниками) или аффилированными лицами коммерческой организации, предоставляющей заем; займов, предоставляемых брокером клиенту для совершения сделок купли-продажи ценных бумаг, и иных случаев, предусмотренных федеральным законом).

² Кредитная организация — юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции (Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1).

³ Микрофинансовая организация — юридическое лицо, которое осуществляет микрофинансовую деятельность (деятельность юридических лиц, имеющих статус микрофинансовой организации, а также иных юридических лиц, имеющих право на осуществление микрофинансовой деятельности по предоставлению микрозаймов (микрофинансирование)) и сведения о котором внесены в государственный реестр микрофинансовых организаций (Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ).

⁴ Кредитный потребительский кооператив — основанное на членстве добровольное объединение физических и (или) юридических лиц по территориальному, профессиональному и (или) социальному принципам, за исключением кредитных кооперативов второго уровня, в целях удовлетворения финансовых потребностей членов кредитного кооператива (пайщиков) (Федеральный закон «О кредитной кооперации» от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ).

⁵ Сельскохозяйственным потребительским кооперативом признается сельскохозяйственный кооператив, созданный сельскохозяйственными товаропроизводителями и (или) ведущими личное подсобное хозяйство гражданами (на основе добровольного членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности, основанной на объединении их имущественных паевых взносов в целях удовлетворения материальных и иных потребностей членов кооператива) при условии их обязательного участия в хозяйственной деятельности потребительского кооператива (Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ).

Перечисленные выше образования подлежат обязательной государственной регистрации⁷, а деятельность кредитных организаций относится еще и к лицензируемым видам предпринимательства⁸.

Кроме того, правом выдачи займа, в том числе под проценты, в соответствии со ст. 807 ГК РФ⁹ наделено любое физическое лицо. В случаях, когда подобная деятельность направлена на систематическое извлечение дохода и принимает характер предпринимательской, она подлежит обязательной государственной регистрации, а займодавец должен приобрести статус индивидуального предпринимателя с присвоением кода 64.92 (Предоставление займов и прочих видов кредита) по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности¹⁰.

Вместе с тем не стоит исключать вероятности того, что на практике незарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя физическое лицо или не образовавшее организацию будет осуществлять деятельность по предоставлению кредитов на потребительские нужды. Такая деятельность при этом может быть направлена и на систематическое извлечение прибыли, т. е. носить в себе признаки предпринимательской. В подобном случае такой вид предпринимательства будет причинять не меньший, а с учетом того, что деятельность незарегистрированного гражданина исключает контроль со стороны государственных органов, — возможно, и больший ущерб экономической системе страны, нежели индивидуальные предприниматели и органи-

⁶ Ломбард — юридическое лицо, зарегистрированное в форме хозяйственного общества, сведения о котором внесены в государственный реестр ломбардов в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом и нормативным актом Банка России, и основными видами деятельности которого являются предоставление краткосрочных займов гражданам (физическим лицам) под залог принадлежащих им движимых вещей (движимого имущества), предназначенных для личного потребления, и хранение вещей (Федеральный закон «О ломбардах» от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ).

⁷ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ О банках и банковской деятельности: федер. закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации.

¹⁰ Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) (принят и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31 января 2014 г. № 14-ст). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

зации, не наделенные правом на выдачу потребительских кредитов. Однако законодателем, исходя из формулировки диспозиции ст. 171.5 УК РФ, указанный круг лиц из перечня субъектов данного преступления необоснованно исключен, что позволяет прийти к выводу о том, что данная категория граждан подлежит ответственности за аналогичное деяние уже по ст. 171 УК РФ.

Обращает на себя внимание внутренняя несогласованность положений ФЗ № 353. Так, исходя из дефиниции «профессиональная деятельность по предоставлению потребительских кредитов и займов» (п. 5 ст. 3), можно прийти к выводу о том, что она может осуществляться как юридическими лицами, так и индивидуальными предпринимателями. Однако в ст. 4 данного нормативного правового акта четко указано на то, что такую деятельность вправе осуществлять кредитная или некредитная организация, если специальный закон об их деятельности прямо это предусматривает. Кроме того, анализ законодательства, регламентирующего предоставление потребительских кредитов и займов, позволил заключить, что указанный вид предпринимательства может осуществляться только организациями.

Учитывая расположение в гл. 22 УК РФ и нумерацию ст. 171.5 УК РФ, можно прийти к выводу, что она является специальной по отношению к незаконному предпринимательству, ответственность за которое установлена ст. 171 УК РФ.

В. И. Гладких вполне обоснованно утверждает, что законодателем не совсем логично определено место рассматриваемой нормы в структуре уголовного закона, поскольку ее содержание более близко к незаконной банковской деятельности, в связи с чем она должна быть помещена после ст. 172 УК РФ [1, с. 236].

С данной позицией следует согласиться, поскольку деятельность по выдаче потребительских кредитов и займов имеет определенную схожесть с банковской, более того, предоставление кредита относится к банковской операции — размещение денежных средств от своего имени и на условиях возвратности, платности и срочности¹.

Исходя из содержания пояснительной записки, инициаторы законопроекта путем установления ответственности за действия, описанные в диспозиции ст. 171.5 УК РФ, стремились принять меры по совершенствованию «правового механизма про-

тиводействия деятельности нелегальных кредиторов»². Кроме того, учитывая особенности субъектов выдачи кредитов и займов, можно прийти к выводу, что принятая норма призвана обеспечить обязанность государственной регистрации и лицензирования со стороны лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в указанной сфере.

С учетом изложенного объектом рассматриваемого преступления можно признать *общественные отношения, возникающие между регистрирующими органами, органами лицензирования, с одной стороны, и физическими и юридическими лицами, с другой стороны, в связи с организацией и осуществлением деятельности по предоставлению потребительских кредитов и (или) займов, обеспечивающие соблюдение требований необходимости постановки на учет в качестве субъекта такой деятельности и (или) получения лицензии на право осуществления банковских операций по выдаче потребительского кредита кредитными организациями*.

Объективная сторона анализируемого преступления заключается в осуществлении деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) (при отсутствии признаков уголовно наказуемой незаконной банковской деятельности) в крупном размере. Законодатель при этом использовал положения об административной преюдиции — указанное деяние должно быть совершено субъектом, подвергнутым административному наказанию за совершение проступка, предусмотренного ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ.

Необходимо обратить внимание, что при описании деяния использован термин «деятельность», означающий «работу, систематическое применение своих сил в какой-нибудь области» [2, с. 114], что позволяет не согласиться с позицией некоторых ученых, согласно которой даже однократное предоставление организацией (если эта организация не является работодателем заемщика или нет оснований для применения иных указанных в новой редакции данной нормы исключений) потребительского займа гражданину будет рассматриваться как деятельность по предоставлению потребительских займов³. Кроме того, учитывая, что рассматриваемая форма занятости относится к разновидностям предпринимательства, которая должна быть направлена на систематическое (а не однократное) полу-

¹ Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807—860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. Москва: Логос, 2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» № 237666-7 от 28.07.2017.

³ Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807—860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации.

чение прибыли, привлечение к уголовной ответственности по ст. 171.5 УК РФ за факт единичной выдачи займа даже в крупном размере вряд ли возможно (подробнее см.: [3, с. 33]).

Крупный размер применительно к ст. 171.5 УК РФ будет образовывать сумма выданных потребительских кредитов, превышающая 2 250 000 рублей, о чем сказано в примечании к рассматриваемой статье.

Субъектный состав представлен индивидуальным предпринимателем или лицом, которое в силу своего служебного положения постоянно, временно или по специальному полномочию исполняет возложенные на него обязанности по руководству организацией. Относительно субъектов второго вида И. В. Гладких справедливо замечает, что его признаки в диспозиции нормы изложены излишне подробно образом, поскольку являются общеизвестными признаками лица, совершающего преступление с использованием своего служебного положения [1, с. 236].

Как было указано ранее, в соответствии с действующим законодательством, регламентирующим предоставление потребительских кредитов, индивидуальный предприниматель в принципе не наделен правом на осуществление такого вида деятельности¹, в связи с чем отнесение такового к субъектам данного преступления не совсем логично.

Формулировка, избранная законодателем для описания лица, которое подлежит привлечению к ответственности по ст. 171.5 УК РФ: «Осуществление предусмотренной Федеральным законом от 21 декабря 2013 года № 353-ФЗ „О потребительском кредите (займе)“ деятельности... индивидуальным предпринимателем... не имеющим права на осуществление указанной деятельности...» вступает в прямое противоречие с нормами позитивного права, поскольку индивидуальный предприниматель а priori не может выступать стороной договора потребительского займа.

Стремясь принять меры по совершенствованию «правового механизма противодействия деятельности нелегальных кредиторов»², инициаторы законопроекта почему-то упустили из виду возможность осуществления деятельности по систематическому предоставлению займов физическим лицом, не создавшим организацию или не имеющим государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, которая обладает не меньшей

общественной опасностью, нежели аналогичные деяния со стороны предпринимателей или юридических лиц. Подобный законодательный подход не позволил охватить все возможные ситуации совершения общественно опасного деяния в сфере кредитования населения.

Еще один признак субъекта преступления — факт назначения ему наказания за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ.

Таким образом, лицо подлежит уголовной ответственности в случае повторного осуществления предусмотренной законодательством о потребительском кредите (займе) деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), в том числе обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой, юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, не имеющими права на ее осуществление (ч. 1 ст. 14.56 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ)) при одновременном условии — выдаче потребительских кредитов (займов) в крупном размере, т. е. на сумму свыше 2 250 000 рублей.

Возникает вопрос о целесообразности конструирования состава преступления с административной преюдицией со ссылкой именно на ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ, где предусмотрена административная ответственность за повторное нарушение требований ч. 1 ст. 14.56 КоАП РФ, да еще и при одновременном извлечении дохода в крупном размере. В подобной ситуации превентивная роль ст. 171.5 УК РФ в действующей редакции значительно снижается, поскольку у правонарушителя, по сути, появляется возможность заниматься незаконной выдачей потребительских займов на постоянной основе и без наступления уголовно-правовых последствий при условии, что размер выданных займов не будет превышать суммы в 2 250 000 рублей.

Представляется, что логичнее бы было привлечь лицо после повторного нарушения запрета, установленного ч. 1 ст. 14.56 КоАП РФ, уже к уголовной ответственности, что повысило бы предупредительный потенциал действующего законодательства.

Изложенное позволяет резюмировать, что избранный парламентариями способ описания диспозиции ст. 171.5 УК РФ сложно признать удачным, поскольку он сводится к раскрытию признаков субъекта преступления, а не деяния, образующего объективную сторону.

Вместе с тем целесообразно акцентировать внимание именно на противоправном характере самой деятельности по предоставлению потребительских кредитов, которая может осуществляться любым физическим лицом, в том числе и без государственной регистрации. Попытка законода-

¹ Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807—860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации.

² Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» № 237666-7 от 28.07.2017.

теля выделить конкретные признаки субъекта деяния, предусмотренного ст. 171.5 УК РФ, привела к тому, что не весь круг лиц, которые фактически могут осуществлять незаконную кредитную деятельность, был охвачен.

Крупный размер займов как признак объективной стороны преступления и положения об административной преюдиции целесообразно предусмотреть в качестве альтернативных признаков основного состава преступления, предусмотренного ст. 171.5 УК РФ.

С учетом вышесказанного ст. 171.5 УК РФ считаем целесообразным изложить в следующем виде (редакция примерная):

---

1. Gladkikh I. V. незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) (ст. 171.5 УК РФ): еще одна новелла с неясными перспективами // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 235—239.

2. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. Москва: Аделант, 2013. 800 с.

3. Лихолетов А. А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности / под ред. д-ра юрид. наук, доц. Н. А. Егоровой. Москва: Юрлитинформ, 2020. 288 с.

Лихолетов Александр Александрович,

доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
a.likholetov@mail.ru

«Статья 172.4. Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)

Осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), в том числе обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой, без регистрации или без лицензии, в случаях, когда такая лицензия обязательна, совершенное в крупном размере либо лицом, подвергнутым административному наказанию за административное правонарушение, предусмотренное частью 1 статьи 14.56 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, при отсутствии в содеянном признаках состава преступления, предусмотренного статьей 172 настоящего Кодекса, — наказывается...».

---

1. Gladkikh I. V. Illegal activity to provide consumer credits (loans) (Art. 171.5 of the Criminal Code of the Russian Federation): another *novellae leges* with indefinite prospects. Business. Education. Law, 235—239, 2021. (In Russ.).

2. Ushakov D. N. Explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow: Adelant; 2013: 800. (In Russ.).

3. Likholetov A. A. Criminal-legal characteristics and problems of qualification of crimes in the context of realizing special types of enterprise activity. Ed. by doctor of juridical sciences, associate professor N. A. Yegorova. Moscow: Jurlitinform; 2020: 288. (In Russ.).

Likholetov Alexander Alexandrovich,

associate professor at the criminal law
department of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
a.likholetov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.01.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 11.01.2022; approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.2

doi: 10.25724/VAMVD.YQRS

**РАЗВИТИЕ ИДЕИ ГУМАНИЗМА
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ**

Александр Владимирович Шипков

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, volakdm@va-mvd.ru

Аннотация. Статья посвящена процессу формирования идеи гуманизма в уголовном праве советского и постсоветского периодов. Свое юридическое закрепление гуманизм получил лишь в Уголовном кодексе Российской Федерации, став одним из основополагающих принципов, обеспечивающих защиту прав и свобод человека независимо от того, является ли он законопослушным гражданином или преступником, и не допускающих применение к лицу, совершившему преступление, мер уголовно-правового характера, причиняющих физические и моральные страдания. Несмотря на то что гуманизм — относительно молодое правовое явление, его идея находит свое отражение в уголовно-правовых нормах на протяжении всей истории развития отечественного уголовного законодательства. Именно в названный период складываются предпосылки для формирования в уголовном законодательстве современных уголовно-правовых институтов, признающих права и свободы человека наивысшими ценностями и возлагающих на государство обязанность их обеспечения. Автором проведена периодизация процесса становления идеи гуманизма в уголовном законодательстве советского и постсоветского периодов, рассмотрена динамика его развития. В ходе исследования проанализированы социальные, экономические, внутри- и внешнеполитические факторы, определяющие сущность гуманизма на конкретном этапе исторического развития государства.

Ключевые слова: уголовное законодательство; идея гуманизма; принцип гуманизма; милосердие; безопасность личности; защита прав, свобод и интересов человека; наказание; лицо, совершившее преступление; дегуманизация; международная политика; акты международного права

Для цитирования: Шипков А. В. Развитие идеи гуманизма в уголовном законодательстве советского и постсоветского периодов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 46—52. doi: 10.25724/VAMVD.YQRS

**THE DEVELOPMENT OF THE IDEA OF HUMANISM
IN THE CRIMINAL LEGISLATION
OF THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS**

Alexander Vladimirovich Shipkov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, volakdm@va-mvd.ru

Abstract. The article is devoted to the process of formation of the idea of humanism in the criminal law of the Soviet and post-Soviet periods. Humanism received its legal consolidation only in Criminal Code of the Russian Federation, becoming one of the fundamental principles of criminal legislation ensuring the protection of human rights, freedoms and interests, regardless of whether he is a law-abiding citizen or a criminal. Despite the fact that humanism is a relatively young legal phenomenon, its idea is reflected in criminal law norms throughout the history of the development of domestic criminal legislation. It is during the period under review that the prerequisites are being formed for the formation of modern criminal law institutions in criminal legislation that recognize human rights and freedoms as the highest values and impose on the state the obligation to ensure them. The author of the article periodizes the process of formation of the idea of humanism in the criminal legislation of the Soviet and post-Soviet period, examines the dynamics of its development. In the course of the research, the article analyzes the social, economic, domestic and foreign policy factors that determine the essence of humanism at a particular stage of the historical development of the state.

Keywords: criminal legislation, the idea of humanism, the principle of humanism, mercy, personal security, protection of human rights, freedoms and interests, punishment, the person who committed the crime, dehumanization, international politics, acts of international law

For citation: Shipkov A. V. The development of the idea of humanism in the criminal legislation of the Soviet and Post-Soviet periods. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 46—52, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.YQRS

В настоящее время идея гуманизма настолько глубоко проникла в российское уголовное законодательство, что без нее невозможно представить регулирование уголовно-правовых отношений. Став неотъемлемым элементом уголовной политики России, гуманизм провозгласил необходимость защиты прав и свобод всех членов общества, а также призвал органы государственной власти к проявлению милосердия в отношении лиц, совершивших преступления.

Уяснить волю законодателя, содержащуюся в уголовно-правовых нормах, демонстрирующих гуманное отношение, можно лишь при рассмотрении трансформации в отечественном уголовном законодательстве идеи гуманизма. Это будет способствовать пониманию его современного состояния и перспектив развития.

Нужно отметить, что эволюция гуманизма в уголовном праве России входит в число слабо разработанных вопросов в науке.

Формирование идеи гуманизма прослеживается на всех этапах развития российского государства, начиная с Древней Руси. Однако именно в советский и постсоветский периоды складываются предпосылки, способствующие возведению прав и свобод человека на высшую ступень в системе ценностей общества; зарождаются гуманистические начала, которые были положены в основу современного уголовного законодательства.

Важную роль в исследовании играет правильная периодизация процесса формирования гуманизма, что позволит рассмотреть особенности его эволюции в зависимости от политических, социальных и экономических отношений, складывающихся на конкретном этапе развития российской государственности.

Первый этап (1917—1919 гг.). В данный период происходит становление Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Произошедшая в 1917 г. революция приводит к дестабилизации работы органов государственной власти и, как следствие, к прерыванию развития систематизации уголовного законодательства. В это время уголовная ответственность устанавливалась декретами, постановлениями и инструкциями. Основными актами, регу-

лировавшими уголовные правоотношения, выступали декреты о суде, земле, революционных трибуналах. В соответствии с декретами о суде до 3 ноября 1918 г. продолжали применяться нормы уголовных уложений 1845 г. и 1903 г.¹ В рассматриваемый период происходит трансформация социальной структуры общества, господствовавший класс в лице представителей высших сословий смещается эксплуатируемым, интересы которого становятся приоритетным объектом защиты, что, в свою очередь, находит отражение и в проводимой государством уголовной политике.

Несмотря на политическую дестабилизацию, были установлены нормы, проявлявшие гуманизм к лицам, совершившим преступления. Так, улучшается положение несовершеннолетних. Возраст уголовной ответственности был увеличен до 17 лет, лица, не достигшие его, не подлежали уголовной ответственности. Дела о совершенных ими преступлениях рассматривались комиссией о несовершеннолетних, в результате лицо либо освобождалось, либо направлялось в специальные убежища Народного Комиссариата народного призрения². Возникают специальные виды освобождения от уголовной ответственности. Декрет СНК «О взяточничестве» от 8 мая 1918 г. освобождал от ответственности лицо, получившее взятку до издания декрета и сообщившее об этом факте не позднее трех месяцев с момента издания данного документа³. Условия смягчения наказания или освобождения от него определялись судом и ставились в зависимость от внутренних убеждений судей. Статья 23 Положения «О народном суде РСФСР» от 30 ноября 1918 г. наделяла суд правом смягчать наказание и осво-

¹ См.: О суде: декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О суде: декрет СНК от 15 февраля 1918 г. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: О суде: декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О суде: декрет СНК от 15 февраля 1918 г. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: О взяточничестве: декрет СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

бождать от него на основании мотивированного решения¹.

Второй этап (1919—1929 гг.). На данном этапе происходят становление и систематизация уголовного законодательства РСФСР. Произошедшие революция и Гражданская война вызвали необходимость стабилизации политики в управленческой сфере и повлекли за собой быстрый рост правотворческой деятельности, направленной на совершенствование содержания законодательства и его формы. Советская система права пошла по пути кодификации.

Законодатель ставил перед наказанием новые цели, которые заключались в превенции преступлений, исправлении осужденного и исключении возможности повторного совершения им преступления. В законодательстве развивались институты освобождения и смягчения ответственности, формировались нормы, ориентированные на обеспечение безопасности общества.

Принятые в 1919 г. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР отражали классовый характер гуманизма, выражавшийся в защите интересов пролетариата — господствовавшего социального класса². В этом документе наказание являлось средством искупления вины (исключалось возмездие), лишенным признаков мучительности, и не преследовало причинения виновному бесполезных и лишних страданий, на что указывала система наказаний (ст. 9, 12, 25), включавшая в себя внушение, выражение общественного порицания, исключение из объединения, лишение политических прав и др. (ст. 25). Степень наказания зависела от личности виновного и целей совершенного им преступления (ст. 1). Так, преступление, совершенное неимущим человеком в состоянии нужды, выступало смягчающим обстоятельством. Смертная казнь была крайней мерой, применяемой в случае невозможности исправления осужденного и отсутствия целесообразности его изоляции от общества (ст. 9).

В пункте 16 Руководящих начал формируется новое обстоятельство, исключавшее наказание, — «изменение обстановки». Данная норма допускала освобождение от наказания лица, если оно и совершенное им деяние перестали представлять опасность для общественного строя.

По отношению к несовершеннолетним гуманизм выражался в освобождении от ответственности лиц, не достигших 14 лет, и применении к ним воспитательных мер воздействия (ст. 13). Кроме того, от уголовной ответственности освобождались лица, не достигшие 18 лет, совершившие преступления в состоянии психического расстройства. В отношении последних применялись меры медико-педагогического воздействия.

В пункте 26 Руководящих начал гуманизм воплощался в возможности условного осуждения виновного. Это нововведение отражало сформировавшееся в обществе социалистическое правосознание и было следствием влияния идеи условной формы реализации наказаний, пропагандируемой социологической школой уголовного права, представителями которой выступали такие ученые, как А. А. Пионтковский, П. П. Пусторослов, С. К. Гогель и др. [1, с. 131—135].

В июне 1922 г. вступил в силу Уголовный кодекс РСФСР (УК РСФСР), продолживший защищать государственный строй и правопорядок, установленный рабоче-крестьянской партией³. Вид наказания зависел от тяжести совершенного преступления и опасности личности виновного. Целями наказания были превенция преступлений и исправление осужденного. Закон не допускал причинения виновному бесполезных и лишних страданий (ст. 26). Высшей мерой наказания выступал расстрел, применяемый революционными трибуналами за совершение ряда преступлений против государственного строя и общественного порядка. При этом расстрел не входил в систему наказаний и являлся временной мерой. Несмотря на отсутствие перечня обстоятельств, смягчающих наказание, УК РСФСР ставил его меру в зависимость от обстоятельств, отраженных в ст. 25, которые влияли на назначение более мягкого наказания (совершение преступления в состоянии нужды, неосознанность преступления и др.). УК РСФСР 1922 г. предусматривал возможность замены наказания на более мягкое. Так, из санкции ст. 58 следовало, что высшая мера наказания может быть заменена на лишение свободы при наличии смягчающих обстоятельств. Кроме того, на назначение более мягкого наказания влияли обстоятельства совершения преступления.

К лицам, отбывавшим наказания в виде лишения свободы и принудительных работ, могло быть при-

¹ См.: О народном суде РСФСР (положение): декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: постановление Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: О введении в действие УК РСФСР (вместе с уголовным кодексом РСФСР): постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

менено условно-досрочное освобождение (ст. 53). Положение о нем было закреплено в Законе «Об условно-досрочном освобождении» от 22 июня 1909 г. [2, с. 235—239]. Вместе с тем в УК РСФСР 1922 г. формировался институт социальной защиты, нормы которого (ст. 46—50) были призваны обеспечивать безопасность общества путем исключения из него социально опасных элементов или лишения их возможности заниматься определенной деятельностью. Так, ст. 47 предусматривала принудительное помещение обвиняемого, к которому не применялось наказание, в учреждение для умственно или морально дефективных или лечебное заведение. Содержание данной нормы отражало гуманность как к обществу, так и к лицу, страдавшему психическими расстройствами.

В 1926 г. был принят новый УК РСФСР, который действовал до 1961 г. Он продолжил развивать положения УК РСФСР 1922 г. Объектом защиты здесь также выступали интересы органов государственной власти. Понятие наказания было заменено мерами социальной защиты. На гуманное отношение к личности в данном документе указывали некоторые нововведения:

— появление нормы о малозначительности деяния, которое в силу отсутствия общественно опасных последствий не рассматривалось как преступное (ст. 6);

— выделение круга лиц, к которым не мог применяться расстрел: лица, не достигшие на момент совершения преступления 18 лет, и беременные женщины (ст. 22).

— формирование четкого перечня смягчающих наказание обстоятельств (ст. 48). В него входили отсутствовавшие ранее обстоятельства: совершение преступления беременной женщиной, рабочим или трудовым крестьянином, совершение преступления в состоянии аффекта.

Третий этап (1929—1953 гг.) характеризуется дегуманизацией уголовной политики, вызванной как обострившейся классовой борьбой и опасением элиты потерять бразды правления, так и внешней военно-политической ситуацией. В период сталинизма (конец 1920-х — начало 1950-х гг.) происходит резкий рост судебных и внесудебных политических репрессий в отношении лиц, совершивших контрреволюционные преступления, ответственность за которые была предусмотрена ст. 58 УК РСФСР 1926 г. и восемнадцатью примечаниями к ней. Согласно ст. 107 наказанию подвергались не только лица, совершившие преступления, но и те, кто представлял опасность для общества в силу своих связей

в преступной среде либо вследствие прошлой деятельности. Репрессии стали неотъемлемым элементом коллективизации. Циркуляр Наркомюста РСФСР от 5 сентября 1929 г. разрешал их в отношении «кулаков» и контрреволюционеров¹.

Ужесточение уголовной политики выражалось в несоразмерности наказания совершенным преступлениям. Так, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации» от 7 августа 1932 г. (указ о трех колосках) данное имущество было отнесено к государственному, за его хищение виновный приговаривался к расстрелу либо при наличии смягчающих обстоятельств к лишению свободы на срок не менее десяти лет с конфискацией всего имущества². В произведении «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицын описывает жестокость уголовной политики, распространявшейся и на несовершеннолетних, приговариваемых к восьми годам лишения свободы за кражу колосьев или картошки и к пяти годам лишения свободы за кражу огурцов [3, с. 361]. Вместе с тем устанавливалась уголовная ответственность за нарушения в области трудового права. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» от 26 июня 1940 г. предусматривал за самовольный уход работника с предприятия тюремное заключение на срок до четырех месяцев³. Карательный характер уголовной политики подтверждается статистикой. По данным КГБ СССР с 1930 по 1953 гг. были осуждены 3 778 234 политических заключенных, из них приговорены к расстрелу 786 098 [4, с. 82].

Четвертый этап (1953—1996 гг.). В рассматриваемый период уголовное право перестало носить классовый характер. Происходившие демократизация и либерализация общественных отношений

¹ См.: О репрессиях по делам о терроре: циркуляр Наркомюста РСФСР от 5 сентября 1929 г. URL: <https://istmat.info/node/30617> (дата обращения: 27.10.2021).

² См.: Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации, об укреплении общественной (социалистической) собственности: постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений: указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

повлекли за собой признание высшей ценностью личность, а также ее права и свободы. Сформированные в эти годы гуманистические положения стали основой современного уголовного законодательства России.

Лишь в 1953 г. после смерти И. Сталина была проведена массовая амнистия, по итогам которой освобождены 1 201 738 человек¹ [5, с. 144], с 1954 по 1960 г. реабилитированы 530 000 осужденных [6, с. 317]. На XX съезде коммунистической партии политика сталинского управления подверглась критике², что послужило толчком для разработки нового уголовного законодательства. Осуждение сталинского режима и складывавшаяся тенденция либерализации тоталитарной политики системы СССР способствовали принятию в 1958 г. Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик³.

Значимыми нововведениями выступили отмена применения аналогии закона, что исключало произвол со стороны власти, и замена понятия меры социальной защиты понятием наказания, которое преследовало цель превенции преступлений, исправления осужденного и не допускало возможности причинения ему физических и нравственных страданий (ст. 20). В новый закон не вошли некоторые наказания, в том числе необоснованно ущемлявшие права человека (поражение прав, признание врагом трудящихся и изгнание из СССР (РСФСР)), а также было ограничено применение наказаний в виде лишения свободы и смертной казни. Максимальный срок лишения свободы снизился с 25 до 15 лет (ст. 23), а смертная казнь стала исключительной мерой и назначалась за совершение особо тяжких преступлений, при этом ее применение не допускалось в отношении лиц, не достигших 18 лет, и беременных женщин (ст. 22).

Основы уголовного законодательства устанавливали общие положения, которыми должны были руководствоваться республики при издании уголовных кодексов, включая РСФСР, где 27 октября

1960 г. был принят новый уголовный кодекс⁴. Данный документ действовал до 1996 г.

В число задач УК РСФСР входила необходимость охраны личности, ее прав и свобод, однако, как и прежде, приоритет отдавался защите интересов государства (ст. 1). В законе было сформулировано достаточное количество норм, предусматривавших обстоятельства, исключавшие, смягчавшие ответственность и иным образом улучшавшие положение виновных. Так, УК РСФСР 1960 г. определял перечень предметов, необходимых для жизнедеятельности виновного и не подлежавших конфискации (приложение к УК РСФСР).

За длительный период действия УК РСФСР 1960 г. в него было внесено большое число изменений, но, несмотря на это, его положения не соответствовали складывавшимся в конце XX в. общественным отношениям. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других республиках. Стремительно развивавшиеся социально-экономические отношения, переход к рыночной экономике, правовая перестройка и стремление создать демократическое правовое государство, где права человека стали бы приоритетными для органов власти, требовали принятия новых основ уголовного законодательства, отвечающих сложившимся реалиям.

В октябре 1991 г. Верховным Советом СССР были приняты Основы уголовного законодательства, которые в связи с распадом СССР так и не вступили в силу⁵. Вместе с тем их положения весьма интересны для изучения, поскольку данный документ был пронизан идеями гуманизма по отношению к законопослушным гражданам и лицам, совершившим преступления.

В Основах уголовного законодательства впервые нашли отражение принципы уголовной политики, в том числе принцип гуманизма, содержание которого не раскрывалось (ст. 2). Приоритетной задачей выступала необходимость защиты личности, ее прав и интересов, а также способствование обеспечению мира и безопасности человечества (ст. 1). Устанавливалось всеобщее равенство перед законом, субъекты уголовных правоотношений наделялись одинаковой правоспособностью, не зависевшей от занимаемого ими места в социальной иерархии (ст. 2). Документ не допускал применения аналогии уголовного закона; исклю-

¹ См.: Об амнистии: указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;

² См.: Доклад «О культе личности и его последствиях». XX съезд КПСС. 1956. URL: <https://www.sovtime.ru/archive/documents/khrushchev-doklad-1956> (дата обращения: 28.10.2021).

³ См.: Об утверждении основ уголовного законодательства СССР и союзных республик: закон СССР от 25 декабря 1958 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: УК РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик от 2 июля 1991 г. № 2281-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чал ответственность за малозначительные деяния; ввел понятие добровольного отказа от совершения преступления, исключавшего наступление уголовной ответственности; сформировал институты обстоятельств, исключавших преступность деяния, назначения наказаний, освобождения от уголовной ответственности и наказания, освобождения от ответственности несовершеннолетних; сделал открытым перечень смягчающих обстоятельств.

Особый интерес вызывает порядок реализации ст. 40, сильно сузившей круг преступлений, влекших за собой назначение смертной казни (на момент распада СССР являлась действующей) [7, с. 9]. Вместе с тем данная статья расширила круг лиц, в отношении которых не могла применяться смертная казнь, дополнив его женщинами (независимо от беременности).

Несмотря на то что анализируемый документ так и не вступил в силу, многие содержащиеся в нем уголовно-правовые институты с учетом их корректировок нашли свое отражение в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ).

Пятый этап (1996 г. — настоящее время). В 1996 г. был принят УК РФ, вступивший в законную силу с 1 января 1997 г. С этого времени в него внесли большее количество изменений, направленных на обеспечение безопасности личности и улучшающих положение лица, совершившего преступление. В статье 7 УК РФ закреплён принцип гуманизма, который поставил перед уголовным законодательством задачи защищать человека, его права и сво-

боды, не допускать причинения страданий лицу, совершившему преступление.

Необходимо отметить, что особую роль в становлении гуманизма в уголовном законодательстве России сыграла международная политика, ориентированная на уважение, защиту прав и свобод человека, а также на проявление гуманного отношения к виновному лицу. Взяв курс на гуманизацию уголовной политики, СССР, а затем Россия, как и многие страны, ратифицировали ряд международных договоров в области защиты прав человека, после чего была проведена масштабная имплементация содержащихся в них норм в национальное законодательство. Большим шагом на пути развития гуманного отношения к виновному стало вступление России в Совет Европы (28 февраля 1996 г.), что повлекло за собой наложение моратория на применение смертной казни.

В завершение подчеркнем, что становление гуманизма в уголовном законодательстве советского и постсоветского периодов прошло пять этапов, на каждом из которых содержание гуманизма, проявляемого к личности, определялось местом человека, его прав и свобод в системе ценностей общества, зависело от социальных, экономических и политических условий развития государства, а также от субъективных убеждений политической элиты. Важную роль в становлении принципа гуманизма сыграла международно-правовая политика, ориентированная на признание человека, его прав и свобод высшими ценностями, подлежащими обязательному государственному обеспечению.

1. Агзамов И. М. Концепция условной формы реализации наказания в классической и социологической школах права (исторический аспект) // Правовое государство. Теория и практика. 2016. № 3 (45). С. 131—135.

2. Столыпин П. А. Программа реформ: документы и материалы: в 2 т. Москва: РОССПЭН, 2011. Т. 1. С. 235—239.

3. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. Опыт художественного исследования. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. Ч. 3—4. 558 с.

4. Земсков В. Н. О масштабах политических репрессий // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14, № 3. С. 79—88.

5. Докладная записка С. Н. Круглова в ЦК КПСС о состоянии дел в исправительно-трудовых лагерях и колониях. 26.05.1954 // Реабилитация: как это было. Документы Президиума

1. Agzamov I. M. The concept of conditional form of punishment in classical and sociological schools of law (historical aspect). The rule of law. Theory and practice, 131—135, 2016. (In Russ.).

2. Stolypin P. A. A Programme for reform: documents and materials. In 2 volumes. Moscow: ROSSPEN; 2011; Vol. 1: 235—239. (In Russ.).

3. Solzhenitsyn A. I. GULAG Archipelago. 1918—1956. The experience of artistic research. Ekaterinburg: U-factoria; 2007; 3—4 parts: 558. (In Russ.).

4. Zemskov V. N. On the scale of political repression. Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 79—88, 2012. (In Russ.).

5. S. N. Kruglov's report to the Central Committee of the CPSU on the state of affairs in correctional labor camps and colonies. 5 June 1954. In: Rehabilitation: how it was. Documents of the

ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. Москва: МФД, 2000. Т. 1. С. 144—152.

6. Расправа. Прокурорские судьбы. Москва: Юрид. лит, 1990. 318 с.

7. Наумов А. В. Действие уголовно-правовых норм Союза ССР на территории Российской Федерации // Законность. 1993. № 7. С. 9—14.

Шипков Александр Владимирович,
адъюнкт Волгоградской академии МВД России;
volakdm@va-mvd.ru

Presidium of the Central Committee of the CPSU and other materials. In 3 volumes. Moscow: MFD; 2000; Vol. 1: 144—152. (In Russ.).

6. Reprisal. Prosecutor's destinies. Moscow: Yurid. Lit; 1990: 318. (In Russ.).

7. Naumov A. V. The effect of criminal law norms of the USSR on the territory of the Russian Federation. Legality, 9—14, 1993. (In Russ.).

Shipkov Alexander Vladimirovich,
associate adjunct of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
volakdm@va-mvd.ru

Статья поступила в редакцию 30.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 30.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.137.5(575.3)

doi: 10.25724/VAMVD.YRST

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Шухрат Джурамурод Азимзода

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
sazimzoda@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию уголовно-процессуальных норм института прекращения уголовных дел в отношении несовершеннолетних в Республике Таджикистан. Обосновывается необходимость реформирования уголовно-процессуального законодательства, направленного на конкретизацию правил освобождения от уголовной ответственности подростков, вступивших в конфликт с законом. Высказываются рекомендации по определению критериев допустимости принятия решения о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Обращено внимание на противоречие уголовного и уголовно-процессуального законодательства при определении категории преступлений, по которым возможно прекращение уголовного дела с применением принудительных мер воспитательного воздействия (преступления небольшой и средней тяжести). Внесено предложение о дополнении и изменении нормы, регламентирующей порядок такого прекращения дела. Анализируются иные основания прекращения уголовного дела и возможности их применения к несовершеннолетним правонарушителям. Ставится вопрос об обозначении в законе отдельного основания прекращения уголовного дела в отношении подростков, не достигших к моменту совершения общественно опасного деяния возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан, прекращение уголовного дела (уголовного преследования), несовершеннолетние, принудительные меры воспитательного воздействия, освобождение лица от уголовной ответственности

Для цитирования: Азимзода Ш. Дж. Уголовно-процессуальная характеристика прекращения уголовных дел в отношении несовершеннолетних по законодательству Республики Таджикистан // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 53—60. doi: 10.25724/VAMVD.YRST

CRIMINAL AND PROCEDURAL CHARACTERISTICS OF DISCHARGING CRIMINAL CASES AGAINST THE MINORS ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Shukhrat Juramurod Azimzoda

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia
sazimzoda@mail.ru

Abstract. The given article deals with studying the criminal and procedural norms of the institution of dismissal of criminal cases against minors in the Republic of Tajikistan. The author of the article proves the necessity to reform the criminal and procedural legislation aimed at concretizing the rules for discharging adolescents who have broken the law from criminal liability. The author also offers the recommendations to determine the criteria for the admissibility of making a decision to discharge a criminal case on reasons other than exoneration. The author pays attention to the discrepancy between the criminal and criminal procedural legislation while determining the category of crimes on which it is possible to discharge a criminal case using coercive measures of educational influence (crimes of small and medium gravity). The author also offered to supplement and change the norm regulating the procedure related to discharging such criminal cases as well as analyzed other grounds for dismissal of a criminal case and the possibility to apply them to juvenile offenders. The author also puts a question

to determine a separate basis for dismissal of a criminal case against the minors who have committed a socially dangerous criminal act.

Keywords: Code of the Criminal Procedure of the Republic of Tajikistan, dismissal of a criminal case (criminal proceedings), minors, coercive measures of educational influence, discharging a person from criminal liability

For citation: Azimzoda Sh. J. Criminal and procedural characteristics of discharging criminal cases against the minors according to the legislation of the Republic of Tajikistan. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 53—60, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.YRST

В Таджикистане путем формирования необходимых мер по защите прав ребенка, внесения поправок и дополнений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство планомерно развивается система правосудия в отношении несовершеннолетних. Обновлен Закон Республики Таджикистан «О защите прав ребенка», который провозгласил одной из целей государственной политики формирование правовой основы гарантий прав и законных интересов несовершеннолетних¹. Принята Программа реформирования системы правосудия в отношении детей на 2017—2021 гг., направленная на приведение законодательства в отношении детей, совершивших преступления и правонарушения, к стандартам в сфере правосудия и эффективного реагирования на дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от личности подростка и категории общественно опасного деяния². В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан (далее — УПК РТ) имеется специальная глава 44, устанавливающая порядок производства по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, и правила взаимодействия с подростками — участниками уголовного процесса³.

Анализ показателей, определяющих подростковую преступность, дает возможность констатировать, что удельный вес преступных деяний таких лиц в общей структуре преступности остается относительно стабильным (от 4 до 6 процентов за последнее десятилетие). В Таджикистане в 2020 г. из 23 460 всех совершенных преступлений количество эпизодов, приходящихся на долю несовер-

шеннолетних, составило всего 754 (3,21 %) ⁴. Это позволяет сделать вывод о том, что преступления несовершеннолетних не захлестнули следственный аппарат Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, и нагрузка допускает качественное расследование условий жизни и воспитания этой категории обвиняемых, принятие процессуальных решений, адекватно влияющих на формирование правопорядка в молодежной среде, в том числе решений о прекращении уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести по нереабилитирующим основаниям.

В данной статье мы остановимся на некоторых уголовно-процессуальных правилах прекращения уголовного дела в отношении несовершеннолетних с точки зрения их оптимальности, достаточности и конкретности. Обратим внимание на градацию ответственности, в результате которой законодательно устанавливаются различные юридические последствия в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления и личности подростка.

В настоящее время теория и практика борьбы с преступностью несовершеннолетних накопили немалый арсенал средств, направленных на перевоспитание этих лиц, совершивших преступления. Вопросы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям были предметом обсуждения ученых-процессуалистов [1—3]. Оценивая назначение этого института, М. А. Лавнов пишет: «Принцип целесообразности уголовного судопроизводства предполагает необходимость широкого применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, позволяющий снизить затраты государства, оптимизируя нагрузку на органы расследования и суда, направить сэкономленные средства на развитие правоохранительной и судебной системы» [4, с. 86].

Статья 432 УПК РТ определяет возможность прекращения уголовного дела с применением при-

¹ О защите прав ребенка: закон Республики Таджикистан от 18 марта 2015 г. № 1196 (с изм. и доп. по сост. на 17.12.2020). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33786719 (дата обращения: 20.01.2022).

² О Программе реформирования системы правосудия в отношении детей на 2017—2021 гг.: постановление Правительства Республики Таджикистан от 29 июня 2017 г. № 322 (в действ. ред.) // Адлия: централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. URL: <http://www.adlia.tj> (дата обращения: 20.01.2022).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (в действ. ред.) // Адлия: централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. URL: <http://www.adlia.tj> (дата обращения: 20.01.2022).

⁴ Социально-экономическое положение Республики Таджикистан (январь — декабрь 2020 г.). Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2021. URL: <https://www.stat.tj/tj/electronic-versions-of-publications> (дата обращения: 15.01.2022).

нудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему, впервые совершившему преступление небольшой тяжести, при условии, что его исправление возможно без привлечения к уголовной ответственности. Часть 2 ст. 89 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее — УК РТ) предусматривает такие меры воздействия, как предупреждение; передачу под надзор родителей, опекунов или государственному органу; возложение обязанности возмещения причиненного вреда; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Эти меры могут быть назначены в досудебном производстве при вынесении постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Кстати, необходимо заметить, что УПК РТ допускает расследование всех дел в отношении несовершеннолетних независимо от подследственности только в форме предварительного следствия. Конструкция данной нормы позволяет говорить, что применение этих мер является одновременно правовым актом и педагогическим решением. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива освобождению осужденного несовершеннолетнего от уголовной ответственности и наказания (ст. 90 УК РТ) могут применяться к большинству подростков, совершивших преступление впервые. Однако в реальной правоприменительной практике эти меры занимают слишком незначительное место. Такое положение, очевидно, нельзя объяснить только поддержанием нужного уровня процессуальных показателей следственной работы — видна недостаточная правовая урегулированность системы использования указанных мер.

В Законе ничего не сказано о количестве преступлений, совершенных несовершеннолетним, когда можно применить меры воспитательного характера. Это определенное упущение, но можно предположить, что при наличии систематического совершения преступлений (три и более раза, например, несколько неквалифицированных краж) применять ч. 1 ст. 432 УПК РТ не представляется целесообразным. Понятие «исправление может быть достигнуто» является оценочным, в связи с чем определение достаточности сбора доказательств, показывающих условия жизни и воспитания подростка и возможности его исправления без судебного вмешательства, несколько сложно. Статья 90 УПК РТ определяет обстоятельства, подлежащие установлению по делам несовершеннолетних. В качестве источников получения необходимых сведений о личности ребенка в законодательстве указаны: допрос родителей, воспитателей, учителей

и других лиц, а также приобщение нужных материалов об этом. На практике характеристику на подростка о его поведении до совершения преступления составляют директора школ, колледжей и классные руководители, начальствующий состав сельскохозяйственных предприятий, мастера и бригадиры на производстве. Но думается, что характеристика должна быть рассмотрена на собрании коллектива по месту учебы или работы несовершеннолетнего, что позволит объективно судить о готовности молодого человека или девушки встать на путь исправления. Желательно было бы увидеть в характеризующем материале мнение общественности о возможности исправления правонарушителя без судебного преследования. Это что-то наподобие взятия на поруки с учетом традиций Таджикистана. Следовало бы дополнить ч. 1 ст. 432 УПК РТ после слов «если не возражает несовершеннолетний и его законный представитель» следующим содержанием: «и в случае ходатайства коллектива, общественной или религиозной организации по месту его жительства, учебы или работы». Тем самым это сделает практически невозможным прекращение дела в отношении неулучшего или неработающего лица.

Буквальное толкование положений ст. 432 УПК РТ приводит первоначально к выводу о возможности принятия решения о применении принудительных мер воспитательного воздействия на стадии предварительного расследования непосредственно следователем с согласия прокурора и направления копии постановления о прекращении дела в комиссию по правам ребенка. Суд не упомянут в данной статье в качестве органа, наделенного исключительным полномочием на ограничение конституционных прав несовершеннолетнего. На наш взгляд, это не вписывается в законодательные принципы уголовного процесса Республики Таджикистан, указанные в ст. 7—11 УПК РТ, особенно в части неприкосновенности личности. Ограничение личностных свобод может быть осуществлено только судом. Это меры государственного принуждения, предполагающие установление надзора за несовершеннолетним со стороны комиссии по правам ребенка, проведение коррекционной работы. Только судебным решением возможно серьезно изменить жизнь подростка, применить особые требования к поведению, ограничивающие конституционные права и свободы (запрет на посещение определенных мест, контроль некоторых видов досуга, отсутствие возможности выезда за пределы административно-территориальных границ проживания без разрешения соответствующих

органов). Следует подчеркнуть при этом, что ст. 432 УПК РТ должна толковаться в системном единстве с положениями ч. 1 ст. 35 УПК РТ, провозглашающей в абз. 2, что «только суд вправе... назначить меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетнего в соответствии с главой 44 настоящего Кодекса». Однако подобный способ законодательной техники, примененный при формулировании важных положений института прекращения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, видится нам недостаточно корректным (УПК РТ обходит этот вопрос молчанием в ст. 432, констатируя в ст. 35, что только суд может назначить эти меры). Для сравнения, сходные нормативные установления порядка прекращения уголовного преследования несовершеннолетнего в досудебном производстве России (ст. 427 УПК РФ) имеют вполне четкую конкретизацию: в ч. 2 указанной статьи дается прямая отсылка на положения ст. 108 УПК РФ, применяемые в качестве нормативной модели судом при решении вопроса о назначении принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему. Видится вполне удобной и логичной предложенная судебный контрольная процедура для решения этого вопроса в досудебном производстве (т. е. уголовное дело не совершает дальнейшего движения в судебные стадии, что позволяет быстро и эффективно решать вопросы воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего).

В связи изложенным полагаем необходимым изменение содержания ст. 432 УПК РТ с целью внесения правовой определенности в процедуру назначения несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия в досудебном производстве:

1) первое предложение ч. 1 ст. 432 УПК РТ дополнить ссылкой на возбуждение перед судом соответствующего ходатайства;

2) третье предложение из ч. 1 ст. 432 УПК РТ удалить;

3) дополнить ст. 432 УПК РТ новой частью 1.1, закрепляющей судебный порядок назначения принудительных мер воспитательного воздействия.

По нашему глубокому убеждению, только такой способ нормативного регулирования соответствует принципам уголовного судопроизводства и интересам несовершеннолетнего.

Законодательство Таджикистана предусматривает процессуальную возможность прекращения дела по указанному основанию на стадии предварительного расследования лишь по преступлениям небольшой тяжести. Вместе с тем ч. 1 ст. 89 УК РТ

прямо указывает, что принудительные меры воспитательного характера могут применяться к несовершеннолетним, совершившим преступления как небольшой, так и средней тяжести. Произошло противоречие между нормами уголовного и процессуального права. Если проанализировать ст. 436 УПК РТ, то окажется, что и она дает суду право освободить от наказания с применением мер воспитательного характера несовершеннолетнего, совершившего преступление также только небольшой тяжести. Однозначного ответа на вопрос о том, почему проигнорирован уголовный закон, нет. Мы и не стремимся к этому ответу, но такое несоответствие может серьезно повлиять на использование института принудительных мер воспитательного воздействия. Ведь система правосудия не должна иметь целью реализацию карательной функции по отношению к подросткам. «Дети отличаются от взрослых по своему физическому и психологическому развитию и по своим эмоциональным и образовательным потребностям. Такие различия составляют основу для признания меньшей вины за детьми, находящимися в конфликте с законом. Эти и другие различия служат причинами для создания отдельной системы правосудия по делам несовершеннолетних и требуют иного обращения с детьми»¹. Применение уголовного наказания к несовершеннолетним не всегда является необходимым для их исправления. Оно может нанести вред их личностному развитию в связи с тем, что судимость затрудняет социализацию подростка. А принудительные меры воспитательного воздействия представляют собой такой путь, который оптимальным образом сочетает в себе как элемент принуждения, так и воспитания.

Если уголовное законодательство допускает прекращение дел и средней тяжести, так почему этот порядок не узаконить в процессуальных нормах? К факторам, понижающим степень общественной опасности несовершеннолетнего, совершившего преступление средней тяжести, на наш взгляд, следует отнести: первое правонарушение, произошедшее в силу тяжелой жизненной ситуации, в том числе связанной с отсутствием средств к существованию у близких ему людей; преступное деяние в состоянии душевного волне-

¹ Замечания общего порядка № 10 (2007). Права детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. CRC/C/GC/10, 25 апреля 2007. Комитет по правам ребенка. Сорок четвертая сессия. Женева, 15 января — 2 февраля 2007 г. Пункт 77. URL: <http://humanrts.umn.edu/russian/crc/Rcrrcomm10> (дата обращения: 03.12.2022).

ния, вызванного неправомерными действиями со стороны потерпевшего; применение насилия к лицу, признанному потерпевшим по делу, под влиянием физического или психического принуждения к обвиняемому подростку; любая зависимость от третьих лиц; добровольное активное содействие раскрытию преступления и расследованию уголовного дела, без которого не была бы собрана доказательственная база на соучастников инкриминируемого события. В подростковой среде распространены так называемые статусные преступления. Это совершение таких правонарушений, которые позволяют выделиться в среде сверстников, показать себя «крутым» (хулиганство на бытовом уровне, не связанное с националистической окраской; небольшая кража в торговом зале магазина, неквалифицированный грабеж и вымогательство где-нибудь в общежитиях или дворовых территориях, не предусматривающие доминирующий корыстный мотив поведения; уничтожение и повреждение чужого имущества, т. е. преступления небольшой и средней тяжести, способствующие «поднятию авторитета» в отрицательном молодежном коллективе. Но никогда к этой категории не могут относиться преступления, совершенные с национальной, этнической и иной политической составляющей. Их нельзя рассматривать как события, подпадающие под регулятивное воздействие ч. 1 ст. 432 УПК РТ. Полагаем, совершение «статусных» преступлений рядовыми членами мелких подростковых групп, не поддерживающих экстремистское, националистическое направление, дает возможность рассматривать вопрос о прекращении уголовного дела с применением мер воспитательного воздействия, конечно, при наличии всех указанных обстоятельств, свидетельствующих о возможности исправления подростка без привлечения к уголовной ответственности. Считаем, было бы разумным и необходимым Верховному суду Республики Таджикистан дать судам разъяснение критериев, характеризующих личность несовершеннолетних подсудимых, свидетельствующих об установке на законопослушный образ жизни (к примеру, из числа названных нами в работе). А Генеральной прокуратуре Республики Таджикистан необходимо подготовить аналогичный приказ, нацеливающий прокуроров на местах организовать надзор за состоянием предварительного следствия по делам о преступлениях несовершеннолетних, и активизировать соответствующую работу по определению обвиняемых, подпадающих под особую форму окончания предварительного следствия. Только комплексный под-

ход позволит успешно решать вопросы снижения подростковой преступности в стране.

Дела по обвинению несовершеннолетних выделены в отдельную категорию только лишь по специальному субъекту преступления, и, видимо, не зря, поскольку речь идет о подрастающем поколении, не побоимся этой фразы, «будущем нации». Закон детально регламентирует производство по делам несовершеннолетних, во-первых, чтобы исключить судебную ошибку в виде привлечения к уголовной ответственности и осуждению невиновного; во-вторых, минимизировать принуждение в процессе по таким делам; в-третьих, выявить обстоятельства, связанные с условием жизни ребенка, его здоровьем в целях установления фактических данных для возможности принятия законных мер воспитательного характера.

Пленум Верховного суда Республики Таджикистан в п. 16 постановления от 12 декабря 2002 г. № 6 «О судебной практике по рассмотрению дел о преступлениях несовершеннолетних» указал судам на необходимость обсуждения вопроса освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности в предусмотренных законом случаях, если его исправление может быть достигнуто путем применения мер воспитательного характера, и при положительном ответе на этот вопрос предписал обязательное освобождение таких лиц¹. В связи с этим думается, что следователю и прокурору в каждом случае надлежит обсуждать вопрос о возможности применения к несовершеннолетнему, совершившему преступление небольшой или средней тяжести, положений об освобождении от уголовной ответственности в порядке ч. 1 ст. 432 УПК РТ. Но во всех случаях надо помнить, что выведение подростка-правонарушителя из процесса судебного разбирательства возможно лишь в случаях наличия неоспоримых доказательств его вины и добровольного признания той ответственности, которую ему предлагает закон. Меры воспитательного воздействия не должны применяться, когда доказательственной базы недостаточно для предъявления обвинения. Как правильно отмечают И. Ш. Борчашвили и М. К. Интыкбаев, «признание, как и любое другое доказательство, должно оцениваться критически. У несовершеннолетнего могут быть веские основания для самооговора, например страх перед уголовным наказанием и перед действительным преступ-

¹ О судебной практике по рассмотрению дел о преступлениях несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного суда Республики Таджикистан от 12.12.2002 № 6 // Сборник постановлений Пленума ВС РТ (1992—2003 гг.). Душанбе: Конуният, 2003. 472 с.

ником» [5, с. 19]. Альтернативная форма разрешения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, на наш взгляд, требует более широкого применения. Для этого надо нормативно изменить в процессуальном законодательстве условия прекращения уголовного дела с применением принудительных мер воспитательного воздействия, внося в текст ч. 1 ст. 432 УПК РФ дополнение о том, что такое решение может быть принято по делу о преступлении средней тяжести. Действительно, если существует презумпция возможности исправления несовершеннолетнего, совершившего преступление небольшой тяжести, принудительными мерами воспитательного воздействия, то почему материально-правовым условием не может быть и совершение им преступления средней тяжести?

В связи с возможностью отмены постановления о прекращении уголовного дела и дальнейшего его направления в суд по общим правилам (ч. 2 ст. 432 УПК РФ) полагаем, что перед прекращением уголовного дела по рассматриваемому основанию в обязательном порядке процессуальным условием должно быть привлечение лица в качестве обвиняемого, в том числе для уяснения органом расследования и прокурором окончательной позиции несовершеннолетнего, связанной с обвинением.

Стоит обратить внимание на то, что в УПК РФ не оговаривается форма фиксации согласия несовершеннолетнего на прекращение в отношении него уголовного преследования. Было бы оправданно разработать процедуру оформления такого согласия, подготовить специальный формализованный бланк, в котором, ссылаясь на процессуальные нормы, разъяснить несовершеннолетнему правовые последствия прекращения уголовного дела в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Следует довести конкретные ограничения, налагаемые на подростка, срок их действия, обратить внимание на условный характер данного вида прекращения дела и контрольные функции комиссии по правам ребенка по отношению к нему, последствия неисполнения предъявляемых требований. Подписать данный юридический документ должен сам несовершеннолетний, совершивший деяние, его законный представитель, защитник (адвокат) и следователь. Такое положение, думается, необходимо закрепить законодательно.

Аккумулируя высказанные предложения по изменению ст. 432 УПК РФ, представим окончательный вариант этой статьи:

1) часть 1 изложить в следующей редакции: «1. Если в ходе предварительного следствия

по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести будет установлено, что несовершеннолетний впервые совершил не свыше двух преступлений и его исправление может быть достигнуто без привлечения к уголовной ответственности, прокурор, следователь с согласия прокурора вправе вынести постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных частью 2 статьи 89 Уголовного Кодекса Республики Таджикистан. Такое решение может быть принято лишь в том случае, если против этого не возражает несовершеннолетний обвиняемый и его законный представитель и имеется ходатайство коллектива, общественной или религиозной организации по месту жительства, учебы или работы.»;

2) третье предложение из части 1 ст. 432 УПК РФ исключить;

3) дополнить ст. 432 УПК РФ новой частью 1.1 следующего содержания: «1.1. Суд рассматривает ходатайство и материалы уголовного дела в порядке, установленном частями третьей, четвертой, шестой, седьмой и девятой статьи 111 настоящего Кодекса, за исключением правил, устанавливающих процессуальные сроки. Копия постановления о прекращении дела с применением в отношении несовершеннолетнего указанных мер направляется в комиссию по правам ребенка.»;

4) дополнить ст. 432 УПК РФ новой частью третьей следующего содержания: «3. Несовершеннолетнему и его законному представителю в присутствии защитника письменно разъясняются условия и порядок применения мер воспитательного воздействия, последствия их неисполнения, предусмотренные частью второй настоящей статьи.».

Л. А. Шестакова высказала мнение: «Применение в России к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия само по себе свидетельствует о существовании ювенальной юстиции» [6, с. 9]. Но, на наш взгляд, такая технология не должна являться единственной процедурой, когда несовершеннолетний может быть освобожден от уголовной ответственности. В статье 28 УПК РФ предусмотрены еще три реабилитирующие основания прекращения уголовного дела, которые могут быть востребованы в практике производства по делам несовершеннолетних (раскаяние от совершенного, примирение с потерпевшим с возмещением причиненного вреда, изменение обстановки). Они ориентируют на разрешение уголовно-правового конфликта и обеспечение уст-

ранения причиненного вреда потерпевшей стороне от преступления. Применительно к делам несовершеннолетних признаки этих законодательных определений могут выражаться в следующих понятиях.

Раскаяние от совершенного — прежде всего добровольное деятельное раскаяние, суть которого заключается в том, что подросток добровольно совершает поступки активного характера, такие как полное признание вины и осуждение своего криминального поведения, о чем приносит искреннее извинение персонально пострадавшему лицу и (или) общественному коллективу (в школе, техникуме, рабочей бригаде и другой организации), заглаживает причиненный преступлением вред.

Примирение с потерпевшим и возмещение причиненного вреда выражается в заглаживании непосредственно самим подростком морального и физического вреда, а его законным представителем — удовлетворение материальных претензий стороны обвинения (потерпевшего, гражданского истца). Видимо, помимо денежной компенсации, восстановление поврежденного имущества — это принесение публичных извинений (как самому пострадавшему, так и его родственникам), смягчение негативных последствий физического насилия (например, приобретение лекарств, оплата восстановительной медицины, посещение лечебного учреждения, где находится пострадавший).

И третья позиция, которой нет в законодательстве Российской Федерации, — изменение обстановки, т. е. утрата общественной опасности несовершеннолетним лицом, и непосредственное изменение криминальной напряженной обстановки в конкретном населенной пункте, районе в связи с ликвидацией корней самой молодежной преступной группировки и, соответственно, изменение статуса подростка, переставшего подчиняться незаконным требованиям со стороны отрицательно настроенных к соблюдению правопорядка сверстников. Следователь, изучив сводки регистрации преступности, а также полученные оперативно-разыскные данные, делает вывод о небольшой вероятности совершения этим несовершеннолетним нового преступления в измененных условиях, принимает во внимание, что само лицо активно способствовало выявлению и привлечению к уголовной ответственности окружающих его ранее подростков с преступным поведением, и делает вывод об утрате лицом общественной опасности.

Таким образом, в реальной жизни при применении уголовно-процессуальных норм складываются многочисленные следственные ситуации, при возникновении которых следователь, его руководитель

и прокурор должны принять обоснованное решение, исходящее из закона и правоприменительной практики, соответствующее целям уголовного процесса Республики Таджикистан.

В перечне оснований прекращения уголовного дела, указанных в ч. 1 ст. 27 УПК РТ, нет основания прекращения уголовного судопроизводства в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности. Такое решение законодателя, на наш взгляд, не отвечает принципу неотвратимости ответственности за совершение преступления, заложенного в ст. 3 УК РТ и ст. 2 УПК РТ, не несет положительного воспитательного воздействия на правонарушителя, поскольку тот не чувствует над собой силы закона. И даже правила ч. 5 ст. 461 УПК РТ, касающиеся нераспространения условий возникновения права на возмещение вреда лицу, не достигшему возраста уголовной ответственности, т. е. фактически признающие наличие «малолетнего преступника», не снимают проблему безнаказанности этих несовершеннолетних. Ведь в отношении такого подростка уголовное дело прекращено «при отсутствии признаков состава преступления», и в учетных документах ГИАЦ МВД РТ он никак не значится. Следует полностью согласиться с О. В. Волинской, которая, проанализировав законодательство России о порядке регламентации реагирования на общественно опасные деяния малолетних, делает вывод: «Решение законодателя не выделять в системе оснований в виде недостижения лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не оправданно и некорректно с юридических и фактических позиций» [7, с. 43]. Возможно, законодатель по-своему понимает принцип презумпции невиновности, избрав вариант отсутствия в законе отдельного основания. На наш взгляд, вряд ли можно рассуждать об уголовно-процессуальной правомерности прекращения уголовного дела за отсутствием в деянии состава преступления в случае его совершения, хотя, конечно, в широком смысле одного элемента состава действительно нет. Все-таки, думается, нужен нестандартный подход к решению этого вопроса и для устранения произошедшего юридического казуса — дополнить ч. 1 ст. 27 УПК РТ абзацем в следующей редакции: «— при недостижении к моменту совершения общественно опасного деяния лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность;».

В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан должно уделяться осо-

бое внимание выработке и обеспечению эффективных процессуальных норм, ориентированных на защиту прав несовершеннолетних, в том числе предусматривающих освобождение их от уголовной ответственности и наказания. Полагаем, что теоретические положения и практические рекомендации, сформулированные в данной статье, могут способствовать совершенствованию норм

УПК РФ в части справедливой дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, после устранения противоречия в уголовном и уголовно-процессуальном законах при определении возможности прекращать дела последней категории.

1. Володина Л. М. Новые проблемы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 74—79.

2. Волынская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования (теоретические и организационно-правовые проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2007. 462 с.

3. Ендольцева А. В. К вопросу о разграничении оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования с учетом их юридической природы и правовых последствий // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 134—141.

4. Лавнов М. А. Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Саратов, 2015. 200 с.

5. Борчашвили И. Ш., Интыкбаев М. К. Уголовная ответственность несовершеннолетних: учеб. пособие. Алматы: Жетіжарғы, 2007. 54 с.

6. Шестакова Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Самара, 2015. 23 с.

7. Волынская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования (теоретические и организационно-правовые проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2008. 53 с.

Азимзода Шухрат Джурамурод,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
sazimzoda@mail.ru

1. Volodina L. M. New Problems of dismissal of criminal cases according to reasons other than exoneration. Judicial Power and Criminal Procedure, 74—79, 2017. (In Russ.).

2. Volynskaya O. V. Dismissal of a criminal case or criminal proceedings (theoretical, organizational and legal problems). Dissertation of doctor of juridical sciences. 12.00.09. Moscow; 2007: 462. (In Russ.)

3. Endoltseva A. V. On Issue of distinguishing the grounds for dismissal of criminal case or criminal prosecution taking into account their legal nature and legal consequences. Vestnik of Economic Security, 134—141, 2021. (In Russ.).

4. Lavnov M. A. Institute of dismissal of a criminal case in the system of criminal and procedural law and law enforcement practice. Dissertation of candidate of juridical sciences. 12.00.09. Saratov; 2015: 200. (In Russ.).

5. Borchashvili I. Sh., Intykbayev M. K. Criminal liability of minors. Study guide. Almaty: Zhetizhargy; 2007: 54. (In Russ.).

6. Shestakova L. A. Implementation of the concept of juvenile justice on cases related to juveniles in the Russian Federation: genesis, modernity and prospects. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. 12.00.09. Samara; 2015: 23. (In Russ.).

7. Volynskaya O. V. Dismissal of a criminal case or criminal proceedings (theoretical, organizational and legal problems). Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. 12.00.09. Moscow; 2008: 53. (In Russ.).

Azimzoda Shukhrat Juramurod,
associate adjunct of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
sazimzoda@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 04.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 04.02.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.12

doi: 10.25724/VAMVD.YSTU

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПОНЯТЫХ В ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Олеся Сергеевна Ахмерова

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, alisenok-7@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования проблем участия понятых при производстве следственных действий обусловлена непрекращающимися в литературе спорами о необходимости сохранения данного института. Ввиду активного развития технических устройств, которые могут фиксировать весь процесс расследования без пропуска каких бы то ни было обстоятельств, встает вопрос о рудиментарности института понятых.

В результате исследования автор приходит к выводу о том, что видео и аудиофиксация всегда могут сосуществовать с институтом понятых, но при этом ни одно техническое устройство не может надлежащим образом оценить процесс проведения следственных действий. Именно поэтому крайне важным кажется сохранение данного института с более подробным исследованием существующих проблем.

Первая проблема, требующая существенной проработки, — это отсутствие на уровне Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) расшифровки личной заинтересованности понятого. Это порождает ряд сложностей на практике, особенно на стадии судебного разбирательства, когда стороны указывают на существование «штатных» понятых и имеющейся заинтересованности, которая не подпадает ни под признаки пп. 2 и 3 ч. 2 ст. 60 УПК РФ. Например, такими понятыми могут быть общественные помощники, проходящие практику в правоохранительных органах, или иной персонал, не имеющий полномочия по осуществлению оперативно-разыскной деятельности и предварительного расследования. Автор предлагает собственное видение дополнений в ст. 60 УПК РФ.

Вторая проблема — это стереотипное представление граждан об «опасности» роли понятого, связанная, по нашему мнению, с недостатком знаний о данном институте. Представляется очень важным проводить просвещение граждан Российской Федерации не только с точки зрения изложения процессуальных тонкостей следственных действий, но и с точки зрения важности данного института и выполнения понятыми общественно необходимой функции.

В результате исследования автор приходит к выводу о необходимости сохранения института понятых при условии правового просвещения граждан и формирования ответственного подхода к выполнению функций понятого. Это может привести к укреплению доверия к правоохранительным органам и судебной системе.

Ключевые слова: понятой, следователь, дознаватель, личная заинтересованность, уголовный процесс, оперативно-разыскная деятельность, предварительное расследование

Для цитирования: Ахмерова О. С. Актуальные проблемы участия понятых в производстве следственных действий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 61—66. doi: 10.25724/VAMVD.YSTU

CURRENT PROBLEMS OF OFFICIAL WITNESS PARTICIPATION IN THE INVESTIGATIVE ACTIONS

Olesya Sergeevna Akhmerova

Ufa Law Institute of Ministry of Internal Affairs, Ufa, Russia
alisenok-7@yandex.ru

Abstract. The relevance of study of the official witnesses problems in the production of investigative actions is due to the incessant disputes in the literature about the need to preserve this institution. In view of the active development of technical devices that can record the entire investigation process without missing any circumstances, the question arises of the rudimentarity of the institution of attesting witnesses.

As a result of the research, the author comes to the conclusion that video and audio recording can always coexist with the institution of official witnesses, but at the same time no technical device can properly assess the process of conducting investigative actions. That is why it seems extremely important to preserve this institution with a more detailed study of existing problems.

The first problem that requires substantial study is the absence at the level of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to decipher the personal interest of the attesting witness. This gives rise to a number of difficulties in practice, especially at the stage of the trial, when the parties indicate the existence of "regular" official witnesses and existing interests, which do not fall under any of the signs of para. 2 and 3, clause 2 of Art. 60 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. For example, such attesting witnesses may be public assistants undergoing practice in law enforcement agencies or other personnel who do not have the authority to carry out police operations and preliminary investigation. As a result, the author proposes his own vision of the additions to Art. 60 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

The second problem is the stereotypical perception of citizens about the "danger" of the official witness role, which, in our opinion, is associated with a lack of knowledge about this institution. It seems very important to educate the citizens of the Russian Federation not only from the point of view of the procedural intricacies presentation of investigative actions, but also from the point of view of this institution importance and the performance of the socially necessary function by the witnesses.

As a result of the study, the author comes to the conclusion that it is necessary to preserve the institution of official witnesses, subject to legal education of citizens and the formation of a responsible approach to performing the functions of an attesting witness. This can lead to increased confidence in law enforcement and the judiciary.

Keywords: official witness, investigator, interrogator, personal interest, criminal process, police operation, preliminary investigation

For citation: Akhmerova O. S. Current problems of official witness participation in the investigative actions. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 61—66, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.YSTU

Участие понятых в производстве следственных действий призвано обеспечить независимый контроль за ходом следственных действий по причине отсутствия личной заинтересованности понятого в исходе расследования. Присутствие понятого и предоставление его личной подписи на процессуальных документах фиксирует подтверждение законности во время осуществления следственных действий.

Из этого следуют логичные ограничения круга лиц, которые могут быть понятыми. Так, согласно ст. 60 УПК РФ не могут быть понятыми:

— несовершеннолетние лица (в данном случае ограничение сделано для гарантии понимания понятым происходящих действий во время предварительного следствия, что с большой долей вероятности возможно по достижении определенного возраста);

— любые лица, имеющие заинтересованность в результатах расследования, в том числе родственники и любые иные лица, не связанные с участниками родственными связями, заинтересованные в происходящем, которых уголовно-процессуальное законодательство выделяет отдельной строкой;

— работники органов исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности и (или) пред-

варительного расследования для сохранения незаинтересованности в исходе расследования.

Однако, по нашему мнению, такой перечень не в полной мере дает **представление о личной заинтересованности**, поэтому в рамках исследования обозначим ее как проблему № 1.

Согласно научным источникам личная заинтересованность понятого или иного лица, участвующего при производстве по уголовным делам или делам об административных правонарушениях, бывает двух видов — прямая и косвенная [1, с. 357].

Прямая личная заинтересованность характеризуется тем, что у понятого заведомо существует необъективность в отношении оценки действий конкретной стороны, связанная с родственной связью, дружественными отношениями и т. д.

Косвенная личная заинтересованность не основана на дружественной, родственной или служебной связи, а состоит в субъективном отношении к тому или иному лицу, т. е. основана на симпатиях и антипатиях [2, с. 252].

Однако с практической точки зрения является очень сложным установление заинтересованности понятого, особенно если говорить про косвенную заинтересованность. Это требует дополнительных бесед с понятым и выяснение симпатий и антипа-

тий, что в условиях проведения неотложных следственных действий может быть невозможным.

Наиболее сложным и дискуссионным является привлечение понятых, заведомо обладающих различным уровнем интеллектуального развития и специальных знаний. Несмотря на то что основной задачей понятого является удостоверение происходящих действий, в целом он должен понимать, что конкретно он удостоверяет, что не всегда возможно ввиду изложения в протоколах данных, требующих специальных знаний. К примеру, в протоколе осмотра места происшествия фигурируют ориентирование и специальные замеры, которые необходимо подтвердить понятому, даже не обладающему представлениями о таких явлениях. Например, понятой, который не может отличить кровь от краски бурого цвета, может подтвердить изложенное в протоколе как след крови.

Однако в целом такая проблема решается оговоркой понятого в протоколе о том, что был обнаружен след, который по внешним характеристикам похож на след крови. Более глобальная проблема состоит в незнании норм уголовно-процессуального законодательства, которая препятствует наиболее эффективному участию понятых в производстве следственных действий. Эффективность в данном случае означает реальное понимание происходящих действий, возможность делать замечания относительно них, т. е. быть полностью включенным в следственное действие.

Привлечение несовершеннолетних к исполнению роли понятых невозможно ввиду потенциального непонимания важности происходящих действий и дальнейшей ответственности в рамках судебного производства. Однако в статье не указывается круг лиц, имеющих явные психические заболевания или соматические заболевания, не позволяющие им эффективно следить за происходящими процессами (плохое зрение, различные степени глухоты и т. д.). С большой долей вероятности такие лица не будут привлечены в процесс расследования, но, к примеру, ментальные нарушения могут быть не очевидны для лица, не обладающего специальными знаниями в области психиатрии.

Является очевидным тот факт, что при поиске понятых, которые чаще всего ищутся в неотложном порядке, запросить справку из психоневрологического диспансера или из наркологического диспансера не представляется возможным. Вероятно, помимо включения данных лиц в ч. 2 ст. 60 УПК РФ, стоит говорить о разработке и необходимости внедрения устной экспресс-диагностики лица по критерию вменяемости (несколько заранее прописанных

вопросов, касающихся расстройства ориентировки в текущей ситуации, возможного употребления психоактивных веществ (наркотиков, алкоголя), реальность восприятия собственной личности).

Очень важно также выделить лиц, которые не могут быть привлечены в качестве понятых, не владеющих русским языком или владеющих в недостаточной для полного понимания процесса степени. На практике чаще всего такие лица в рамках беглого опроса и установления сложностей в понимании речи просто не привлекаются в качестве понятых. Обеспечение переводчика в таком случае представляет собой дополнительные процессуальные сложности.

Институт понятых исторически направлен на достижение процессуально последовательного, справедливого расследования с соблюдением всех прав участников процесса. Однако, несмотря на благородные цели, лежащие в основе данного института, на сегодняшний день существуют сложности привлечения понятых к осуществлению независимого контроля за ходом следственных действий.

Первым и самым главным препятствием, возникающим на пути правоохранительных органов, является **стереотипное представление граждан об «опасности» роли понятого**, поэтому в рамках исследования обозначим это как проблему № 2. Такое представление может быть связано сразу с двумя причинами:

1) недостаточным знанием уголовно-процессуального законодательства, что порождает домыслы об излишних функциях понятого, о наличии ответственности (в том числе материальной) за правильность и последовательность следственных действий и т. д.;

2) представлениями о возможных угрозах со стороны преступной среды, так как помимо личного контакта понятого и лица, в отношении которого проводятся следственные действия по отдельным категориям дел, в протоколе по каждому уголовному делу с участием понятого фиксируются личные данные понятого, в том числе фамилия, имя, отчество, адрес проживания, номер телефона, что в дальнейшем может быть использовано для установления места жительства понятого и осуществления различного рода давления, запугиваний, угроз и даже физического воздействия.

Стоит отметить, что результаты поиска по новостным сайтам дают автору основание говорить о реально поступающих угрозах в отношении понятых¹ (причем как в процессе непосредственного осу-

¹ Крымский Н. Звонили «крыше» и угрожали понятым:

ществления следственных действий, так и на этапе подготовки к судебному заседанию), поэтому второй рассмотренный пункт может реально привести к представлению граждан о нежелательности роли понятого.

В этом случае сотрудники следственных органов предпринимают реальные действия по защите понятых. Наиболее оправданным представляется применение следующих мер безопасности:

— обеспечение анонимности при составлении протоколов, т. е. исключение любого вида персональных данных из документации;

— использование средств маскировки внешности понятого [3, с. 174].

Такой подход, необходимый в рамках обеспечения безопасности понятого, порождает трудности для сотрудника следственных органов, что часто приводит к увеличению времени поиска понятого, затягиванию процесса. Это, в свою очередь, может порождать часть нарушений со стороны правоохранителей, например, в рамках **использования так называемых «штатных» понятых**.

Данная проблема порождается именно процессуальными сложностями с поиском надлежащих понятых и приводит к привлечению в рамках расследования уголовных дел одних и тех же лиц, чаще всего находящихся в некой служебной зависимости от сотрудников полиции. О таких неправомерных фактах заявляют в рамках судебного разбирательства подсудимые¹.

Таким образом, на практике может сложиться ситуация, что институт понятых, непопулярный среди граждан, в дальнейшем еще больше негативизируется действиями правоохранительных органов. Это приводит к дискуссиям в науке, когда часть исследователей выступает за полную отмену института понятых как недействующего и неэффективного [4]. Основным аргументом в этом случае выступает как раз наличие множества процессуальных нарушений.

К аргументам также относится в некоторой степени рудиментарность института понятых, что в рамках данного исследования не выделяется в отдельную проблему. Как было сказано выше, основной

их задачей выступает свидетельствование при проведении следственных действий, иными словами, фиксация всего происходящего. Действительно, ранее присутствие незаинтересованного человека было единственным возможным способом засвидетельствовать все происходящее.

Появление средств видеофиксации в значительной мере упростило запечатление отдельных моментов и могло бы стать альтернативой всему институту понятых сразу по нескольким причинам:

— отсутствие процессуальных сложностей с поиском, привлечением, обеспечением прав понятого;

— отсутствие любого вида заинтересованности в исходе дела;

— отсутствие любого вида воздействия со стороны защиты;

— точная фиксация обстоятельств, имеющих принципиальное значение для расследования уголовного дела, возможность точного воспроизведения данных обстоятельств.

По нашему мнению, институт понятых является одним из самых действенных способов гарантировать соблюдение прав сторон при проведении предварительного расследования. Его введение в 2001 г. способствовало структуризации следственных действий, обращению внимания на необходимость четкого соблюдения прав сторон.

Присутствие понятых в целом психологически препятствует отступлению от требований закона, правил и инструкций. Если говорить об «идеальной» форме участия понятых, то данный институт позволяет осуществлять эффективный общественный контроль за деятельностью правоохранительных органов, при необходимости делать замечания, которые подлежат внесению в протокол и т. д. Такая форма взаимодействия обеспечивает, по нашему мнению, соблюдение прав человека в рамках проведения следственных действий в полной мере. Ни один вид техники не может обеспечить такого участия.

Таким образом, на наш взгляд, использование средств видеофиксации является объективной необходимостью, но только в совокупности с привлечением к делу понятых. Существование технических средств и привлечение понятых не мешают друг другу. Несмотря на все процессуальные сложности с привлечением понятых, это должно быть осуществлено для соблюдения прозрачности предварительного расследования уголовного дела.

Глобальная задача дальнейшего действия института понятых — привлечение общественности к предварительному расследованию, что в значительной мере способствует формированию представлений у граждан о ходе уголовного рассле-

продавцы новомичуринского магазина 6 часов не сдавали полиции просроченное пиво // Новостной интернет-портал «PRO город». URL: <https://progorod62.ru/news/30867> (дата обращения: 28.10.2021).

¹ Будровин О. Судебное следствие по резонансному делу отца троих детей из Пятигорска окончено // Сетевое издание NewsTracker. URL: <https://newstracker.ru/article/general/02-10-2019/sudebnoe-sledstvie-po-rezonansnomu-delu-ottsa-troih-detey-iz-pyatigorska-okoncheno> (дата обращения: 28.10.2021).

дования и его сложности, многозадачности. Это, безусловно, повлияет на доверие граждан к правоохранительным органам.

Исходя из выделенных в ходе исследования проблем, автору видится три основных направления модернизации института понятых.

Основное направление — это предоставление понятной информации относительно цели данного института. Граждане Российской Федерации должны понимать, что участие в качестве понятого — это благородная цель, направленная на объективное установление всех обстоятельств дела с соблюдением прав человека и установленной законом последовательности процессуальных действий. Такую информацию необходимо закреплять в специальных памятках и распространять любым доступным способом, например в кабинете «Госуслуги» в информационном разделе. Основной акцент в памятке должен быть сделан:

1) на обеспечении прав самого понятого — должно быть объяснено право отказаться от участия в роли понятого без каких-либо последствий, далее должен быть сделан акцент на обеспечении конфиденциальности персональных данных понятого, на его защиту в случае угроз, поступающих со стороны подозреваемого, и т. д.;

2) на целях и задачах данного института (где должна быть подчеркнута важная общественная роль понятого);

3) на основных процессуальных действиях, производимых в рамках предварительного расследования, основанных на положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также на правомочиях понятого в рамках данных действий (например, делать замечания по ходу осуществления процессуальных действий);

4) на обязанностях понятого в рамках неразглашения данных предварительного расследования, обязанности являться в суд по вызовам следователя (дознавателя) и т. д.

Представляется также необходимым внесение дополнений в ч. 1 ст. 60 УПК РФ, касающихся термина «незаинтересованное лицо», и изложение пункта в следующей редакции: «Понятой — *незаинтересованное, т. е. не имеющее личной прямой (родственной, служебной, дружественной) или косвенной заинтересованности* в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия».

Исходя из этого, ч. 2 ст. 60 УПК РФ необходимо изложить следующим образом:

Понятыми не могут быть:

1) *несовершеннолетние;*

2) *участники уголовного судопроизводства, их близкие родственники и родственники, а также лица, имеющие иной вид связи с участниками (дружественную, служебную (особенно в рамках соподчинения), иную связь);*

3) *работники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности и (или) предварительного расследования, а также любые лица, которые в рамках выполнения служебных задач имеют отношение к данной группе лиц, в том числе технический и административный персонал, общественные помощники;*

4) *лица, привлекаемые к уголовной, административной ответственности, находящиеся под следствием и судом, под стражей в следственном изоляторе, и т. д.;*

5) *лица, которые ввиду наличия психических и соматических заболеваний, а также по причине употребления психоактивных веществ не могут в должной мере осознавать происходящее (перечень заболеваний и способы их визуального установления стоит указать отдельно в рамках приложения. — О. А.).*

1. Чижевский В. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) с практическими разъяснениями официальных органов и постатейными материалами. Москва: Книжный мир, 2014. 1152 с.

2. Глущенко О. П. Условия участия общественности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (на примере института понятых) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 2 (158). С. 251—256.

1. Chizhevsky V. Commentary on the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (item-by-article) with practical explanations of official bodies and article-by-article materials. Moscow: Knizhny Mir, 2014: 1152. (In Russ.).

2. Glushchenko O. P. Conditions of public participation in the pre-trial stages of criminal proceedings (on the example of the institute of witnesses) // Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies, 251—256, 2015. (In Russ.).

3. Шарун В. В. Организационно-тактические особенности производства отдельных следственных действий с участием понятых: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. 187 с.

4. Яновский Р. С. Актуальные проблемы производства следственных действий в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 199 с.

Ахмерова Олеся Сергеевна,

преподаватель кафедры
профессиональной подготовки
Уфимского юридического института МВД России;
alisenok-7@yandex.ru

3. Sharun V. V. Organizational and tactical features of the production of individual investigative actions with the participation of attesting witnesses. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Kaliningrad; 2007: 187. (In Russ.).

4. Yanovsky R. S. Actual problems of the production of investigative actions in the Russian criminal process. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2013: 199. (In Russ.).

Akhmerova Olesya Sergeevna,

lecturer at the department of special training
of the Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs;
alisenok-7@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.01.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 11.01.2022; approved after reviewing 31.01.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.123

doi: 10.25724/VAMVD.YTUV

**О РАСШИРЕНИИ НАДЗОРНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА
ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Мадина Таукеновна Аширбекова**, *Людмила Владимировна Попова**

* Волгоградский институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия,
madina.55@mail.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
lygmila.2015@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам повышения действенности процессуальных средств прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела. На основе анализа норм ст. 37, 144, 145 и 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, а также требований приказов Генеральной прокуратуры Российской Федерации обращается внимание на проблемы, возникающие на практике в связи с отменой прокурором выносимых органами предварительного следствия постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по сообщению о преступлении, совершенном в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Отмечается, что существующих средств прокурорского реагирования, направленных исключительно на обнаружение нарушений в процессуальной деятельности руководителя следственного органа и следователя по рассмотрению (проверке) сообщений о преступлении, недостаточно. Необходимы процессуальные средства, реализация которых прокурором способствовала бы скорейшему восстановлению законности. Во многом это касается проблемы преодоления причин многократных отмен прокурором незаконных и необоснованных постановлений руководителя следственного органа и следователя об отказе в возбуждении уголовного дела по «предпринимательским» преступлениям, поскольку такие ситуации ведут к затягиванию доследственной проверки и отложению принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела. Предлагаются пути разрешения законодательных проблем, в том числе посредством дополнения ст. 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации положениями, усиливающими действенность надзорных полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: прокурор, надзорные полномочия, преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, проверка сообщений о преступлении, процессуальные сроки, отказ в возбуждении уголовного дела

Для цитирования: Аширбекова М. Т., Попова Л. В. О расширении надзорных полномочий прокурора при разрешении сообщений о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 67—73. doi: 10.25724/VAMVD.YTUV

**ON EXPANDING THE PROSECUTOR'S SUPERVISION AUTHORITIES
WHILE RATIFYING REPORTS
ON ENTERPRISE CRIMES AND OTHERS**

Madina Taukenovna Ashirbekova**, *Liudmila Vladimirovna Popova**

* Volgograd Institute of Management of the Russian Academy of the National
Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Volgograd, Russia, madina.55@mail.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
lygmila.2015@yandex.ru

Abstract. The given article deals with issues related to enhancing improvement of the effectiveness of the procedural means of prosecutor's supervision while bringing a criminal case. Based on the analysis of norms of Articles 37, 144, 145 and 148 of the Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation as well as requirements of the orders of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation the authors pay attention to the problems acting in practice that appear due to the prosecutor's cancellation of decisions taken by the preliminary investigative bodies to refuse to bring a criminal case on a report of enterprise crimes and others. The authors also note that the acting means of prosecutor's response aimed at identifying violations in the procedural activities made by the head of the investigative body and the investigator who deal with checking reports on a crime are not sufficient. It is necessary to make procedural means as their implementation by the prosecutor would contribute to the fast restoration of legality. In many respects it concerns the problem to overcome reasons for the repeated prosecutor's cancellations of illegal and unreasonable decisions taken by the head of the investigative body and the investigator to refuse to bring a criminal case on "enterprise crimes" as such situations delay in the pre-investigation check as well as postpone while adopting a legal and justified decision to bring a criminal case. The authors of the article propose ways to solve legislative problems by means of supplementing Article 148 of the Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation with provisions that enhance the effectiveness of the prosecutor's supervision authorities at the stage of bringing a criminal case.

Keywords: prosecutor, supervisory authorities, enterprise crimes and others, checking of crime reports, procedural terms, refusal to bring a criminal case

For citation: Ashirbekova M. T., Popova L. V. On expanding the prosecutor's supervision authorities while ratifying reports on enterprise crimes and others. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 67—73, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.YTUV

В последнее десятилетие экономическая политика в России особенно активно поддерживает благоприятный климат для бизнес-сообщества. Такая поддержка предполагает в том числе введение определенных гарантий для предпринимателей в связи с осуществлением в отношении них уголовного преследования [1]. Так, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) установлены особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, которые дали почву для научных поисков в направлении обособления в отдельной главе УПК РФ нормативной регламентации процессуального производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере хозяйственно-экономической деятельности [2; 3].

Разъяснение существующих в разных статьях УПК РФ особенностей производства по указанным видам преступлений было дано Верховным Судом Российской Федерации в постановлении Пленума «О практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» от 15 ноября 2016 г. № 48¹, а также в недавнем при-

казе Генеральной прокуратуры «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» от 17 сентября 2021 г. № 544. Генеральная прокуратура в приведенном приказе подчеркивает, что «недопустимо использование уголовного преследования в качестве средства давления на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, и на разрешение связанных с ней споров»².

Безусловно, эта рекомендация актуальна и для решения вопроса о начале уголовного преследования в виде возбуждения уголовного дела о преступлениях в названной сфере, поскольку положения ч. 3 ст. 20, ч. 3 ст. 140 и чч. 7—9 ст. 144 УПК РФ предусматривают зримые особенности проверки сообщений о так называемых предпринимательских преступлениях. Не излагая непосредственно содержание этих довольно объемных положений как устанавливающих те или иные особенности, отметим, что они в общем виде ориентируют правоприменителя на выяснение «предпринимательского» статуса лиц, в отношении которых осуществляется проверка сообщения о преступлении, а также на установление причастности таковых лиц к этому преступлению именно в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности. Немаловажным

¹ О практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генеральной прокуратуры от 17 сентября 2021 г. № 544. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

видится и положение ч. 3 ст. 140 УПК РФ, которым законодатель фактически предостерегает правоприменителя от оценки некоторых источников, содержащих отдельные сведения о возможном криминальном событии экономического характера, в качестве повода для возбуждения уголовного дела.

Перечисленные особенности не могут не усложнять процессуальную деятельность субъектов, уполномоченных на рассмотрение сообщений о таких преступлениях и принятие по ним соответствующих решений. Сложности видятся и в осуществлении прокурором надзора в стадии возбуждения уголовного дела по обозначенной категории преступлений, поскольку установление юридически значимых обстоятельств имеет свою специфику, обусловленную родом хозяйственно-экономической деятельности лица, чьи действия предстают предметом следственной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ. В связи с этим представляют интерес средства и формы надзора прокурора за законностью и обоснованностью процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела по таким преступлениям.

Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих определений, раскрывая значение проверки сообщения о преступлении как элемента в содержании стадии возбуждения уголовного дела, подчеркнул значимость установления оснований для отказа в возбуждении уголовного дела¹. Конституционный Суд Российской Федерации напомнил, что отказ в возбуждении уголовного дела возможен при наличии указанных в ч. 1 ст. 24 УПК РФ оснований, а постановление об отказе в возбуждении уголовного дела должно основываться на *достоверных* сведениях, которые могут быть проверены в предусмотренном порядке, — иное свидетельствовало бы о произвольности выводов должностного лица относительно вероятного события преступления и об ограничении возможности заинтересованных лиц оспорить это процессуальное решение.

Обеспечение достоверности таких сведений находится и в зоне ответственности надзирающего прокурора. Следует согласиться с мнением Д. И. Швелева, считающего, что прокурорский надзор на стадии возбуждения уголовного дела должен достигнуть такого уровня, чтобы каждое заявление

или сообщение о преступлении было зарегистрировано и проверено в установленном законом порядке [4]. А это означает необходимость оснащения прокурора достаточными надзорными средствами-полномочиями, направленными не только на выявление нарушений, но и на реализацию мер прокурорского реагирования, способных восстановить нарушение законности. Между тем предусмотренные в ст. 37 УПК РФ полномочия прокурора вряд ли в полной мере вооружают прокурора эффективными средствами надзора за законностью хода и результатов проверки сообщений о так называемых предпринимательских преступлениях.

Согласно пп. 1 и 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен проверять исполнение федерального закона при разрешении сообщения о преступлении, а также требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства. Однако думается, что по сообщениям о преступлениях, совершаемых субъектами хозяйственно-экономической деятельности, этих средств на рассматриваемом этапе уголовного процесса недостаточно ни для обнаружения нарушений закона, ни для восстановления законности. Очевидно, здесь прокурор должен быть оснащен действенными процессуальными средствами, которые бы не исчерпывались его правом требовать устранения обнаруженных нарушений. Считаю целесообразным дополнить содержание п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ положением о том, что прокурор уполномочен давать субъектам, осуществляющим проверку сообщения о преступлении, обязательные для исполнения письменные указания о производстве тех или иных действий из числа предусмотренных ч. 1 ст. 144 УПК РФ с установлением срока исполнения. Иными словами, такое полномочие прокурора должно быть распространено не только на орган дознания и дознавателя (как это указано в ч. 6 ст. 148 УПК РФ), но и следственные органы (руководителя следственного органа и следователя).

Как известно, закон предусматривает базовый трехсуточный срок проверки сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), а для случаев возникновения трудностей с установлением оснований для принятия итогового решения допускает продление названного срока до десяти и тридцати суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ). Вместе с тем для проверки сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. 198—199.1, 199.3, 199.4 УК РФ, срок в 30 суток предстает базовым и специальным (ч. 9 ст. 144 УПК РФ), поскольку для такой категории сообщений о преступлениях он не является результатом продления сроков, указанных в чч. 1 и 3 названной статьи УПК РФ.

¹ По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12.03.2019 № 578-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Но и этот специальный срок не решает проблем, возникающих на практике, тем более что он устанавливается лишь для отдельной группы экономических преступлений, ущерб от которых причиняется бюджетной сфере. По многим, особенно предпринимательским составам преступлений, не указанным в ч. 9 ст. 144 УПК РФ, такой срок не всегда является достаточным. В первую очередь это объясняется невозможностью проведения в срок до 30 суток назначенных судебных экспертиз (например, бухгалтерской, строительной и иной экспертизы). И именно по этой причине субъекты, уполномоченные на проведение проверок в порядке ст. 144 УПК РФ, часто принимают процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела, поскольку не получают достаточных данных о значимых обстоятельствах, характеризующих объективную сторону «предпринимательских» составов преступлений. Понятно, что надзирающий прокурор, признавая такие постановления необоснованными, отменяет их. В результате по материалу проверки одного и того же криминального события в сфере предпринимательской деятельности могут многократно с большими временными интервалами выноситься «отказные» постановления, что обостряет вопрос о реализации разумного срока уголовного судопроизводства и доступа потерпевших к правосудию.

Очевидно, поэтому некоторые ученые [5; 6] видят решение этой проблемы во введении правила о том, что правоприменители по истечении максимального срока доследственной проверки должны возбуждать уголовное дело. Иначе говоря, предполагается избежать случаев необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела. Вряд ли этот подход можно расценить как оптимальный, поскольку он также не гарантирует ни законности, ни обоснованности возбуждения уголовного дела по предпринимательским преступлениям. Поскольку возбуждение уголовного дела — начало уголовного преследования, то статистическое увеличение количества возбужденных уголовных дел по рассматриваемым преступлениям, пусть даже впоследствии прекращенных, будет «сигнализировать» общественности об активизации наступления на бизнес. Кроме того, предложенный подход сопряжен с затратами, нивелирующими предназначение стадии возбуждения уголовного дела, которая, по словам В. В. Волох, «выполняет функцию своеобразного „фильтра“, препятствующего напрасной трате материальных и человеческих ресурсов и вовлечению в орбиту уголовного процесса заведомо невиновных лиц» [7].

Выходом, по нашему мнению, могло бы быть введение в порядок доследственной проверки

по предпринимательским преступлениям такого процессуального инструмента, как приостановление. Ясно, что для стадии возбуждения уголовного дела по смыслу действующих норм ст. 145 УПК РФ такое решение не является итоговым (завершающим проверку). Соответственно, постановление о приостановлении проверки можно охарактеризовать как промежуточное. В некотором смысле такое решение сходно с гражданско-процессуальным средством, указанным в ст. 216 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, как допускающим право суда приостановить производство по делу в случае назначения им экспертизы.

На рассматриваемом этапе уголовного процесса такое приостановление логично было бы реализовывать лишь с согласия прокурора и тогда, когда выполнены все иные возможные проверочные мероприятия. Соответственно, по получении результатов экспертиз или же предварительных исследований доследственная проверка сообщения о преступлении должна быть возобновлена. Предложение о возможности приостановления проверки сообщения о преступлении, совершенном в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, вполне может стать очередной, но оправданной особенностью по указанной категории дел [8].

Эту особенность нормативно можно отразить в ст. 144 УПК РФ в виде отдельной части 3.1 в следующей редакции: *«При невозможности назначения и производства судебной экспертизы или получения заключения эксперта по назначенной судебной экспертизе, а также результатов предварительного исследования в сроки, указанные в части третьей и части девятой настоящей статьи, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе своим постановлением с согласия прокурора приостановить проверку сообщения о преступлении, совершенном в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»*.

Можно согласиться с тем, что возможность приостановления проверки сообщения о преступлении, совершенном в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, не кардинально оптимизирует сроки, поскольку приводит к откладыванию итогового решения для стадии возбуждения уголовного дела. Но это много лучше, чем затягивание принятия итогового законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела через продолжительную череду многократных отмен постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. И это при том, что закон, уполномочивая прокурора отменять постановление руководителя следственного

органа и следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, не вооружает прокурора правом давать им указания и определять для них срок установления конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке (ч. 6 ст. 148 УПК РФ). Иначе обстоят дела с отменой прокурором постановления органа дознания, дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела: тут прокурор вправе давать названным субъектам свои указания, а также устанавливать срок для их исполнения (ч. 6 ст. 148 УПК РФ).

Существующее ограничение надзорных средств прокурора применительно к решениям руководителя следственного органа и следователя об отказе в возбуждении уголовного дела вряд ли повышает результативность деятельности всех властных субъектов на рассматриваемой стадии уголовного процесса. Неслучайно Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что «законом не регламентировано максимальное число отмен решения об отказе в возбуждении уголовного дела и не предусмотрен предельный срок дополнительных проверок, проводимых в связи с такой отменой». Оценивая отмеченное как проблему, Конституционный Суд Российской Федерации считает, что за законодателем остается «право в рамках предоставленных ему полномочий принять дополнительные меры законодательного регулирования, направленные на повышение гарантий прав граждан при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела»¹.

В этом же аспекте, анализируя пределы властных полномочий прокурора при признании постановления об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным и необоснованным, Ш. Абдул-Кадыров замечает, что без восстановления полномочия прокурора на дачу письменных указаний по материалам проверок говорить о возможности прокурора обеспечить оперативную защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, не приходится [9].

Поскольку перспектива возвращения прокурору полномочия возбуждать уголовное дело неясна, то остается путь в направлении усиления роли прокурора не только в обнаружении нарушений закона, но и в восстановлении законности. Исходя из этого тезиса, думается, что ч. 6 ст. 148 УПК РФ должна быть дополнена установлением полномочия проку-

ра давать руководителю следственного органа и следователю письменные указания, обязательные для исполнения в определенный срок.

Для исправления практики многократных отмен постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела уместным было бы установление правила о том, что вынесение повторного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела может быть принято лишь после письменного согласования с прокурором и при установлении новых обстоятельств, не отраженных в ранее отмененном «отказном» постановлении.

Особенностью рассмотрения сообщений о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, является их фактическая сложность и наличие спорных правовых ситуаций, требующих специальных познаний для их гражданско-правовой оценки, поскольку они связаны с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания по таким преступлениям. С учетом этого установленный ч. 6 ст. 148 УПК РФ 5-суточный срок для изучения прокурором «отказного» материала и принятия решения об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела является критически кратким, если иметь в виду потребность во времени для уяснения специфики исследуемых обстоятельств как произошедших в сфере предпринимательской деятельности, изучения правоприменительной практики, в том числе по гражданско-правовым спорам, существо которых аналогично фактическим обстоятельствам, устанавливаемым в ходе проверки.

В связи с этим было бы правильно дополнить ст. 148 УПК РФ новой частью 6.1 с указанием о том, что прокурор рассматривает поступившие от руководителя следственного органа и следователя постановление об отказе в возбуждении уголовного дела вместе с материалами проверки сообщения о преступлении, совершенном в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в течение 15 суток с момента их получения. Признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с поступившими материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа с изложением своих указаний и срока их исполнения.

Подводя итог изложенным рассуждениям, подчеркнем, что выработка предложений по со-

¹ По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12.03.2019 № 578-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вершенствованию порядка реализации надзорных полномочий прокурором за разрешением сообщений о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, скорректирует реализацию действующих норм уголовного и уголовно-процессуального закона применительно к рассмотренной категории уголовных

дел, а также может предстать еще одной особенностью предполагаемого к обособлению вида процессуального производства по уголовным делам в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений, связанных с их хозяйственно-экономической деятельностью, реализуемой в организационно-правовых формах предпринимательства.

1. Аширбекова М. Т. К вопросу о защите интересов предпринимателей по нормам уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы предпринимательского и гражданского права: сб. науч. тр. (г. Волгоград, 2021 г.) / под ред. С. М. Мироновой, А. Е. Пономарченко, Е. Н. Агибаловой, И. Б. Иловайского; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. Волгоград: Изд-во Волгогр. Ин-та управления – филиала РАНХиГС, 2021. С. 53–60.

2. Попова Л. В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2019. 24 с.

3. Сычев П. Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности. Москва: Юрлитинформ, 2020. 336 с.

4. Швель Д. И. Прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и перспективы развития // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. № 3 (48). С. 71–83.

5. Гаврилов Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: мнение практиков и ученых // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 33–40.

6. Деришев Ю. В. Реликт социалистической законности мутирует // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 6 (102). С. 71–76.

7. Волох В. В. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном процессе: актуальные проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2 (57). С. 84–92.

8. Попова Л. В. О нормативной регламентации следственных действий по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3 (38). С. 101–105.

9. Абдул-Кадыров Ш. М. Функции и полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2012. № 9 (935). С. 12–15.

1. Ashirbekova M. T. On issue related to protecting the interests of businessmen according to the norms of criminal procedure. In: Topical problems of business and civil law. Collection of scientific papers, 2021, Volgograd. Ed. by S. M. Mironova, A. Ye. Ponomarchenko, Ye. N. Agibalova, I. B. Ilovaisky; The Volgograd Institute of Management — Volgograd Branch of the Russian Academy of the National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Volgograd: Publishing House of the Volgograd Institute of Management — Volgograd Branch of the Russian Academy of the National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; 2021: 53–60. (In Russ.).

2. Popova L. V. Peculiarities of criminal procedural regulation of pre-trial proceedings in criminal cases on economic crimes committed in enterprise sphere. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences: 12.00.09. Volgograd; 2019: 24. (In Russ.).

3. Sycheyev P. G. Proceedings of criminal cases on economic and enterprise crimes. Moscow: YurLitinform; 2020: 336. (In Russ.).

4. Shvefel D. I. The Prosecutor's supervision at the stage of bringing a criminal case: acting state and prospects to develop. Vestnik of the Ural Institute of Economics, Management and Law, 71–83, 2019. (In Russ.).

5. Gavrilov B. Ya. Stage of bringing a criminal case: opinion of practical workers and scientists. Vestnik of the Moscow University of the Interior Ministry of Russia, 33–40, 2016. (In Russ.).

6. Derishev Yu. V. The relic of socialist legality is mutating. Russian Law: Education, Practice, Science, 71–76, 2017. (In Russ.).

7. Volokh V. V. Bringing a criminal case in the Russian criminal procedure: topical problems. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 84–92, 2021. (In Russ.).

8. Popova L. V. On normative regulation of investigative actions on criminal cases on economic crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 101–105, 2016. (In Russ.).

9. Abdul-Kadyrov Sh. M. Functions and powers of the prosecutor at the stage of bringing a criminal case. Legitimacy, 12–15, 2012. (In Russ.).

Аширбекова Мадина Таукеновна,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики
Волгоградского института управления
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;
madina.55@mail.ru

Попова Людмила Владимировна,
доцент кафедры уголовного процесса
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
lygmila.2015@yandex.ru

Ashirbekova Madina Taukenovna,
professor at the department
of criminal procedure and criminalistics
of the Volgograd Institute of Management
of the Russian Academy of the National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor,
madina.55@mail.ru

Popova Liudmila Vladimirovna,
associate professor at the department
of criminal procedure
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences,
lygmila.2015@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.102+343.9
doi: 10.25724/VAMVD.YUVW

**ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ДОПИНГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Светлана Дмитриевна Гусева
Волгоградская академия МВД России,
Волгоград, Россия, g08081981@yandex.ru

Аннотация. Нарушение антидопинговых правил в спорте является серьезной проблемой, с которой пока до конца не удается справиться. Наибольший вред от подобных деяний причиняется спортсменами, выступающими на международных соревнованиях, поскольку кроме собственных интересов они представляют интересы государства, их направившего. Изобличение спортсмена чаще всего отражается и на репутации страны, а выявленный инцидент впоследствии используется в политических целях. Антидопинговые организации всего мира предлагают различные пути минимизации случаев нарушений запретов, установленных в спорте. Наиболее удачной стала разработка и внедрение Российским антидопинговым агентством мобильного приложения «Антидопинг ПРО». Данное приложение позволяет спортсмену, не обладающему медицинскими знаниями, самостоятельно проверить все выписанные ему врачом препараты, убедиться в том, что они не запрещены к использованию в спорте. С одной стороны, факт проверки препарата спортсменом говорит о том, что он заинтересован в соблюдении антидопинговых норм. И если вдруг препарат все же оказывается запрещенным, возникает подозрение о том, не было ли попытки склонить спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте. С другой стороны, отказ спортсмена от проверки препарата с помощью мобильного приложения «Антидопинг ПРО», находящегося в свободном доступе, и последующее его изобличение в нарушении антидопинговых правил наводят на мысль о наличии сговора между врачом или тренером со спортсменом. Каждая из описанных ситуаций требует вмешательства со стороны оперативных подразделений органов внутренних дел. Для этого Российскому антидопинговому агентству необходимо обеспечить доступ сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел к сведениям о пользователях и фактах проверок медицинских препаратов с помощью данного приложения. Это позволит вовремя изобличать лиц, склоняющих спортсменов к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте, и привлекать их к ответственности.

Ключевые слова: допинговые преступления, спортсмен, спортивный врач, выявление, мобильное приложение, оперативные подразделения

Для цитирования: Гусева С. Д. Особенности выявления допинговых преступлений оперативными подразделениями органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 74—78. doi: 10.25724/VAMVD.YUVW

**SPECIFICS OF DETECTING CRIMES RELATED TO DOPING ABUSE
BY THE OPERATIVE UNITS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES**

Svetlana Dmitriyevna Guseva
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Volgograd, Russia, g08081981@yandex.ru

Abstract. Anti-doping rules violations in sport sphere are said to be a serious problem that has not yet solved properly. The greatest harm from such acts is caused by the athletes participating in the international competitions as they represent not only the interests of the state that has sent them but their own ones. The exposure of an athlete most often influences the reputation of the country and the identified incident is used for political purposes subsequently. Anti-doping organizations of the whole world propose various ways to minimize cases of violations of the prohibitions to be identified in sport sphere. The most successful proposition was development and implementation of Anti-Doping

PRO mobile application offered by the Russian Anti-Doping Agency. The given application allows an athlete, who does not have medical knowledge to check all the drugs prescribed by his doctor by himself, to make sure that they are not prohibited to use in sport sphere. On the one hand, the fact that the drug is tested by an athlete indicates that he is interested in complying with anti-doping standards. And if suddenly the drug still turns out to be prohibited there is some suspicion about whether there was an attempt to persuade the athlete to use substances and (or) methods to be prohibited in sport sphere. On the other hand, an athlete's refusal to test a drug using freely available Anti-Doping PRO mobile application and his subsequent exposure of an anti-doping rule violation suggests collusion between the doctor and (or) the coach with the athlete. Each of the mentioned situations claims attention from the operative units of the internal affairs bodies. To do this, the Russian Anti-Doping Agency needs to provide employees of the operative units of the internal affairs bodies with access to information about the users and the facts of drug testing by means of this application. This measure will make it possible to expose the persons who induce athletes to use substances and (or) methods prohibited in sport sphere timely and bring them to justice.

Keywords: crimes related to doping abuse, an athlete, a sports doctor, detection, mobile application, operative units

For citation: Guseva S. D. Specifics of detecting crimes related to doping abuse by the operative units of the Internal Affairs Bodies. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 74—78, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.YUWV

Проблема использования допинговых средств и методов в спорте обсуждается учеными и практиками на протяжении многих десятилетий. Спортивное сообщество всегда стремилось к проведению честных соревнований. Однако периодически находились отдельные спортсмены, которые хотели победить с помощью различных стимуляторов, фактически путем обмана соперников, зрителей и организаторов состязаний.

Продумывая пути изобличения нечестных спортсменов, научный мир в середине 20 века предложил варианты тестирования соревнующихся на предмет применения ими различных допинговых веществ. Поводом для таких решений стали случаи смерти спортсменов во время соревнований от передозировки лекарственных препаратов [1]. Со временем в 2003 г. появился и первый антидопинговый кодекс, в котором были собраны все возможные варианты запрещенных в спорте средств и методов. С этого момента в спорте началась активная антидопинговая работа, целью которой стало обеспечение соблюдения существующих правил в процессе проведения соревнований и подготовки к ним.

Важным шагом на пути противодействия допингу в спорте стало создание системы АДАМС — онлайн-программы для сбора и хранения сведений о спортсменах высокого класса. Каждый спортсмен, зачисленный в сборную команду страны, должен создать в программе свой профиль, в котором накапливается информация о его местонахождении, пройденных допинг-тестах и их результатах, разрешениях на терапевтическое использование запрещенных в спорте субстанций или методов. Кроме спортсменов пользователями АДАМС являются представители национальных антидопинговых орга-

низаций, международных спортивных организаций, национальных спортивных организаций, Всемирного антидопингового агентства и специалисты лабораторий, им аккредитованных. Собранные в АДАМС сведения хранятся на двух серверах с использованием защиты, аналогичной той, что применяется в банковской системе¹.

Вопреки серьезным усилиям, прилагаемым международными и национальными антидопинговыми структурами и другими заинтересованными субъектами, количество дисквалифицируемых спортсменов во время проведения международных соревнований высшего уровня (Чемпионаты мира и Олимпиады) долгое время не сокращалось. Каждый раз находились спортсмены, которые рассчитывали уйти от ответственности за применение запрещенных препаратов. Так, на Олимпиаде-2020 в Токио (фактически проводилась в 2021 г.) допинг-тест официально не прошли четыре спортсмена. Столько же спортсменов было дисквалифицировано и на предыдущих Играх-2018 в Пхенчхане. Каждый раз, выясняя обстоятельства нарушения антидопинговых запретов, Международный олимпийский комитет инициировал соответствующие расследования, во время которых заслушивались объяснения всех сторон. В подавляющем большинстве случаев в подобных ситуациях спортсмены говорили о том, что они основные усилия направляли на тренировки, доверяя медицинское обслуживание врачам сборной команды. Спортсмены, как и все остальные люди, периодически нуждаются в лечении. Однако, не обладая медицинскими

¹ АДАМС // РусАДА: сайт. URL: <https://rusada.ru/athletes/adams/> (дата обращения: 08.02.2022).

знаниями, они не могут оценить правильность назначения препаратов врачами сборной команды. Врачи, в свою очередь, умышленно или по неосторожности применяли в отношении спортсменов лекарственные средства, в состав которых входили запрещенные компоненты. Несмотря на отсутствие умысла в действиях спортсменов, Международный олимпийский комитет практически всегда принимал решение об их дисквалификации и об аннулировании результатов их спортивных достижений.

Законодатели Российской Федерации, опираясь на опыт многих зарубежных стран, в 2016 г. внесли в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 230.1 и 230.2, с помощью которых были криминализованы «допинговые преступления». В качестве субъектов этих деяний могут выступать лица, прямо перечисленные в диспозициях данных норм: тренер, специалист по спортивной медицине, иной специалист в области физической культуры и спорта. По мнению законодателя, такие запреты должны были стимулировать в первую очередь врачей и тренеров спортивных команд к соблюдению антидопингового законодательства. Однако на практике это не привело к ожидаемому результату. Так, в 2021 г. в России за нарушение антидопингового законодательства были дисквалифицированы 18 представителей вспомогательного персонала, в том числе 16 тренеров и 2 врача¹. Расследовано при этом всего одно уголовное дело, по которому вынесен обвинительный приговор суда². Остальные 17 случаев остались без должной юридической оценки.

Осознавая сложность создавшейся ситуации в спорте, Независимой общественной антидопинговой комиссией России в 2017 г. был принят Национальный план борьбы с допингом в российском спорте. В этом документе были сформулированы основные нерешенные проблемы, требующие внимания законодателей и правоприменителей, в том числе:

«— неполная реализация института ответственности за противоправное поведение в области соблюдения антидопинговых правил, несоблюдение принципа неотвратимости наказания;

¹ Список персонала спортсмена, отбывающего дисквалификацию на данный момент по решению общероссийских федераций и международных федераций по видам спорта по состоянию на 21 июля 2021 г. // РусАДА: сайт. URL: <https://rusada.ru/upload/iblock/80c/Персонал%20спортсменов%20RUS.pdf> (дата обращения: 08.02.2022).

² Уголовное дело 1-28/2020 (1-658/2019) // ГАС Правосудие: сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/biggs/portal.html> (дата обращения: 08.02.2022).

— отсутствие должного уровня коммуникации между субъектами спорта и национальной антидопинговой организацией, антидопинговой лабораторией и другими субъектами антидопинговой работы»³.

Независимая общественная антидопинговая комиссия России пришла к выводу о том, что нейтрализация, минимизация данных негативных факторов способна исправить сложную ситуацию и вернуть международное доверие к российскому спорту. Несмотря на все прилагаемые комиссией усилия, к сожалению, приходится констатировать, что многие вопросы, упомянутые в данном документе, до сих пор так и остались без внимания. В частности, не создан эффективный механизм выявления допинговых преступлений сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел по контролю за оборотом наркотиков, в чьей компетенции находятся данные деяния. Сведения, отображаемые в списках лиц, нарушивших антидопинговые правила⁴, официально в подразделения по контролю за оборотом наркотиков не поступают. Сами подразделения оперативную проверку по данным фактам не проводят. Получается, что в отсутствие системной работы по выявлению допинговых преступлений спортсмены и представители вспомогательного персонала, фактически нарушившие установленные уголовным законом запреты, к ответственности так и не привлекаются. Исключение составляют единичные случаи обращения в правоохранительные органы спортсменов, которые сообщают о незаконных действиях, реализуемых в отношении них со стороны тренеров или врачей. Полагаем, подобная ситуация является прямым следствием ненадлежащего взаимодействия между Российским антидопинговым агентством и органами внутренних дел. Именно Российское антидопинговое агентство накапливает в своих базах сведения о нарушителях антидопинговых правил.

В свою очередь, Российское антидопинговое агентство для активизации антидопинговой работы

³ Национальный план борьбы с допингом в российском спорте (принят Независимой общественной антидопинговой комиссией 1 февраля 2017 г.) // Законы, кодексы, нормативные правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/natsionalnyi-plan-borby-s-dopingom-v-rossiiskom-sporte-prinjat/> (дата обращения: 08.02.2022).

⁴ Список персонала спортсмена, отбывающего дисквалификацию на данный момент по решению общероссийских федераций и международных федераций по видам спорта по состоянию на 21 июля 2021 г. // РусАДА: сайт. URL: <https://rusada.ru/upload/iblock/80c/Персонал%20спортсменов%20RUS.pdf> (дата обращения: 08.02.2022).

разработало и запустило мобильное приложение «Антидопинг ПРО» [2; 3]. Каждый спортсмен теперь может скачать его на свое мобильное устройство, зарегистрироваться в программе и, не вдаваясь в медицинские подробности, по названию самостоятельно проверить прописанный ему врачом или выданный тренером препарат, убедиться в том, что он не запрещен к использованию в спорте. Соответственно, если раньше у спортсмена отсутствовала возможность контроля за соблюдением антидопинговых правил, то теперь появился прозрачный механизм, с помощью которого можно удостовериться в том, что требования антидопингового законодательства выполнены.

Возможности мобильного приложения «Антидопинг ПРО» довольно широки¹. Оно позволяет проверять:

— сами субстанции на предмет вхождения в Запрещенный список, в том числе субстанции, имеющие схожую химическую структуру и аналогичный биологический эффект;

— состав препарата на наличие запрещенных в спорте субстанций как на уровне активных ингредиентов, так и на уровне вспомогательного вещества;

— методы применения препарата.

Кроме того, приложение «Антидопинг ПРО» осуществляет поиск:

— субстанции по синонимам на русском и английском языках (химические, торговые, обывательские названия);

— лекарственных средств по международному непатентованному и торговому наименованию, а также по штрих-коду производителя;

— БАДов, витаминных комплексов и спортивного питания по производителю, полному торговому наименованию и штрих-коду производителя.

В случае обнаружения запрещенных в спорте субстанций приложение «Антидопинг ПРО» выделяет опасность определенным цветом в зависимости от степени важности и выдает предупреждения:

— для препаратов и субстанций, которые не входят в Запрещенный список, но их прием может привести к положительному результату допинг-теста спортсмена;

— для препаратов-маскираторов и препаратов, состав которых сложно стандартизировать;

— для субстанций, входящих в Список мониторинга Всемирного антидопингового агентства,

а также для лекарственных средств на предмет содержания в них этих субстанций.

Таким образом, каждый спортивный врач и тренер в нашей стране знают, что выписанный или выданный ими препарат может быть проверен спортсменом в мобильном приложении. Факт проверки препарата спортсменом говорит о том, что он заинтересован в соблюдении антидопинговых норм. «Антидопинг ПРО» при этом в случае обнаружения опасности по результатам проверки выдает ответ, который содержит:

— подробное описание условий запрета применения субстанции (пол спортсмена, вид спорта, путь введения, период соревнований, пороговая концентрация);

— ссылку на соответствующий раздел запрещенного списка.

Соответственно, если запрещенный препарат был выписан спортсмену врачом команды или выдан тренером и мобильное приложение «Антидопинг ПРО» обнаружило данный факт, возникает вопрос о необходимости юридической оценки действий такого субъекта — вероятном склонении спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте. Для этого требуется активное взаимодействие Российского антидопингового агентства с оперативными подразделениями органов внутренних дел, в результате которого должен быть создан механизм обмена сведениями о пользователях мобильного приложения «Антидопинг ПРО» и о фактах проверок препаратов. Если спортсмен проверил препарат с помощью мобильного приложения «Антидопинг ПРО» и он оказался допинговым, это должно служить основанием для проведения оперативно-разыскных мероприятий, направленных на установление лица из окружения спортсмена, склоняющего его к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте.

Вместе с тем приходится констатировать, что наличие в свободном доступе мобильного приложения «Антидопинг ПРО» не порождает у спортсмена обязанность проверять все выписываемые ему медикаментами и выданные тренером препараты. Другими словами, вполне возможна ситуация, при которой спортсмену назначено лечение, выписан препарат, но он его с помощью приложения не проверил. Впоследствии это привело к дисквалификации спортсмена в связи с нарушением антидопинговых правил. В данном случае есть все основания предполагать наличие сговора между спортсменом и врачом или тренером о заведомом нарушении установленных в спорте запретов. Подобная

¹ Антидопинг ПРО // Google play: сайт. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=ru.element.antidopingpro&hl=ru&gl=US> (дата обращения: 08.02.2022).

ситуация однозначно требует реагирования со стороны оперативных подразделений органов внутренних дел.

Антидопинговая работа должна строиться на тесном и слаженном взаимодействии между всеми заинтересованными структурами [4]. Российское антидопинговое агентство со своей стороны реализовало ряд серьезных проектов, последний из которых связан с внедрением удобного для использования мобильного приложения, обладающего мощным профилактическим действием. Это приложение фактически дает спортсмену надежный инструмент, способный уберечь его от случайного нарушения установленных в спорте правил. Оперативные подразделения органов внутренних дел, со своей стороны, должны инициировать взаимодействие с Российским антидопинговым агентством в целях обмена сведениями о пользователях и фактах проверок медицин-

ских препаратов с помощью данного приложения. Это позволит своевременно проводить проверку подозрительных случаев, выявлять факты совершения допинговых преступлений, а также изобличать лиц, склоняющих спортсменов к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте, и привлекать их к ответственности. Оперативная проверка всех случаев дисквалификации спортсменов, тренеров и спортивных врачей, информация о которых размещается на официальном сайте Российского антидопингового агентства, также будет способствовать выявлению допинговых преступлений. Совместная антидопинговая работа всех заинтересованных структур способна восстановить репутацию российских спортсменов в международном спортивном сообществе.

1. Алексеева А. П. Преступность в сфере профессионального спорта: криминологическое исследование: монография. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2010. 120 с.

2. Тюфтяков А. А. Применение программных средств в системе борьбы с допингом // Региональный вестник. 2018. № 4 (13). С. 9—10.

3. Черновицкая Ю. В. Цифровые технологии в медицине: специфика ответственности при их использовании // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 89—101.

4. Алексеева А. П. Криминология. Общая часть: учеб.-метод. пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 324 с.

Гусева Светлана Дмитриевна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
g08081981@yandex.ru

1. Alekseeva A. P. Crime in the field of professional sports: criminological research. Monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2010: 120. (In Russ.).

2. Tyufyakov A. A. The use of software in the anti-doping system. Regional Bulletin, 9—10, 2018. (In Russ.).

3. Chernovtorskaya Yu. V. Digital technologies in medicine: specifics of responsibility when using them. Scientific result. Social and humanitarian research, 89—101, 2020. Vol. 6. (In Russ.).

4. Alekseeva A. P. Criminology. General part: teaching manual. Volgograd: Publishing House of Volga State University; 2007: 324. (In Russ.).

Guseva Svetlana Dmitriyevna,
associate adjunct of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
g08081981@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.12.2021; одобрена после рецензирования 27.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 27.12.2021; approved after reviewing 27.01.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.14

doi: 10.25724/VAMVD.YVWX

ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИНФОРМАЦИИ, СОДЕРЖАЩЕЙСЯ НА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ

Виктор Викторович Долгаев*, **Анна Владимировна Соколова****

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

* kto-to795@yandex.ru, ** annasokolova.2000@mail.ru

Аннотация. Сегодня довольно часто совершаются преступления, доказательственную базу по которым составляет информация, содержащаяся на различных электронных носителях, чаще всего на флеш-накопителях или CD-дисках. Преимущественно это мошенничества, кражи с банковского счета и иные преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или компьютерной информации. На основе судебной практики значимая для уголовного дела информация, содержащаяся на электронных носителях, признается вещественным доказательством. В настоящей статье авторами были изучены целесообразность отнесения данной информации к вещественным доказательствам, а также проблема определения принадлежности информации, содержащейся на электронных носителях, к существующим в уголовно-процессуальном законодательстве видам доказательств. В результате авторами был дан ответ на вопрос о необходимости введения в уголовное судопроизводство нового вида доказательства.

Ключевые слова: доказательства; информация, содержащаяся на электронном носителе; вещественные доказательства; иные документы; облачное хранилище данных; самостоятельный вид доказательства

Для цитирования: Долгаев В. В., Соколова А. В. Вопросы регламентации использования в качестве доказательств информации, содержащейся на электронных носителях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 79—84. doi: 10.25724/VAMVD.YVWX

ISSUES OF REGULATION OF THE USE OF ELECTRONIC MEDIA AS EVIDENCE

Viktor Viktorovich Dolgaev*, **Anna Vladimirovna Sokolova****

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia,

* kto-to795@yandex.ru, ** annasokolova.2000@mail.ru

Abstract. To date, crimes are very often committed, during the investigation of which the evidence base consists of information contained on various electronic media, most often which are a flash drive or CD-ROM. Basically, these are fraud, theft from a bank account and other crimes committed using information and telecommunication technologies or using computer information. Based on judicial practice, information that is significant for a criminal case, contained on electronic media, is most often recognized as material evidence. In this work, the authors studied the feasibility of referring this information to physical evidence, as well as the problem of determining whether the information contained on electronic media belongs to the types of evidence existing in the criminal procedural legislation. On the basis of this, an answer was given to the question of the need to introduce a new type of evidence in criminal proceedings.

Keywords: evidence, information contained on an electronic media, evidence, other documents, cloud data storage, independent type of proof

For citation: Dolgaev V. V., Sokolova A. V. Issues of regulation of the use of electronic media as evidence. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 79—84, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.YVWX

Особое место в уголовном процессе занимают доказательства и процедура доказывания. Во-первых, в связи с тем что выявление преступления, установление личности преступника, его причастности к содеянному и вины достигаются исключительно путем доказывания, его цель — восстановление достоверной картины произошедшего. Во-вторых, базисом для принятия решения по делу, а также начала, самого хода и исхода дела выступают доказательства, без которых другие решения приниматься не могут (задержание лица либо избрание в отношении него подписки о невыезде и надлежащем поведении, домашнего ареста, заключения под стражу и иных мер пресечения). В-третьих, процесс доказывания направлен на установление истины посредством полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Исходя из этого законодателем был предусмотрен ряд процессуальных мер, регулирующих деятельность участников уголовного судопроизводства по установлению обстоятельств, имеющих значение при расследовании преступлений, и решению вопросов, связанных с уголовным преследованием.

С течением времени в разных сферах нашей жизни протекают изменения. Одни вносят вклад в развитие общественных отношений, другие остаются незаметными, третьи же и вовсе могут причинить вред. За последнее годы произошел большой скачок в области информационных технологий. Все чаще человечество задается вопросами об искусственном интеллекте, о компьютерной информации, совершении различных сделок с помощью интернет-ресурсов (например, покупка товара в интернет-магазине, оплата заказов, оформление кредитных карт и договоров). Однако эти плоды современного общества используются и преступниками для достижения криминальных целей. К сожалению, разработчик не может предвидеть всех возможных результатов применения созданного им продукта, что подтверждается статистикой преступлений в нашей стране.

Согласно данным, приведенным в докладе Генеральной прокуратуры Российской Федерации о состоянии преступности в России за январь — июль 2021 г., в минувшем году широкое распространение получили кражи с банковского счета: за семь месяцев их число составило 96,9 тыс.¹ (8,1 % в структуре преступности). Кроме того, за это время было зарегистрировано около 194,8 тыс. мошенничеств (16,3 %), что на 6,3 тыс. больше, чем годом ранее². Нельзя не отметить тот факт, что

¹ См.: Доклад Генеральной Прокуратуры РФ о состоянии преступности в России за январь — июль 2021 года. URL: <file:///C:/Users/Аня/Downloads/Ежемесячный%20сборник%20за%20июль%202021.pdf> (дата обращения: 13.11.2021).

² Там же.

мошенничество, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, занимает более 70 % от общего количества данной формы хищения. В общей структуре преступности доля киберпреступлений составляет более 25 %.

С учетом специфики развития общества, а также возможности внедрения технических изобретений в преступную среду важно постоянно совершенствовать меры, направленные на выявление и раскрытие преступлений, особенно это относится к процедуре доказывания.

В настоящее время уголовно-процессуальным законодательством утвержден четкий перечень объектов, допустимых в качестве доказательств. Согласно ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) к ним относятся показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение и показания эксперта и специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы³.

Обратимся к судебной практике в целях анализа элементов, составляющих доказательственную базу, и получения ответа на вопрос о необходимости введения новых видов доказательств в существующий перечень. Так, согласно приговору суда по п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) №1-1106/2020 в качестве вещественных доказательств были представлены в том числе «скриншоты смс-сообщений от банка <...> и выписка ПАО <...> по счету № <...> с 25 апреля 2019 г. по 13 мая 2020 г., кассовые чеки № <...> от 9 мая 2020 г., копия кассового чека № <...> от 10 мая 2020 г., кассовые чеки № <...> от 7 мая 2020 г., № <...> от 7 мая 2020 г., № <...> от 8 мая 2020 г., № <...> от 8 мая 2020 г., № <...> от 8 мая 2020 г., № <...> от 8 мая 2020 г., кассовые чеки № <...> от 8 мая 2020 г., № <...> от 8 мая 2020 г., № <...> от 9 мая 2020 г., № <...> от 9 мая 2020 г.. CD-диск с видеозаписями»⁴. В приговоре суда по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ № 1-349/2020 к вещественным доказательствам были отнесены «две истории операций по дебетовым картам, сотовый телефон марки „Хонор 7А“, сим-карта Yota, банковская карта „Мир-моментум“ Сбербанка № <...>»⁵. Согласно приговору суда по ч. 2

³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. I). Ст. 4921.

⁴ См.: Приговор суда по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ № 22-2287/2020 от 17 декабря 2020 г. по делу № 1-1106/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DEZqVwd6vRg1/> (дата обращения: 14.11.2021).

⁵ См.: Приговор суда по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ № 1-349/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/I0vVVgmu35NW/>

ст. 159.3 УК РФ № 1-534/2020¹ к доказательствам были отнесены диск CD-R с видеозаписью, реквизиты счета для зачислений на карту, а также скриншоты и 19 справок по операциям.

На основе анализа судебной практики можно говорить о том, что в качестве доказательств по преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации, помимо протоколов следственных действий, показаний участников уголовного судопроизводства, заключений эксперта или специалиста выступают и CD-диски,

скриншоты смс-сообщений, произведенных оплат по банковской карте и иных операций, электронные носители, содержащие значимую для уголовного дела информацию (флеш-карты, CD-диски и т. д. (рис. 1)). С учетом этого законодатель предусмотрел некоторые особенности ее изъятия и копирования, которые нашли отражение в ст. 164.1 УПК РФ. Однако возникает вопрос: к какому виду доказательств относится информация, содержащаяся на электронных носителях?

Рис. 1. Виды электронных носителей, используемых для хранения значимой для уголовного дела информации

Прежде всего, необходимо дать определение понятия «электронный носитель информации», которое не имеет сегодня нормативной трактовки. Толковый словарь терминов понятийного аппарата информатизации образования подразумевает под ним «средство хранения оцифрованной информации»².

(дата обращения: 14.11.2021).

¹ См.: Приговор суда по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ № 1-534/2020. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/550938.html> (дата обращения: 14.11.2021).

² См.: Толковый словарь терминов понятийного аппарата информатизации образования. URL: <https://1312.slovaronline.com> (дата обращения: 15.11.2021).

Отметим, что по-разному интерпретируют его и ученые, поскольку учитывают некоторые нюансы, в том числе существование различных видов электронных носителей. Так, в их перечне можно назвать облачные хранилища данных, отличающиеся по своей природе от флеш-карт и CD-дисков и, соответственно, не подпадающие под обобщающий термин, например машинный носитель, предложенный Н. А. Ивановым [1, с. 96—97]. С точки зрения А. В. Шигурова, электронный носитель информации можно определить как «предмет, содержащий значимую для уголовного дела информацию, созданную не в процессе расследования (раскрытия) уголовного дела, восприятие

которой невозможно без использования электронно-вычислительных средств» [2, с. 4]. По нашему мнению, наиболее удачной является дефиниция Ю. Н. Соколова: «Технически и технологически адаптированное к многократному использованию электронное устройство, предназначенное для записи, хранения, передачи и воспроизведения электронной информации с помощью доступных технических средств, а также защиту, обособление и разграничение доступа к имеющейся информации» [3, с. 25].

После того как мы раскрыли определение понятия «электронный носитель информации», нужно уточнить, к какому виду доказательств следует относить такую информацию. Полагаем, что выбор необходимо делать между категориями «вещественное доказательство» и «иные документы». Рассмотрим более детально каждую из них.

На основе положений ст. 81 УПК РФ можно говорить о том, что вещественные доказательства представляют собой любые объекты (предметы) материального мира, которые обладают признаками или свойствами носителей информации, полученные и приобщенные к уголовному делу в установленном законом порядке. Статья 84 УПК РФ не дает четкого определения иных документов, а лишь указывает, что они допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. К ним могут относиться материалы фотосъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации. Данные документы не обязательно должны иметь письменную форму и формальные реквизиты. Однако что именно они в себя включают, какими признаками должны обладать — законодатель не определил. Как правило, на практике в число иных документов входят аудио-, видеозаписи, фотосъемка, различные запросы дознавателя, следователя, ответы о направлении документов, ходатайства сторон о приобщении документов.

Отдельного внимания требует п. 3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ, указывающий, что в качестве вещественных доказательств могут выступать иные предметы и документы, которые служат средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. По нашему мнению, этот пункт нуждается в конкретизации, так как в подобной интерпретации он охватывает и иные документы, отнесенные законодателем в отдельный вид доказательств.

Рассмотрим две ситуации, в которых документ может, с одной стороны, выступать в качестве вещественного доказательства, с другой — в качестве иного документа. В случае если следователь направит в банк запрос по факту установления истории операций, проделанных физическим лицом А., на который в дальнейшем поступит официальный ответ, то данный ответ в виде документа будет иным документом по уголовному делу. Тем не менее есть ряд условий, при которых документ может быть вещественным доказательством. Так, если он: а) служил средством совершения преступления; б) сохранил на себе следы преступления; в) на него были направлены преступные действия; г) получен в результате совершения преступления; д) является документом, который может служить средством для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела» [4, с. 15]. Например, документ содержит какую-то информацию, и преступник, осознавая данный факт, использует его для воздействия на объект преступления; документ сохранил на себе следы крови, пальцев рук; лицо завладело документом путем его тайного хищения; документ был получен в результате фальсификации; документ содержит информацию, с помощью которой можно установить обстоятельства по уголовному делу, смягчающие либо отягчающие наказание.

В результате анализа названных ранее видов доказательств можно прийти к выводу о том, что нельзя достоверно сказать, к какому из них должна принадлежать информация, содержащаяся на электронном носителе. Судебная практика свидетельствует о том, что ее включают в число вещественных доказательств, однако, по нашему мнению, это не совсем верно по ряду причин. Как уже было отмечено, вещественным доказательством является объект материального мира, т. е. непосредственный носитель информации, но не она сама (для уголовного дела имеет значение информация, так как она есть первоисточник). Кроме того, стоит учитывать тот факт, что электронные носители не ограничиваются флеш-картами и CD-дисками, в их число входят и облачные хранилища данных (рис. 2). В случае их использования преступниками они не могут быть признаны вещественными доказательствами, поскольку не являются предметами материального мира.

Рис. 2. Облачное хранилище данных

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что признание информации, содержащейся на электронном носителе, в качестве вещественного доказательства нецелесообразно. Отвечая на вопрос, можно ли включить ее в ряд иных документов, отметим, что, во-первых, сегодня нет законодательно закрепленного определения понятия «иные документы», а также признаков, относящих объект к таковым; во-вторых, при рассмотрении самого понятия «документ» устанавливается следующее. Согласно Федеральному закону «Об обязательном экземпляре документов» документ — это «материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения»¹.

1. Иванов Н. А. Доказательства и источники сведений в уголовном процессе: проблемы теории и практики. Москва: Юрлитинформ, 2015. 232 с.

2. Шигуров А. В. Понятие электронных носителей информации и электронных следов в российском уголовном процессе // Российский хороший журнал. 2020. № 1 (3). С. 4.

Нецелесообразность включения информации, содержащейся на электронном носителе, в число предметов материального мира была освещена ранее. Различные толковые словари интерпретируют документ как деловую бумагу; информацию, зафиксированную на материальном носителе; материальный объект с информацией и т. д., что также не позволяет причислить информацию, содержащуюся на электронном носителе, к такому виду доказательств.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что лучшим разрешением рассматриваемого вопроса во избежание споров, факта исключения данного доказательства из доказательственной базы, трудностей при процессуальном оформлении будет законодательное закрепление информации, содержащейся на электронном носителе, в качестве самостоятельного вида доказательств.

1. Ivanov N. A. Evidence and sources of information in criminal proceedings: problems of theory and practice. Moscow: Yurлитinform; 2015: 232. (In Russ.).

2. Shigurov A. V. The concept of electronic information carriers and electronic traces in the Russian criminal process. Russian Good Journal, 4, 2020. (In Russ.).

¹ См.: Об обязательном экземпляре документов: федер. закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 1.

3. Соколов, Ю. Н. Электронный носитель информации в уголовном процессе // Информационное право. 2017. № 3. С. 22—26.

4. Долгаев В. В. Протоколы следственных действий и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2018. 22 с.

Долгаев Виктор Викторович,

доцент кафедры предварительного расследования
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
кандидат юридических наук;
kto-to795@yandex.ru

Соколова Анна Владимировна,

лаборант Санкт-Петербургского
университета МВД России;
annasokolova.2000@mail.ru

3. Sokolov Yu. N. Electronic media in the criminal process. Information law, 22—26, 2017. (In Russ.).

4. Dolgaev V. V. Protocols of investigative actions and other documents as sources of evidence in criminal proceedings. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2018: 22. (In Russ.).

Dolgaev Viktor Viktorovich,

associate professor at the department
of preliminary investigation
of the Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
kto-to795@yandex.ru

Sokolova Anna Vladimirovna,

laboratory assistant
of the Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia;
annasokolova.2000@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.12.2021; одобрена после рецензирования 31.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 07.12.2021; approved after reviewing 31.02.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.985.7:343.3

doi: 10.25724/VAMVD.YWXY

ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДОКАЗЫВАНИИ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОДЛОЖНОГО ДОКУМЕНТА

Анна Владимировна Досова*, **Владимир Емельянович Ляпичев****,
Михаил Ярославич Сигерич***, **Петр Михайлович Кошманов******

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

* a_nado@bk.ru, ** a_nado@bk.ru, *** Mikhail.sigerich@gmail.com, **** koshm77@mail.ru

Аннотация. В статье основное внимание уделено роли экспертных исследований в установлении признаков, характеризующих объект и объективную сторону преступлений, связанных с использованием подложных документов. Используя результаты анализа практики выполнения экспертных исследований в подразделениях МВД России, авторы отмечают особое значение установления факта и способа изготовления подложного документа или его отдельных реквизитов, что помогает раскрывать не только объективную сторону деяний такого рода, но и важно при оценке других элементов доказывания, в частности при установлении объекта преступного посягательства, дифференцировании роли конкретного лица в совершенном преступлении. Это имеет большое значение при расследовании групповых преступлений, поскольку позволяет выявить характерные черты данной деятельности, слагающейся из различных действий, установить их последовательность.

Отмечается, что место заключения с результатами экспертного исследования следов подлога в системе доказательств зависит, прежде всего, от особенностей расследуемого преступления, конструкции его состава в законе, той роли, которую играет устанавливаемое в процессе производства экспертизы обстоятельство как признак состава преступления, а также объективных возможностей того или иного вида экспертизы.

Ключевые слова: подложные документы, событие преступления, материальные следы подлога, расследование, заключение эксперта, доказательства

Для цитирования: Значение экспертных исследований в доказывании события преступления, связанного с использованием подложного документа / А. В. Досова, В. Е. Ляпичев, М. Я. Сигерич, П. М. Кошманов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 85—91. doi: 10.25724/VAMVD.YWXY

THE IMPORTANCE OF EXPERT RESEARCHES IN PROVING THE EVENT OF A CRIME RELATED TO THE USE OF A FORGED DOCUMENT

Anna Vladimirovna Dosova*, **Vladimir Emelianovich Lyapichev****,
Mikhail Yaroslavich Sigerich***, **Peter Mikhailovich Koshmanov******

Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

* a_nado@bk.ru, ** a_nado@bk.ru, *** Mikhail.sigerich@gmail.com, **** koshm77@mail.ru

Abstract. The article focuses on the role of expert researches in identification of signs, characterizing the object and objective side of crimes, related to the use of forged documents. Using the results of the analysis of the practice of expert researches' implementation in the divisions of the Ministry of Internal Affairs, the authors note the special importance of identification the fact and method of manufacturing a forged document in its entirety or in its individual details, which helps to reveal not only the objective side of such acts, but also plays a significant role in the analysis of other elements of evidence, in particular, when identifying the object of criminal encroachment, differentiating the role of a particular person in the committed crime. This is especially important in the investigation of group crimes, as it allows identify the characteristics of these activities, consisting of various actions to set their sequence.

It is noted that the place of conclusion with the results of the expert researches of traces of forgery in the system of evidence, first of all, depends on the features of the crime under investigation, the construction of the

crime in the law, the role, which plays the circumstance, being established in the process of conducting a forensic expertise, as an element of the crime, as well as the objective capabilities of a particular type of expertise.

Keywords: forged documents, criminal event, material traces of forgery, investigation, expert opinion, evidence

For citation: Dosova A. V., Lyapichev V. E., Sigerich M. Ya., Koshmanov P. M. The importance of expert researches in proving the event of a crime related to the use of a forged document. Journal of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia, 85—91, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.YWXY

В науке уголовного права признаки состава преступления принято дифференцировать на признаки, характеризующие объект и субъект преступления, объективную и субъективную стороны уголовно наказуемого деяния.

В публикациях криминалистической направленности, посвященных проблемам установления обстоятельств совершения преступлений, связанных с изготовлением и использованием подложных документов, основное внимание уделяется роли судебной экспертизы. В то же время редко затрагивается вопрос использования заключения эксперта при установлении объекта преступления, «без которого не может быть раскрыт истинный характер события преступления, его содержание» [1, с. 70], хотя отдельные авторы указывали на это в своих работах.

Заметим, что теория уголовного права исходит из понятия объекта всякого преступления как охраняемых уголовным законом общественных отношений. Вместе с тем необходимо учитывать, что объектом конкретного преступного деяния являются лишь определенные общественные отношения, против которых оно непосредственно направлено. В реальной действительности общественные отношения есть форма деятельности людей, выраженная вовне либо как материальная предпосылка их существования (жизнь, здоровье, различные материальные предметы), либо как материальная форма их закрепления (документы, деньги). В связи со сказанным при совершении преступлений эти элементы, как и сами участники общественных отношений, оказываются непосредственными объектами посягательства, т. е. *объект преступления*, на какой посягает преступник, репрезентируется *его действиями и предметом посягательства*, воздействуя на который виновный нарушает или пытается нарушить общественные отношения [1, с. 68]. Данный процесс сопровождается разного рода изменениями в материальной среде, что выражается в образовании материальных следов воздействия, несущих в себе криминалистически значимую информацию. Извлечение такой информации, раскрывающей направленность посягательства на

определенные общественные отношения при совершении ряда преступлений, *особенно связанных с изготовлением и использованием подложных документов, трудно представить без проведения экспертных исследований.*

Примером может служить заключение эксперта с результатами технико-криминалистического исследования поддельного денежного билета банка России¹. Оно было значимо в первую очередь как доказательство того, что исследуемый денежный билет по способу и качеству воспроизведения в нем реквизитов не соответствовал образцу подлинного билета. При этом между сопоставляемыми билетами экспертом было выявлено сходство по наличию визуально наблюдаемых изображений, размеру, цветовой гамме, что стало основанием для признания в действиях лица (лиц) по изготовлению или сбыту сомнительного билета состава преступления, подпадающего под действие ст. 186 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [2, с. 431]. Нужно заметить, что это же деяние квалифицировалось бы как мошенничество, если бы в процессе экспертного исследования было выявлено явное различие между подлинной и фальшивой денежной купюрой, исключаящее ее участие в денежном обращении. Следовательно, значение заключения эксперта, касавшегося лишь одной из частных *качественных характеристик предмета преступления* (степени сходства между исследуемым билетом и соответствующим образцом), может служить доводом, *предопределяющим правильную квалификацию деяния, а соответственно, и объекта посягательства.*

Необходимо учитывать, что в реальной жизни часто происходит переплетение элементов разного рода общественных отношений, поэтому одно преступление может причинять вред одновременно различным общественным отношениям. Так, специфика преступлений, связанных с изготовлением и использованием подложных документов,

¹ См.: Заключение эксперта № 124 от 26 февраля 2018 г. // Архив экспертно-криминалистического отдела ОМВД России по г. Черкесску Карачаево-Черкесской Республики.

заключается в том, что посягательство на документооборот «затрагивает не только сферу государственного управления, но, как правило, сопряжено с причинением вреда другим общественным отношениям, охраняемым другими нормами уголовного права» [3, с. 16].

Примером может служить уголовное дело, возбужденное 30 января 2015 г. в отношении гр. Х. — директора ООО «Сыктывкартранском»¹. Обладая в силу занимаемой должности полномочиями по осуществлению функций управления и распоряжения имуществом, принадлежащим указанному предприятию, гр. Х. изготовил товарно-транспортную накладную и счет-фактуру с заведомо ложными сведениями, на основании которых взыскал в судебном порядке 185 459 руб. с ООО «Птицефабрика „Сыктывкарская“» за фактически не поставленное им этой организации дизельное топливо. При выяснении обстоятельств совершения данного преступления была назначена и проведена идентификационная почерковедческая экспертиза подписей от имени директора предприятия, расположенных в товарно-транспортной накладной и счет-фактуре. При этом был установлен факт выполнения подписей самим директором, что выступает важнейшим признаком служебного подлога — преступления, *объектом посягательства* которого является *установленный порядок деятельности органов государственной власти и управления, органов местного самоуправления* (ст. 292 УК РФ). Но, поскольку для получения денег с ООО «Птицефабрика „Сыктывкарская“» использовались заведомо подложные документы, это деяние подпадает под действие ст. 159 УК РФ и квалифицируется как мошенничество, непосредственным объектом которого являются *общественные отношения собственности*. Обращает на себя внимание то, что результаты экспертного исследования в определении непосредственного объекта рассматриваемых преступлений ограничились установлением фактов, характеризующих *объективную сторону преступления*. Однако полученная информация способствовала установлению *непосредственного объекта преступления*, поскольку между этими сторонами состава *данного вида преступлений* имеется связь. Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о том, что установление объекта преступления обсуждаемой категории осуществляется *опосре-*

дованно путем использования фактов, относящихся к другим сторонам события (в данном случае к объективной стороне).

Но часто *об объекте преступления* невозможно судить без изучения характера действий субъекта или выяснения причинной связи между его действиями и последствиями, поскольку «биологические и физические свойства, побуждения, стремления и способ деятельности личности, характерные для нее, выступают в качестве единого механизма регулирующего поведение личности при совершении преступления и, соответственно, отражаются в окружающей обстановке: материальной обстановке и в сознании людей [4, с. 162], т. е. деятельность преступника играет роль посредника между ним и следами преступления как носителями криминалистически значимой информации [5, с. 31]. В то же время субъект деятельности является одновременно следообразующим и следовоспринимающим объектом, соответственно, его нужно рассматривать в качестве элемента системы исследуемого события и процесса его отражения: во время совершения преступления функциональная система субъекта преступления, взаимодействуя с внешней средой, получает в ней отражение в виде следов преступления, причем они не просто результат изменения, а структурно выраженный комплекс, зеркальный образ отобразившейся функциональной системы [6]. Благодаря такому свойству материи (свойству отражения) свойства преступника в той или иной степени отражаются во внешней среде и могут быть познаны. В связи с этим материальные следы имеют большое значение в доказывании события преступления.

Поскольку действия преступника в реальной действительности служат причиной возникновения определенных изменений во внешнем мире, сведения, полученные экспертом, выражают, по сути, непосредственно эти действия, причем извлеченная информация способствует выявлению преступного характера данных действий как элемента объективной стороны деяния, способа и средств, использованных преступником, а роль заключения эксперта как доказательства определяется, прежде всего, особенностями преступления и спецификой документа, использованного при его совершении. Так, экспертом, проводившим почерковедческое исследование рукописного текста и подписи, расположенных в договоре купли-продажи автомобиля, предъявленном гр. К. сотрудникам МРЭО ГИБДД ГУ МВД России по Ростовской области, было установлено, что подпись

¹ См.: Уголовное дело № 1250714, возбужденное следственным отделением ОМВД России по Сыктывдинскому району Республики Коми // Архив следственного управления МВД России по Республике Коми.

от имени гр. Р. — владельца продаваемого автомобиля и рукописный текст, расположенные в договоре, выполнены не гр. Р., а иным лицом¹. Полученное заключение послужило важнейшим доказательством, свидетельствующим о попытке реализации похищенного мошенническим путем автомобиля с использованием подложного договора, что является одним из элементов объективной стороны преступления, предусмотренно ст. 159 УК РФ.

Иная ситуация сложилась при выяснении обстоятельств незаконного получения единовременных выплат по категории «Ветеран боевых действий» гражданином К. Была проведена диагностическая технико-криминалистическая экспертиза соответствующего удостоверения, изъятого у К. Было установлено при этом, что бланк документа изготовлен не полиграфическим способом, применяемым при изготовлении подлинных документов, а с помощью электрографического устройства². Полученные выводы были ценны, прежде всего, для анализа действий злоумышленника как признака объективной стороны преступления, подпадающего под действие ст. 327 УК РФ.

При направлении на диагностическое исследование денежных билетов и документов, снабжаемых специальными защитными средствами, вопросы эксперту по своему смыслу должны ориентироваться на установление приведенных далее фактов:

— отличается ли представленный на экспертизу документ по наличию, способу и качеству воспроизведения в нем реквизитов от аналогичного ему по назначению документа, полученного в условиях законного производства с соблюдением комплекса защитных средств, предусмотренных для данной продукции; если да, то в чем состоят отличия и каким способом или способами выполнен поступивший на экспертизу документ [7, с. 325];

— какое оборудование и приспособления применялись для воспроизведения реквизитов в представленном на исследование документе?

Нами неоднократно отмечалось, что субъекты расследования часто не учитывают реального уровня компетенции экспертов-криминалистов и формулируют диагностические вопросы в следующей форме: «Изготовлен ли представленный на исследование диплом по технологии предприятий Гознака? Является ли представленная на

исследование денежная купюра достоинством в 5 000 рублей серии АЯ № 2511866 продукцией предприятия Гознак РФ?»³ Изготовлен ли денежный билет достоинством в 100 долларов США серии AL 41954124 CL 12 1996 года выпуска Бюро гравирования и печати Министерства финансов США?»⁴. Некорректность приведенных вопросов очевидна, поскольку в них не принимается во внимание реальный уровень компетенции экспертов-криминалистов, изучавших методику технической экспертизы документов по вузовскому курсу «Технико-криминалистическая экспертиза документов» [8, с. 24—28]. К тому же эксперты не могут быть осведомлены по объективным причинам о всех способах защиты и технологиях, используемых при изготовлении особо важных документов, находящихся в обороте на территории России, в связи с тем, что такая информация чаще всего является секретной.

Отметим, что установление способа изготовления подложного документа или его отдельных реквизитов помогает раскрывать не только объективную сторону деяния, связанного с использованием такого объекта, но и важно при анализе других элементов доказывания, в частности при дифференцировании роли конкретного лица в совершенном преступлении. Это имеет большое значение при расследовании групповых преступлений, поскольку позволяет выявить особенности данной деятельности, слагающейся из различных действий, установить их последовательность. Так, при расследовании хищения денежных средств с расчетного счета Краснодарской краевой организации профсоюза работников культуры было выявлено наличие на дисках компьютера, расположенного в офисе организации, в электронном виде платежных поручений, на основании которых производилось перечисление денежных средств на расчетные счета трех краснодарских предпринимателей. Следственным путем было установлено, что к компьютеру имел доступ, помимо главного бухгалтера и председателя профсоюза, гр. Ч. — заведующий одним из отделов, который, пользуясь доверием руководителей организации, узнал ключи доступа к счетам организации, что позволило ему осуществлять противоправные действия по переводу денег названным предпри-

¹ См.: Заключение эксперта № 228 от 15 февраля 2016 г. // Архив экспертно-криминалистического отдела при УМВД России по г. Ростову-на-Дону, отдел полиции № 8.

² См.: Заключение эксперта № 149 от 26 февраля 2016 г. // Архив экспертно-криминалистического центра МВД по Республике Дагестан.

³ См.: Заключение эксперта № 222 от 31 марта 2018 г. // Архив экспертно-криминалистического отдела при УМВД России по г. Ростову-на-Дону.

⁴ См.: Заключение эксперта № 32 Э/63 от 11 февраля 2018 г. // Архив экспертно-криминалистического отдела при УМВД России по г. Ульяновску.

нимателям за фактически не предоставленные ими услуги крайкому профсоюза. В дальнейшем в ходе обыска в офисе одного из предпринимателей были обнаружены и изъяты подложные документы (договоры, акты, товарные накладные) на бумажных носителях, которые послужили доказательствами сопричастности гражданина к совершению данного преступления. Установлению факта подлога документов способствовало проведение технико-криминалистического экспертного исследования этих объектов, в результате чего было установлено, что оттиски печати в них нанесены печатью, не принадлежащей профсоюзной организации¹. Приведенный пример свидетельствует о роли так называемых «следов связи и отношений» в раскрытии и расследовании преступлений. Д. А. Турчин определяет их как материальную ситуацию, «при которой два и более предмета механизма преступления становятся во взаимосвязь или отношение, имеющее знаковую информационную природу» [6], т. е. объективно с преступлением, при совершении которого использовались подложные документы, могут быть связаны и следы, нашедшие отражение не только на месте происшествия (в рассматриваемом примере платежные поручения в электронной форме на дисках компьютера в офисе профсоюзной организации), но и в пределах иного пространства, возникшие при реализации преступного замысла.

Таким образом, необходимость использования судебной экспертизы при установлении обстоятельств, относящихся к признакам состава преступления, при совершении которого использовались подложные документы, определяется, прежде всего, тем, что ряд этих обстоятельств не может быть установлен ни следователем, ни судом, поскольку они не обладают нужным запасом знаний в области криминалистического исследования документов. Именно заключение эксперта с результатами исследования следов подлога выступает по делам указанной категории в качестве одного из важнейших средств получения разыскной и доказательственной информации (причем на всех стадиях уголовного процесса, начиная от возбуждения уголовного дела), поэтому оно незаменимо [9, с. 175—186]. Разумеется, значение заключения с результатами экспертного исследования следов подлога в системе доказательств зависит в первую очередь от особенностей расследуемого преступления, конструкции его состава в законе, той роли, которую играет устанавливаемое в процессе производства экспертизы обстоятельство как признак состава преступления, а также объективных возможностей того или иного вида экспертизы.

1. Степункова В. К. Судебная экспертиза и исследование обстоятельств, образующих состав преступления. Москва: ВНИИСЭ, 1975. 250 с.

2. Коряковцев В. В., Питулько К. В. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 848 с.

3. Пикуров Н. И., Букалерева Л. А. Подлог и другие преступные посягательства на официальный документооборот: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2001. 112 с.

4. Сафаргалиева О. Н. О понятии и содержании следов в криминалистике // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 2 (23). С. 161—166.

5. Тазин И. И. Криминалистическая характеристика мотивационно-смысловой сферы личности преступника: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 252 с.

1. Steputenkova V. K. Forensic expertise and study of the circumstances, constituting the crime. Moscow: RFCFE; 1975: 250. (In Russ.).

2. Koryakovtsev V. V., Pitulko K. V. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. Saint Petersburg: Peter; 2004: 848. (In Russ.).

3. Pikurov N. I., Bukaleroval L. A. Forgery and other criminal attacks on official document circulation. Textbook. Volgograd: Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2001: 112. (In Russ.).

4. Safargaliev O. N. On the concept and content of traces in criminalistics. Bulletin of Omsk University. "Law" series, 161—166, 2010. (In Russ.).

5. Tazin I. I. Forensic characteristics of the motivational and semantic sphere of the criminal's personality. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Tomsk; 2006: 252. (In Russ.).

¹ См.: Заключение эксперта № 82/1-э от 20 февраля 2018 г. // Архив экспертно-криминалистического отдела при УМВД России по г. Краснодару.

6. Турчин Д. А. Теоретические основы учения о следах в криминалистике. Владивосток, 1983. 187 с.

7. Шашкин С. Б. Теоретические и методологические основы криминалистической экспертизы документов, выполненных с использованием средств полиграфической и оргтехники: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. 420 с.

8. Диагностическое экспертное исследование документов, снабженных специальными средствами защиты: учеб.-метод. пособие / В. Е. Ляпичев, А. В. Досова, П. М. Кошманов [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2018. 130 с.

9. Волынский А. Ф. Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 175—185.

Досова Анна Владимировна,

начальник кафедры основ
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
a_nado@bk.ru

Ляпичев Владимир Емельянович,

доцент кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат технических наук, доцент;
a_nado@bk.ru

Сигерич Михаил Ярославич,

преподаватель кафедры
исследования документов
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России;
Mikhail.sigerich@gmail.com

6. Turchin D. A. Theoretical foundations of the doctrine of traces in criminology. Vladivostok; 1983: 187. (In Russ.).

7. Shashkin S. B. Theoretical and methodological foundations of forensic examination of documents made using printing and office equipment. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Saratov; 2003: 420. (In Russ.).

8. Lyapichev V. E., Dosova A. V., Koshmanov P. M. (et al.) Diagnostic expert research of documents equipped with special means of protection. Educational and methodical manual. Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2018: 130. (In Russ.).

9. Volynsky A. F. Subject of criminalistics and "scientific separatism": consequences and opportunities to overcome them. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 171—185, 2018. (In Russ.).

Dosova Anna Vladimirovna,

head of the department
of foundations of expert criminalistic activity
of the training and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
a_nado@bk.ru

Lyapichev Vladimir Emelianovich,

associate professor at the department
of the document research
of the training and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of technical sciences, docent;
a_nado@bk.ru

Sigerich Mikhail Yaroslavich,

lecturer at the department
of the document research
of the training and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
Mikhail.sigerich@gmail.com

Кошманов Петр Михайлович,

начальник учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
koshm77@mail.ru

Koshmanov Peter Mikhailovich,

head of the training and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
koshm77@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.11.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 25.11.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.123

doi: 10.25724/VAMVD.YXYZ

**ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
ПО ПРИЗНАКАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 317—319
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ И ДОКАЗЫВАНИЮ)**

Евгений Иванович Замылин*, **Оксана Владимировна Плешакова****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

efrommm@mail.ru

** Правовое управление ГУ МВД России по Волгоградской области, Волгоград, Россия

opleshakova@mvd.ru

Аннотация. Специфика возбуждения уголовных дел по преступлениям, совершаемым в отношении сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) в связи с исполнением служебных обязанностей, — совпадение процессуальной роли заявителя-потерпевшего с ролью должностного лица, обязанного принимать сообщения о совершенных преступлениях, выявлять и пресекать их, а также в дальнейшем выступать в деле в качестве основного участника стороны обвинения. Устоявшаяся практика возбуждения уголовных дел на основании рапорта сотрудника является более обоснованной с позиций соблюдения законности. Решение о возбуждении уголовного дела целесообразно принимать после завершения ведомственных служебных проверок и административно-процессуальных процедур в отношении виновного и потерпевшего в целях обязательного приобщения их к материалам расследования как доказательства законности действий потерпевшего.

В следственно-судебной практике выявлен ряд типичных недостатков в части установления обстоятельств, подлежащих доказыванию; недостаточное внимание следствием уделяется и исследованию обстоятельств, способствовавших совершению преступлений в отношении сотрудников полиции.

Ключевые слова: следователь; потерпевший — сотрудник ОВД; возбуждение уголовных дел; расследование; обстоятельства, подлежащие установлению; физический, моральный, материальный (имущественный) вред

Для цитирования: Замылин Е. И., Плешакова О. В. Особенности возбуждения уголовных дел по признакам преступлений, предусмотренных ст. 317—319 Уголовного кодекса Российской Федерации (обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 92—101. doi: 10.25724/VAMVD.YXYZ

**FEATURES OF INITIATION OF CRIMINAL CASES,
PROVIDED BY ART. 317—319
OF CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION
(CIRCUMSTANCES TO BE ESTABLISHED AND PROVEN)**

Evgeny Ivanovich Zamylin*, **Oksana Vladimirovna Pleshakova****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

efrommm@mail.ru

** The Legal Department of the State Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Volgograd region, Volgograd, Russia

opleshakova@mvd.ru

Abstract. The specifics of initiating criminal cases for crimes committed against police officers in connection with the performance of official duties is the coincidence of the procedural role of the complainant-victim with the role of an official who is obliged to receive reports on committed crimes, identify and suppress them, as well as further act in the case in as the main participant in the prosecution. The well-established practice of initiating

criminal cases on the basis of an employee's report is more justified from the standpoint of compliance with the law. It is advisable to make a decision to initiate a criminal case after the completion of departmental official checks and administrative procedures in relation to the guilty person and the victim in order to obligatory attach them to the investigation materials as evidence of the legality of the victim's actions.

In investigative and judicial practice, a number of typical shortcomings have been identified in terms of establishing the circumstances to be proved; Insufficient attention is paid to the investigation of the circumstances that contributed to the commission of crimes against police officers.

Keywords: investigator, victim-employee of the Department of Internal Affairs, initiation of criminal cases, investigation, circumstances to be established, physical, moral, material (property) harm

For citation: Zamylin E. I., Pleshakova O. V. Features of initiation of criminal cases, provided by Art. 317—319 of Criminal Code of Russian Federation (circumstances to be established and proven). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 92—101, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.YXYZ

При наличии повода и основания, предусмотренных ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), должностное лицо в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, возбуждает уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление. Особенностью возбуждения уголовных дел о преступлениях, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, является совпадение процессуальной роли заявителя-потерпевшего с ролью лица, обязанного принимать сообщения о совершенных преступлениях, выявлять и пресекать их, а также в дальнейшем выступать в деле в качестве одного из основных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

Собранный эмпирический материал¹ по теме исследования свидетельствует, что поводами для возбуждения уголовного дела служат:

— протокол принятия устного заявления — по 2 % уголовных дел;

— заявление потерпевшего с просьбой о привлечении к уголовной ответственности — по 3,5 % уголовных дел;

— явка с повинной зарегистрирована по 6,5 % уголовных дел.

В своей массе поводом для возбуждения уголовного дела стали рапорты пострадавших со-

трудников полиции, их непосредственных начальников и обобщенные рапорты следователей, рассматривавших первоначально собранные материалы о происшествии. Представляется, что устоявшаяся практика возбуждения уголовных дел по факту преступного посягательства на основании рапорта сотрудника является более обоснованной с позиций соблюдения законности, поскольку на сотруднике ОВД лежит обязанность по приему сообщений о преступлениях и передаче их для регистрации в территориальный орган внутренних дел. Несообщение сотрудником полиции о преступном посягательстве в отношении него будет являться как минимум нарушением служебной дисциплины, а в некоторых случаях — даже уголовно наказуемым деянием, поскольку рассматриваемая нами категория дел относится к делам публичного обвинения.

Как показывает проведенный анализ статистики преступлений по ст. 317—319 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), количество уголовно наказуемых деяний, зарегистрированных в отчетный период, отличается от количества предварительно расследованных преступлений на 3—6 %, что, в свою очередь, равно количеству материалов об отказе в возбуждении уголовного дела и прекращенных уголовных дел.

Незначительное количество составляют дела, по которым предварительное следствие прекращено и приостановлено. Количество уголовных дел, приостановленных производством, по исследуемым нами статьям составляет менее 2 %. Количество прекращенных можно вычислить посредством соотношения разницы между количеством предварительно расследованных уголовно наказуемых деяний в отчетный период и количеством уголовных дел и материалов, находившихся в производстве на начало года или зарегистрированных в отчетном периоде, и разницы между количеством предварительно расследованных пре-

¹ В сборе эмпирического материала по специально разработанной программе были изучены и проанализированы 572 уголовных дела, возбужденные и оконченные производством по ст. 317, 318, 319 УК РФ в период с 2013 по 2020 г. в различных регионах страны, в том числе в республиках Башкортостан, Мордовия и Татарстан; Астраханской, Волгоградской, Нижегородской, Омской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Свердловской, Ульяновской, Челябинской и других областях; в г. Москве и Санкт-Петербурге. Применительно к тематике исследования проведено интервьюирование 120 сотрудников ОВД из различных регионов России и 70 следователей Следственного комитета Российской Федерации, имевших в производстве дела данной категории.

ступлений в отчетный период и количеством дел, направленных в суд с обвинительным заключением. За вычетом приостановленных уголовных дел (2 %) количество прекращенных уголовных дел составляет от 2 до 7 % в разные отчетные периоды.

В сравнении с судебной практикой, согласно которой в среднем число оправдательных приговоров в России составляет 0,4 % [1, с. 137—141], предварительное следствие проводится более объективно и имеет меньший обвинительный уклон в расследовании посягательств, совершенных в отношении сотрудников ОВД.

Причинами для прекращения уголовного преследования по исследуемым преступлениям могут выступать следующие обстоятельства:

1. Возбуждение уголовного дела в день посягательства без предварительной проверки сообщения о преступлении. На наш взгляд, решение о возбуждении уголовного дела следует принимать после завершения всех служебных проверок и административно-процессуальных процедур в отношении виновного и потерпевшего для приобщения их документально оформленных результатов к материалам расследования, за исключением случаев:

- очевидности совершенного преступления;
- отсутствия необходимости в предварительной проверке законности действий потерпевших (сотрудников ОВД);
- наличия потребности в закреплении доказательств уголовно-процессуальными средствами в случае угрозы их утраты;
- возможности виновного скрыться от следствия и суда.

2. Низкое качество собранного материала предварительной проверки сообщения о преступлении (отсутствие в нем документов из дела об административном правонарушении, ставшем поводом для конфликта с полицейским, заключений служебных проверок по фактам правомерности применения физической силы, специальных средств и оружия в отношении виновного и причинения телесных повреждений сотруднику полиции, являющихся веским доказательством преступления (согласно нашему исследованию материалы служебной проверки приобщались к уголовному делу только в 2 % случаев), отсутствие работы по выявлению свидетелей, утрата видеодоказательств вследствие затягивания времени их изъятия с камер публичного наблюдения, отсутствие экспертного психолого-лингвистического исследования слов подозреваемого, принятых сотрудником ОВД за оскорбление, и др.).

3. Отсутствие у следователя и оперативного сотрудника навыков и возможностей по сбору доказательств оскорбления сотрудника полиции в сети Интернет. В настоящее время активно развивается методика расследования преступлений, совершенных с использованием интернет-ресурсов, в том числе связанная с оскорблением представителей власти. Однако раскрываемая нами методика не охватывает данной разновидности преступлений в силу специфики собирания доказательств и взаимодействия в ходе расследования таких преступлений. К тому же нами выявлен только один случай совершения оскорбления полицейских в интернет-среде¹, впрочем, это преступление совершено не путем оставления комментария к изображению конкретного полицейского или оскорбительного искажения его фотографии, а путем выкладывания на публичный портал видео, запечатлевшего задержание полицейскими пьяных дебоширов с оскорбительными комментариями автора видеоролика, что сделало его близким по содержанию к рассматриваемым нами преступлениям.

В подавляющем большинстве случаев виновные лица задерживаются непосредственно на месте преступления. Попытки скрыться с места преступления зафиксированы нами в 78 уголовных делах, и только в 13 случаях они увенчались успехом (в 10 случаях виновный скрылся на принадлежащем или управляемом им автомобиле, поэтому в дальнейшем установление его личности не составило труда, в трех случаях имело место групповое нападение, и личность скрывшегося была установлена при допросе задержанных подозреваемых). Таким образом, мероприятия по поиску и задержанию виновного проводились в рамках предварительной проверки или производства по делу об административном правонарушении только в 2,3 % случаев.

Учитывая данный факт, мы можем констатировать, что на начальной стадии расследования складываются две типичные ситуации. В первой — подозреваемый не оказывает противодействия расследованию, дает правдивые показания либо показания с незначительными расхождениями, не влияющими на квалификацию деяния и организацию расследования. Во второй ситуации виновный не признает вины либо иными способами противодействует расследованию. Выявленная законо-

¹ Полиция нашла и допросила автора видео о дебоше на остановке «Автовокзал» в Хабаровске. URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/26169.7/3055377/> (дата обращения: 31.10.2021).

мерность определила дальнейшее содержание нашей работы.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию, определяют целенаправленность и плановость расследования [2, с. 361]. Помимо этого, они имеют особое значение для разработки сложных (в рамках конкретного акта расследования и судебного разбирательства) и простых (в рамках отдельных следственных и судебных действий) тактических комбинаций [3, с. 6].

Исследование обстоятельств, подлежащих доказыванию, позволяет в большей степени раскрыть закономерности расследования преступления, в то время как криминалистическая характеристика позволяет исследовать закономерности его совершения. В ходе проведенного исследования нами были проанализированы недостатки судебно-следственной практики в части установления обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию по делам данной категории.

Как показывает проведенный анализ времени, места и способа совершения преступления, следователи и суды уделяют недостаточно внимания исследованию времени совершения преступных посягательств относительно распорядка дня сотрудника ОВД. В каждом пятом из исследованных нами уголовных дел и судебных решений время посягательства относительно распорядка дня сотрудника полиции (в служебное время или во время отдыха), являясь одним из основных обстоятельств, устанавливаемых по делу, не было указано в описательной части процессуальных документов. Данная процессуальная недоработка значительно искажает объективную картину преступления, поскольку выполнение служебных обязанностей в неслужебное время может серьезно нарушать права и свободы других лиц (проверка документов или условий хранения оружия в жилище в ночное время, остановка попутного транспорта в гражданской одежде), а следовательно, будут неправильно установлены мотивы, цели преступления и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Распространенной ошибкой следователей при расследовании посягательств в отношении сотрудников ОВД в части установления факта правомерного поведения потерпевшего также является отсутствие упоминания о нахождении сотрудника в форменной или гражданской одежде (в каждом десятом уголовном деле).

Отсутствие глубокого понимания следователями правовой основы действий сотрудников полиции в момент нападения на них приводит к тому,

что практически все процессуальные документы по исследованным нами уголовным делам перегружены выдержками из Закона «О полиции», должностных регламентов, приказов МВД России, территориальных ОВД, контрактов о прохождении службы в ОВД, перечисляющими все без исключения права и обязанности потерпевшего сотрудника полиции.

Указанное положение дел представляется нам неправильным, поскольку у следователя нет задачи отразить всю правовую основу деятельности потерпевшего сотрудника полиции, ему необходимо только обосновать правомерность его конкретных действий в отношении нападавшего. В большинстве исследованных случаев для обоснования правомерности действий полицейских было бы достаточным указание на отдельные положения ст. 12 и 13, ч. 2 ст. 27 и ч. 3 ст. 28 Закона «О полиции» о правах и обязанностях сотрудника, реализуемых им в отношении виновного в конкретном случае преступного посягательства, а также на несколько относимых к событию преступления пунктов должностного регламента сотрудника.

В исследованной нами следственно-судебной практике задача изучения обстоятельств, характеризующих личность виновного, решалась путем истребования справок из психоневрологических и наркологических диспансеров, характеристик с места работы, учебы, жительства. В 4,7 % уголовных дел виновный отрицательно характеризовался по месту жительства со слов соседей и участковыми уполномоченными полиции, обслуживающими территорию места жительства; из 27 отрицательно характеризующихся 11 были ранее судимые, 7 — женщины. Совершение исследуемых преступлений не типично для лиц с хроническими психическими заболеваниями и алкогольной или наркотической зависимостью, только по девяти уголовным делам (1,6 %) преступники состояли на учете в наркологическом, а по трем — в психиатрическом диспансерах (0,5 %). Подобное положение дел говорит о том, что подавляющее количество преступлений в отношении сотрудников полиции совершается вполне добропорядочными, а не «маргинальными» лицами.

В процессе преступных посягательств в отношении сотрудников ОВД помимо телесных повреждений сотрудникам причиняется еще моральный и материальный (имущественный) вред, исследованию которого на практике уделяется недостаточное внимание.

Так, причинение оскорблениями и другими действиями виновных морального вреда и стра-

даний сотрудникам полиции упоминается лишь в 15,7 % дел. Суды признавали, что моральный вред причинялся не только вербальными и невербальными оскорблениями, но и такими оскорбляющими действиями, как нанесение пощечины, плевки в лицо, на одежду, сбивание с ног подножкой и другими, указывающими на публичное неуважение, пренебрежение, физическое доминирование преступника над представителем государственной власти. Такую правоприменительную практику нельзя признать удовлетворительной, поскольку моральные страдания причиняются сотруднику при совершении большинства посягательств. Невысок и процент исковых требований о компенсации морального вреда — они были заявлены и удовлетворены только в 26 % случаев его причинения, при этом добровольно виновные возместили вред только в 16,6 % случаев. В остальных случаях, несмотря на упоминание о нанесенном моральном вреде и страдании, потерпевшие остались без компенсации.

Моральный вред, причиненный сотруднику полиции, в обязательном порядке должен быть исследован следователем в целях полноты и объективности расследования по уголовному делу. Попустительское отношение к исследованию причинения морального вреда и страданий, полученных при преступных посягательствах, создает атмосферу неуважения к сотрудникам полиции и безнаказанности по отношению к действиям преступника, а также приводит к серьезным процессуальным нарушениям и ущемлению прав виновного на объективное и справедливое разбирательство.

В ходе исследования нами отмечено большое расхождение сумм компенсации морального вреда в делах о применении насилия в отношении сотрудников полиции. Размер компенсированного морального вреда резко варьируется от 5 до 150 тыс. рублей на одного пострадавшего, наиболее часто соответствующий вред оценивается в 15 000—25 000 рублей.

Так, инспектор ДПС, осуществляя патрулирование, заметил автомобиль, который стоял с включенным двигателем в зоне действия дорожного знака «Остановка запрещена». В связи с тем, что в действиях водителя А. усматривались признаки административного правонарушения, полицейский попросил его представить документы, подтверждающие право на управление транспортным средством. В ответ А. начал движение автомобиля. В целях предотвращения совершения А. правонарушения сотрудник полиции предпринял попытку остановить авто-

мобиль и заглушить двигатель, для чего левой рукой взялся за руль, а правой попытался извлечь ключ из замка зажигания. А., подняв стекло двери автомобиля, зажал обе руки сотрудника полиции в области предплечий; двигаясь по проезжей части, опустил стекло, освободив руки сотрудника полиции, вследствие чего последний упал на проезжую часть дороги, получив телесные повреждения¹. В описанном случае сумма компенсации составила 150 000 рублей, что, очевидно, связано с особой судебной оценкой общественной опасности и цинизма совершенного преступления.

Как нами установлено, сумма, взысканная в качестве компенсации морального вреда, зависит не столько от моральных страданий, причиненных сотруднику, сколько от особой дерзости и резонансности преступления. По сути, большие суммы компенсации морального ущерба применяются судами как дополнительное наказание за преступление, что противоречит компенсационной природе указанного процессуального института. Сложившаяся произвольная судебная практика во многом стала возможной благодаря малоисследованности причиненного морального вреда во время предварительного расследования. В протоколах допроса не отражаются суть моральных страданий и внутренние переживания потерпевшего по их поводу, ни по одному из дел не приобщены медицинские документы или заключение психологической экспертизы, подтверждающие сильные душевные волнения потерпевшего и ухудшение состояния здоровья, обвинительные заключения содержат только перечень лиц, которым был причинен моральный и иные виды вреда.

На недостаточное исследование морального вреда, нанесенного преступлением, указывает и количество принесенных личных и публичных извинений в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, подобная форма заглаживания вины выявлена в 19 % случаев, в то время как нанесение данного вида вреда фигурировало всего в 15,7 % случаев.

Каждое десятое из изученных нами преступлений сопровождалось причинением материального (имущественного) ущерба как сотрудникам полиции и их имуществу, так и государству (как собственнику имущества, находящегося в пользовании сотрудников ОВД), кроме того, иногда и владель-

¹ Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 25 мая 2017 г. по уголовному делу № 1-194/2017 в отношении А. Ш. О. Агаева. URL: <http://sud-praktika.ru/precedent/253521.html> (дата обращения: 12.05.2021).

цам увеселительных заведений, в которых задерживается правонарушитель. Наиболее часто ущерб причинялся в процессе сопротивления задержанию либо при преследовании, при этом:

— в 62,7 % случаев в качестве материального ущерба выступили расходы на медицинские обследование и лечение пострадавшего сотрудника полиции;

— в 29,5 % — значительные повреждения были причинены форменному обмундированию сотрудника полиции;

— в 3,9 % — ущерб был причинен служебному автомобилю (прокололи шины, помяли кузов в процессе драки);

— в 3,9 % случаев ущерб был причинен окружающей обстановке. В данных преступлениях агрессия преступников, находящихся в помещениях полиции, была направлена не только на сотрудников, но и на ассоциированные с ними предметы (таблички с фамилиями сотрудников на дверях, двери, дверные ручки, плакаты с информационными и агитационными материалами). Указанные действия были дополнительно квалифицированы как вандализм.

Форменное обмундирование является государственным имуществом и передается в собственность сотрудника ОВД по окончании срока носки, и все же имущественные требования о компенсации его порчи предъявлялись только самими сотрудниками полиции, а не представителями работодателя. Несмотря на то что в большинстве случаев, или в 56,8 %, имущественный вред был возмещен в добровольном порядке, надо признать, что с виновных очень редко взыскиваются уголовно-процессуальные издержки.

По одному уголовному делу в качестве потерпевшего был привлечен юрисконсульт отдела полиции. *Так, виновный, находясь в здании ОМВД, будучи в состоянии алкогольного опьянения, сорвал и сломал одну дверь, шесть навесных табличек, четыре дверные ручки, на которые были потрачены денежные средства указанного ОВД, причинив тем самым потерпевшему в лице юрисконсульта отдела П., уполномоченного представлять интересы данного ОВД, материальный ущерб на общую сумму 10 955 рублей 93 копеек¹.*

Нами выявлены также и другие недостатки следственной работы в части соблюдения государственных интересов. К примеру, согласно

ст. 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. По 8,7 % исследованных уголовных дел судами было вынесено постановление о прекращении уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим и освобождением виновного от уголовной ответственности, что нельзя признать правомерным, поскольку примирение в виде принесения публичных извинений и возмещение вреда осуществляется только в отношении пострадавшего сотрудника полиции, но не в отношении государства, понесшего репутационные издержки в результате посягательства на представителя власти. Из этого можно заключить, что неблагоприятные правовые последствия в виде возмещения ущерба и принесения извинений для прекращения дела и освобождения от уголовной ответственности за преступление в отношении обычного гражданина ничем не отличаются при посягательстве, совершенном против представителя власти.

Во-первых, указанная судебная практика стала возможной из-за широкого круга преступлений, охватываемых ст. 25 УПК РФ, во-вторых, из-за попустительства прокурорских работников, недостаточно действенным образом осуществляющих защиту государственных интересов в судах (государственные обвинители возражали против прекращения уголовного дела только в 33 случаях из 50), в-третьих, по причине отсутствия в материалах уголовного дела доказательств, раскрывающих репутационный ущерб, причиненный государству, и факта признания его потерпевшим, в-четвертых, в силу отсутствия правовой регламентации процедуры принесения публичных (а не личных) извинений государству в лице пострадавшего сотрудника полиции или руководителя ОВД, отражаемой в материалах дела.

Наиболее распространенными обстоятельствами, смягчающими наказание и отражающими закономерности криминальной и следственной деятельности, по рассматриваемым нами делам были:

- совершение преступления впервые (88,4 %);
- иные формы активного содействия раскрытию и расследованию преступления — раскаяние в содеянном, полное признание вины (50,5 %);
- заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (25,7 %);
- наличие малолетних детей (16 %);
- явка с повинной (6,5 %).

¹ Приговор Нагатинского районного суда г. Москвы от 26 мая 2016 г. по уголовному делу № 01-0466/2016 в отношении С. В. Сыченкова. URL: <http://sud-praktika.ru/precedent/145398.html> (дата обращения: 12.05.2021).

В остальных случаях смягчающими обстоятельствами являлись: беременность обвиняемой (3 случая) или супруги (сожительницы) обвиняемого (9 случаев), инвалидность и тяжелые заболевания преступника или членов его семьи — 13 случаев, наличие государственных и общественных наград, выдающихся спортивных достижений и почетных званий — 5 случаев, и др.

Ни в одном случае не зафиксировано смягчающих обстоятельств, дискредитирующих сотрудников ОВД как потерпевших, а именно:

— совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Так, для женщин характерны посягательства в отношении сотрудников ОВД в случае задержания родственников и знакомых виновной, но ни в одном уголовном деле это не выступило смягчающим обстоятельством;

— совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости (п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Применение приемов задержания является правомерным физическим воздействием со стороны сотрудников полиции, однако нередко оно чрезмерно, и виновные совершают посягательства в отношении сотрудника полиции не с целью скрыться, избежать наказания или из мести, а с целью прекратить нестерпимую физическую боль, например, как в следующем случае: *сотрудники ДПС остановили автомобиль виновной и потребовали предъявить документы. Не найдя их быстро, она отказалась выйти из автомобиля. Один из сотрудников открыл дверь и попытался забрать ключи от автомобиля, но она их спрятала, после чего сотрудники начали вытаскивать ее из автомобиля за руки и голову, при этом, со слов виновной, ей наносились удары, а она от них защищалась. Когда ее вытянули на улицу, ей заломили руки, терпеть эту боль у нее не было возможности. В момент, когда ей надевали наручники, от боли она укусила сотрудника, но это была мера защиты*¹;

— совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения (п. «ж» ч. 1

ст. 61 УК РФ). В следственно-судебной практике имеются случаи, когда сотрудник полиции, находясь в гражданской одежде, не представляясь и не предъявляя удостоверения, не требуя прекратить совершение правонарушения и оставаться на месте, приступал к задержанию правонарушителя, при этом первым нанося удар. В указанной ситуации сопротивление сотруднику полиции воспринималось правонарушителем не как насилие в отношении полицейского, а как необходимая оборона против агрессивного прохожего²;

— противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Нами выявлено 13 случаев непрофессионального поведения сотрудников полиции, послужившего поводом для посягательства на них, при расследовании 6 преступлений проводилась служебная проверка, и во всех случаях действия полицейских были признаны правомерными, по остальным 7 случаям правомерность действий и профессионализм сотрудников полиции даже не ставились под сомнение. Следователем и судом ни в одном из исследованных нами дел указанные обстоятельства не были установлены как смягчающие наказание, что говорит об отсутствии полноты и объективности расследования и устоявшейся пагубной для правосудия практики признания следствием и судом уже упоминавшейся нами «презумпции профессионализма и правомерности действий сотрудника ОВД».

Обстоятельства, отягчающие наказание, выявлены по 218 уголовным делам; наиболее часто в их качестве в соответствии с ч. 1.1 ст. 63 УК РФ судами признавалось совершение преступления в состоянии опьянения (144 из 218 дел). Нами замечена противоречивая следственно-судебная практика относительно толкования алкогольного опьянения как обстоятельства, отягчающего наказание. Напомним, что в состоянии алкогольного опьянения совершается абсолютное большинство данных преступлений — 77,4 %, однако только в трети из них это признавалось отягчающим наказанием обстоятельством. Учитывая примерно одинаковые условия и механизм совершения преступления, опьянение как отягчающее обстоятельство должно выступать, несомненно, по большому количеству дел.

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Иркутска от 20 февраля 2017 г. № 1-66/2017. URL: <http://sudpraktika.ru/precedent/296187.html> (дата обращения: 12.05.2021).

² Приговор Заволжского районного суда г. Ульяновска от 8 февраля 2017 г. по уголовному делу № 1-38/2017 в отношении Ш. И. Нуруллова. URL: <http://sudpraktika.ru/precedent/295990.html> (дата обращения: 12.05.2021).

В ходе изучения уголовных дел и решений суда нами было найдено две причины такой необъективной оценки состояния опьянения в следственно-судебной практике:

— во-первых, большинство уголовных дел о преступных посягательствах в отношении сотрудников ОВД заканчивается прекращением уголовного дела за примирением с потерпевшим или рассматривается в особом порядке, что подразумевает раскаяние виновного и его желание уменьшить наказание или быть освобожденным от него, а с другой стороны — стремление следователя и суда сократить время разбирательства. Общность интересов в данной ситуации достигается за счет судейского усмотрения относительно правовой оценки состояния опьянения виновного;

— во-вторых, следователи не всегда в ходе расследования устанавливают важные для правовой оценки опьянения обстоятельства (в частности, предкриминальное поведение лиц, совершивших преступные посягательства в отношении сотрудников ОВД) в этой части опьянение было отражено только в 10,7 % случаев. Медицинское освидетельствование для установления состояния и степени опьянения сразу после совершения преступления было проведено только в 21 % случаев совершения преступного посягательства в отношении сотрудников ОВД в состоянии опьянения.

С нашей точки зрения, для правильной правовой оценки состояния опьянения виновного необходимо проводить медицинское освидетельствование сразу после его задержания (совершения преступления) с дальнейшей экспертной оценкой его психического и физиологического состояния в момент посягательства, далее в первом же протоколе допроса обвиняемого (подозреваемого) следует отразить:

- кому принадлежала инициатива употребления опьяняющих веществ;
- мотивы и цели приведения виновным себя в состояние опьянения;
- количество и характеристики выпитого;
- продолжительность употребления опьяняющих веществ (запой);
- особенности влияния алкоголя на организм виновного;
- события, предшествующие употреблению опьяняющих веществ, и т. п.

Недостаточное внимание следствием уделяется и исследованию обстоятельств, способствовавших совершению преступления против сотрудников полиции. Только по четырем уголовным делам в ходе расследования были выявлены обстоя-

тельства, способствовавшие совершению преступления. Качество при этом также оставляет желать лучшего, в частности, единственным таким обстоятельством было признано совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения. Ранее выявленные нами как побудители к совершению преступления — правовая неграмотность преступника, незтичность поведения сотрудников полиции — не рассматривались как обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, ни по одному из дел.

Устранение причин и условий, способствовавших совершению посягательств рассматриваемой категории, является главной задачей правовой охраны сотрудника полиции. С этой целью во многих западных странах, в том числе Республике Беларусь¹, введена возможность для сотрудников правоохранительных органов носить нагрудные портативные видеокамеры, фиксирующие их действия в течение всего рабочего дня.

Интересен опыт сотрудников Кембриджского университета, которые в течение года анализировали деятельность почти 2 000 сотрудников полиции в США и Великобритании, постоянно использующих нагрудные портативные видеокамеры². Введение в повседневную деятельность полицейского подобного технологического новшества было обусловлено резонансными смертельными случаями столкновения с правоохранителями США, что создавало серьезные предпосылки для кризиса легитимности их деятельности. Эксперимент проходил на семи площадках с общим количеством населения более 2 000 000 человек и охватывал почти 1 500 000 часов работы полицейских. Офицеры полиции при общении с гражданами были обязаны предупреждать, что ведется непрерывная видеозапись общения, чем создавали так называемый эффект наблюдателя, т. е. присутствия третьего, объективного и независимого свидетеля конфликта с непрерываемым лимитом доверия как со стороны полицейского, так и стороны правонарушителя или заявителя.

Результаты проведенного исследования оказались впечатляющими как для граждан, так и для полицейских. В течение года количество жалоб на

¹ Новая эпоха: сотрудникам ГАИ раздают «нателные» видеорегистраторы. URL: <https://auto.onliner.by/2015/10/08/dozor> (дата обращения: 12.05.2021).

² Barak Ariel. Use of body-worn cameras sees complaints against police "virtually vanish", study finds. URL: <http://www.cam.ac.uk/research/news/use-of-body-worn-cameras-sees-complaints-against-police-virtually-vanish-study-finds> (date of access: 12.05.2021).

действия полицейских, носящих видеокамеру, снизилось на 93 %¹, что говорит об уменьшении в таких условиях количества конфликтных ситуаций при столкновении частных и публичных интересов. С одной стороны, граждане лишены возможности оклеветать правоохранителя и шантажировать его подачей необоснованной жалобы, а следовательно, вынуждены контролировать свое поведение, поскольку все, что они позволяют себе в отношении полицейского, будет зафиксировано видеокамерой и выступит веским доказательством в случае судебного разбирательства. С другой стороны, деятельность полицейских стала более прозрачной, они стремились минимизировать случаи отклонения от процессуальных правил и необоснованного применения мер принуждения (проверка документов, задержание и т. п.).

В России в качестве эксперимента несколько сотен нагрудных видеокамер-регистраторов «Дозор-77» проходили апробацию в подразделениях МВД столицы и подмосковных городах — в Одинцово, Королеве, Люберцах и Пушкино, — а также в Санкт-Петербурге, Мурманске, Краснодаре, Казани, Твери, Тюмени, Уфе, Саранске. Тотально оснастить персональными регистраторами в первую очередь планируется инспекторов дорожно-патрульной службы ГИБДД².

К сожалению, данная мера профилактики преступлений против сотрудников ОВД сильно затруднена традиционными системными проблемами ведомства — материальной и кадровой необеспеченностью подразделений полиции (недостаточность количества электронных носителей информации, отсутствие лиц, ответственных за оперативное копирование аудио- и видеозаписи правонарушения без снятия сотрудников полиции с маршрута патрулирования, и должного нормативного регулирования порядка передачи и приобщения к материалу административного или уголовного дела электронного носителя, резкое увеличение количества выявленных правонарушений на фоне систематических сокращений в ОВД и образующегося кадрового некомплекта подразделений полиции). Отчасти в силу этих обстоятельств примерно треть опрошенных нами со-

трудников полиции скептически относятся к ношению нагрудных видеорегистраторов во время выполнения служебных обязанностей для обеспечения их личной безопасности.

Другим значимым фактором, способствующим совершению преступных посягательств в отношении сотрудников правоохранительных органов, являются правовые инфантилизм, негативизм, нигилизм, эгоцентризм, радикализм, популизм и др., которые, будучи усугубленными состоянием алкогольного опьянения, при возникновении конфликтной ситуации часто в результате низкопрофессиональных, а иногда и незаконных действий сотрудников полиции приводят к совершению преступления. В связи с этим юридическое образование должно стать цивилизационным образовательным стандартом в Российской Федерации, воплощающим гуманитарные ценности и идеалы.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Поводом для предварительной проверки материалов по рассматриваемой категории преступлений должен быть рапорт пострадавшего сотрудника полиции или его руководителя (в случае отсутствия возможности у потерпевшего) как лиц, обязанных принимать сообщения о совершенных преступлениях, выявлять и пресекать их. Решение о возбуждении уголовного дела целесообразно принимать после завершения ведомственных служебных проверок и административно-процессуальных процедур в отношении виновного и потерпевшего в целях обязательного приобщения их к материалам расследования как доказательств законности действий потерпевшего.

На начальной стадии расследования, как правило, складываются две типичные следственные ситуации:

1) подозреваемый не оказывает противодействия расследованию, дает правдивые показания либо показания с незначительными расхождениями, не влияющими на квалификацию деяния и организацию расследования;

2) виновный не признает вины либо другими способами противодействует расследованию.

В следственно-судебной практике нами выявлен (приведен выше) ряд типичных недостатков в части установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, по делам о преступных посягательствах в отношении сотрудников ОВД и предложены соответствующие пути их устранения.

¹ A Global Multisite Randomized Controlled Trial on the Effect of Police Body-Worn Cameras on Citizens' Complaints Against the Police. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0093854816668218> (date of access: 12.05.2021).

² Ломакин Д. За гаишниками присмотрит «Дозор». URL: https://www.gazeta.ru/auto/2016/12/08_a_10412891.shtml (дата обращения: 02.01.2021).

1. Медведева С. В., Ментюкова М. А., Попов А. М. Обвинительный уклон в уголовном процессе: проблемы правоприменения // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 137—141.

2. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Москва: Наука, 1968. 468 с.

3. Чурилов С. Н. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве и криминалистике: науч.-практ. пособие. Москва: Юстицинформ, 2010. 136 с.

Замылин Евгений Иванович,

профессор кафедры криминалистики
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
efrommm@mail.ru

Плешакова Оксана Владимировна,

начальник отдела правового контроля
Правового управления ГУ МВД России
по Волгоградской области,
кандидат юридических наук;
opleshakova@mvd.ru

1. Medvedeva S. V., Mentyukova M. A., Popov A. M. Accusatory bias in the criminal process: problems of law enforcement. Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii, 137—141, 2018. (In Russ.).

2. Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal process. Vol. 1. Moscow: The science; 1968: 468. (In Russ.).

3. Churilov S. N. Subject of proof in criminal proceedings and criminalistics. scientific and practical guide. Moscow: Yustitsinform; 2010: 136. (In Russ.).

Zamylin Evgeny Ivanovich,

professor at the department of criminalistics
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
efrommm@mail.ru

Pleshakova Oksana Vladimirovna,

head of Legal Control of the Legal Department
of the State Department of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
for the Volgograd region,
candidate of juridical sciences;
opleshakova@mvd.ru

Статья поступила в редакцию 02.12.2021; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 02.12.2021; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.123

doi: 10.25724/VAMVD.ZABC

**РАЗВИТИЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНЫХ НАЧАЛ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
В НОВОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ**

Уулжан Эмилбековна Иманалиева

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, uulzhani@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о реформировании уголовно-процессуального законодательства постсоветских стран. Особое внимание уделено развитию состязательных начал досудебного производства в новом уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и Кыргызской Республики. Автором проанализирована эволюция института следственных судей и депонирования показаний в указанных государствах. Рассмотрен зарубежный опыт существования исследуемого института и его возможные последствия. Проводятся параллели с активизировавшейся научно-практической дискуссией о введении фигуры следственного судьи в российский уголовный процесс и обосновывается целесообразность обращения к соответствующему положительному опыту Кыргызской Республики. В связи с тем что в Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики, вступившем в действие в 2021 г., в досудебном производстве основным субъектом доказывания по прежнему остался следователь, а процедура познания происходит до и вне суда, сделан вывод о том, что уголовный процесс Кыргызстана является смешанным, хотя в его положениях и присутствует указание на состязательность.

Ключевые слова: досудебное производство, состязательность, следственный судья, судебный контроль, депонирование показаний, объективность, права участников уголовного процесса

Для цитирования: Иманалиева У. Э. Развитие состязательных начал досудебного производства в новом уголовно-процессуальном законодательстве постсоветских государств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 102—107. doi: 10.25724/VAMVD.ZABC

**DEVELOPMENT OF ADVERSARIAL PRINCIPLES OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS
IN THE NEW CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF POST-SOVIET STATES**

Uulzhan Emilbekovna Imanalieva

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, uulzhani@bk.ru

Abstract. The article deals with the issue of reforming the criminal procedure legislation of post-Soviet countries. Special attention is paid to the development of adversarial principles of pre-trial proceedings in the new criminal procedure legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic.

The author attempts to analyze the development of the institute of investigative judges and deposition of testimony in the above-mentioned states. Attention is drawn to the foreign experience of the existence of the institute under study, the possible consequences are analyzed.

Parallels are drawn with the scientific and practical discussion that has intensified in recent years on the introduction of the figure of an investigative judge into the Russian criminal process and the expediency of referring to the relevant positive experience of the Kyrgyz Republic is justified.

Keywords: pre-trial proceedings, adversarial proceedings, investigating judge, judicial control, deposition of testimony, objectivity, rights of participants in criminal proceedings

For citation: Imanalieva U. E. Development of adversarial principles of pre-trial proceedings in the new criminal procedure legislation of Post-Soviet states. Journal of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia, 102—107, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.ZABC

С распадом Советского союза произошли определенные общественно-политические и экономические преобразования в странах, входивших в его состав. Значительные изменения привели к последовательному формированию уголовно-процессуального законодательства. В частности, мы наблюдаем эволюцию уголовного судопроизводства, в том числе расширение правовых возможностей защиты интересов личности в обозначенной нами сфере. В связи со сказанным основное внимание обратим на развитие состязательных начал досудебного производства в новом уголовно-процессуальном законодательстве постсоветских государств. Проведем анализ практических и теоретических проблем законодательства, регламентирующего деятельность субъекта уголовного процесса — следственного судьи, и депонирование показаний, поскольку данные институты обеспечивают реализацию прав и свобод личности на досудебной стадии уголовного судопроизводства, регулируют круг правовых отношений в социуме.

Вопросы, связанные с изучением состязательности начал уголовного судопроизводства, часто становились объектом внимания исследователей. Так, их различные аспекты были изучены в работах С. Д. Шестаковой, Я. О. Мотовилова, В. П. Нажимова, М. С. Строговича, М. А. Чельцова-Бebutова, М. Л. Якуба и др. Отметим, что существенный вклад в теорию состязательности внес М. С. Строгович, по мнению которого «состязательность состоит именно в том, что суд рассматривает дело с участием сторон — обвинения и защиты, причем всеми правами стороны пользуется обвиняемый (подсудимый). Характерно, что все стороны: обвинитель, потерпевший, подсудимый, защитник, а также гражданский истец и гражданский ответчик и их представители, — наделены равными процессуальными правами для отстаивания перед судом своих требований, для оспаривания, опровержения требований и утверждений других сторон. Функции сторон — обвинения и защиты — отделены от функции суда, который в судебном разбирательстве не является стороной, наделен руководящей и решающей ролью» [1]. Анализ дефиниций позволил прийти к выводу о том, что идеи названного автора являются основополагающими.

В современном правовом демократическом государстве человек, его жизнь, права и свободы признаются высшей ценностью. Это закреплено в конституциях Российской Федерации и Кыргызской Республики. Через данную призму необходимо

оценивать всю систему взаимоотношений государства, общества и гражданина. Основами реформ уголовного процесса в странах постсоветского пространства сегодня являются защита человека от несправедливости и формирование гуманной процедуры судопроизводства.

При рассмотрении развития состязательных начал досудебного производства в новом уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации следует подчеркнуть, что этот феномен известен уголовному процессу в течение долгого времени. Так, в 1864 г. в Устав уголовного судопроизводства был включен данный принцип, однако многие годы он практически не использовался, преобладал инквизиционный уголовный процесс [2].

Исторически законодатель определял состязательность ориентиром построения уголовного судопроизводства. Но этот принцип не всегда реализовывался, не все признаки состязательности начал уголовного судопроизводства находили отражение в уголовно-процессуальном законодательстве. Некоторые аспекты требовали внесения изменений и дополнений в целях устранения коллизий, которые, как правило, ограничивали возможность осуществления эффективной защиты прав и законных интересов граждан на основе состязательных начал уголовного судопроизводства.

С учетом сказанного для определения новых подходов к оценке правовой природы, а также значения досудебного производства сегодня требуется проведение комплексного анализа развития состязательных начал досудебного производства в новом уголовно-процессуальном законодательстве постсоветских государств.

Принцип состязательности предусмотрен ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации («судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон»), где системно представлены особенности судебного разбирательства¹.

Исследуя развитие состязательных начал досудебного производства в новом уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, обратим внимание на положения ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), закрепляющие принцип уголовного судопроизводства². Здесь говорится о со-

¹ См.: URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 17.01.2022).

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред.

ствязательности сторон, модели взаимоотношений участников, и на первый план выходит защита прав и законных интересов личности, всех участников уголовного процесса.

В ходе изучения принципа состязательности начал досудебного производства в новом уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации первостепенен вопрос внедрения фигуры следственного судьи и депонирования показаний. Однако сегодня процесс введения в практическую деятельность института следственного судьи находится в стадии развития.

Необходимо заметить, что в настоящее время среди российских ученых идут споры об организации и контроле судебной власти в досудебном производстве. По их мнению, это будет способствовать обеспечению реализации прав и свобод участников всего процесса, поможет оградить их от незаконных действий должностных лиц и органов, выполняющих функцию уголовного преследования. Так, возникновение и развитие судебного контроля в виде судебной защиты прав и свобод граждан является действенным механизмом обеспечения прав и свобод личности в уголовном процессе.

В свое время советник Конституционного Суда Российской Федерации доктор юридических наук, профессор А. В. Смирнов предложил понятие института следственного судьи. В соответствии с этим были внесены системные предложения для принятия нормативных актов, которые касались сущности данного института¹.

Таким образом, по мнению ученых, сегодня понятие «следственный судья» должно подразумевать под собой судью первой инстанции. Эта фигура будет действовать на стадии возбуждения уголовного дела в пределах полномочий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. Правосудие «прежде всего, должно осуществляться в пределах наделенных полномочий в форме судебного контроля за соблюдением конституционных прав личности, наличием законных оснований для передачи уголовного дела в суд. Более того, в его полномочия должно входить оказание сторонам содействия в собирании судебных доказательств путем проведения судейских следственных действий» [3].

от 21.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ См.: Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (дата обращения: 20.06.2016).

С точки зрения Т. Г. Морщаковой, задача следственного судьи должна состоять в осуществлении активного судебного контроля за расследованием, однако без принятия на себя функции уголовного преследования².

С. Шейфер и А. Бобров отмечают: «На современном этапе следственный судья рассматривается в контексте замены следователя как представителя стороны обвинения на независимого и самостоятельного субъекта, каковым может быть только представитель судебной власти, отвечающий не за результаты раскрытия, расследования и привлечения к уголовной ответственности обвиняемого, а за беспристрастное, объективное, всестороннее расследование — исследование обстоятельств совершенного преступления» [4].

Таким образом, следственный судья становится значимым участником досудебного производства, который осуществляет полномочия фактически с момента решения вопроса о возбуждении стороной обвинения уголовного дела до его передачи в суд. Прежде всего следственный судья не должен подчиняться руководству судов, выступать на стороне обвинения или защиты, а должен быть арбитром, способствующим беспристрастному и объективному расследованию преступления, иными словами, должен контролировать ход предварительного следствия. «При этом следственный судья ни в коем случае не может принимать дальнейшее участие в судебном разбирательстве, так как в этом случае будет нарушен принцип независимости, беспристрастности и объективности»³. Так, по мнению А. В. Смирнова, возложение на следственного судью обозначенных полномочий представляется наиболее целесообразным, поскольку это обеспечивает независимый предварительный фильтр, гарантирующий поступление в суд подготовленных обвинений.

Итак, сегодня в целях организации прозрачного и объективного судопроизводства в правоприменительной практике наблюдается стремление создать институт следственного судьи. В первую очередь это способствует обеспечению открытой состязательности уголовного процесса, устранению его обвинительного уклона, поможет найти баланс между защитой, обвинением и судом.

---

² См.: Морщакова Т. Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации. URL: <http://www.iaaj.net/node/1718> (дата обращения: 20.06.2016).

³ Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20121218/2658214_guO71.html#xzz4NX7y (дата обращения: 24.03.2017).

Следующим новшеством в вопросах уголовного судопроизводства Российской Федерации должно выступить депонирование показаний, которое повлечет за собой качественно новую перестройку множества уголовно-процессуальных институтов. Л. А. Воскобитова пишет: «Судебное депонирование — один из способов придания фактам, добытым защитником, законной силы. Это особенно актуально, когда защитник видит в действиях следователя незаконные методы воздействия на свидетеля в виде угроз, запугивания или подобные действия со стороны иных лиц, или особенности возраста и понимает, что, возможно, не сможет обеспечить явку таких свидетелей в суд для проведения допроса там. Именно поэтому депонирование показаний предоставляет защитнику возможность добыть процессуальное доказательство и без производства дополнительных, специальных следственных действий, узаконить его» [5].

Говоря о перспективе уголовного процесса, отметим, что в дальнейшем депонирование показаний позволит на досудебном этапе получать доказательства, которые могут быть приняты в суде. Так, данная легитимная процедура будет соответствовать ряду значимых требований, предусмотренных законодательством. Прежде всего сюда необходимо отнести основания проведения депонирования, перечень лиц, имеющих право инициировать депонирование показаний, круг субъектов, наделенных правом проводить процедуру. Заинтересованные стороны производства в лице прокурора, обвиняемого или защитника могут иметь право инициировать депонирование. Примечательно, что изначально предварительное ходатайство должно быть заявлено сторонами в суд, который самостоятельно или с их участием организует депонирование.

Таким образом, представляется, что состязательность начал есть определенная модель уголовного судопроизводства, в которой спор равных сторон будет разрешаться независимым судом.

Заметим, что в настоящее время принцип состязательности законодательно закреплен не только в России, но и в Кыргызской Республике, где происходит совершенствование правосудия и реформирование судебной системы.

При изучении состязательных начал досудебного производства в новом уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики необходимо обратить внимание на то, что произошло усиление защиты прав и законных интересов личности, разделены процессуальные

функции, акцент сделан на равноправии сторон обвинения и защиты, существенно расширены границы состязательного процесса в условиях досудебного производства — это зафиксировано в положениях ст. 18 «Принцип осуществления уголовного судопроизводства на основе равноправия и состязательности сторон» Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики [6]. Теперь одной из обязательных стадий уголовного процесса является досудебное производство, где предусмотрено внедрение ряда новелл в виде института депонирования показаний, введения фигуры следственного судьи.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству Кыргызстана следственный судья представляет собой должностное лицо судебной власти. Его деятельность нацелена на осуществление судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека на стадии досудебного производства. Кроме того, в перечень его полномочий входят принятие решения о применении мер безопасности в отношении участников процесса, депонирование показаний, утверждение процессуального соглашения, разрешение жалоб на действия и решения должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство. В соответствии с законом границы деятельности следственного судьи сводятся к ознакомлению со всеми материалами досудебного производства, получению дополнительных материалов, единоличному рассмотрению вопросов в судебном заседании. Н. Н. Ковтун отмечает: «Организационно независимый от диктата вышестоящих судебных инстанций, изначально наделенный необходимыми процессуальными средствами для независимой и всесторонней проверки действий и решений следственных органов и прокурора, институт специализированных следственных судей может и должен стать необходимым звеном в системе сдержек и противовесов в механизме правового регулирования» [7].

Современное уголовно-процессуальное законодательство Кыргызской Республики в условиях уголовного судопроизводства особое значение придает суду. Именно он в лице следственного судьи играет ключевую роль на стадии досудебного производства.

Принципиально новым явлением досудебного производства также выступает институт депонирования показаний. Сегодня эта процедура регламентирована ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, способствует минимизации возможных злоупотреблений и расширению прав защиты.

Однако, несмотря на новшества в досудебном производстве, считаем, что процесс движения в сторону состязательности в Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики 2021 г. охватывает только предварительное расследование. Об этом свидетельствует тот факт, что в досудебном производстве основным субъектом является следователь, а сама процедура познания происходит до и вне суда. Отсюда весь уголовный процесс Кыргызстана остается смешанным, хотя понятие состязательности присутствует.

Предшествующий Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики содержал в себе элементы бюрократии, в условиях которой не всегда защищаются права и свободы человека, поэтому новая редакция кодекса регламентирует и процессуальное соглашение сторон, и возбуждение уголовного дела.

Общеизвестно, что уголовный процесс начинается с возбуждения уголовного дела — стадии, когда следователи выносят постановление о возбуждении уголовного дела или отказывают в нем. Взамен данной стадии имплементируется новый институт — Единый реестр преступлений. Это значит, что все поступающие заявления (сообщения) о преступлениях должны своевременно фиксироваться следователем или прокурором в Едином реестре преступлений. Как только это происходит, проводится следственное действие.

Скажем несколько слов и о процессуальном соглашении, которое может быть представлено в нескольких видах: соглашение о признании вины, примирении сторон. Данный институт защищает права и интересы лица, совершившего преступление. Например, согласно сущности процессуального соглашения о примирении сторон обоим участникам дела можно примириться с момента досудебного производства до вынесения приговора судом либо при помощи медиатора. Однако если речь идет о тяжких и особо тяжких преступлениях, примириться стороны не могут. Говоря о процессуальном соглашении о признании вины, отметим, что в этом случае человек признает свою вину, что разгружает правоохранительные органы и суд.

При анализе развития состязательных начал в уголовном судопроизводстве важно отметить, что на современном этапе они существуют в некоторых развитых государствах и странах постсоветского пространства: Испании, Бельгии, Германии, Франции, Нидерландах, Швейцарии, Литве, Латвии, Молдове, Украине, Казахстане. В уголовном процессе обозначенных стран фигура следственного судьи включена в состав обязательных участников всего досудебного производства.

В рамках досудебного производства основополагающей задачей судьи является обеспечение прав человека. Справедливость и равенство сторон, расширение судебного контроля за органами досудебного расследования становятся первостепенными, поэтому эффективная деятельность следственных судей в зарубежных странах и исторический опыт нашего государства входят в число фактов, свидетельствующих о необходимости внедрения обозначенного института в современное правовое поле.

Сегодня в науке уголовного процесса проблема сущности института следственного судьи активно обсуждается. Очевидно, что данное преобразование должно проходить сначала в виде правового эксперимента, что позволит выявить возможные проблемные стороны и определить степень влияния института на уголовное судопроизводство в целом.

В практике судопроизводства Кыргызстана введение фигуры следственного судьи реализовало потребность в законодательном совершенствовании правил рассмотрения судом жалоб на действия других участников судопроизводства.

Стоит обратить внимание на то, что понятие следственного судьи в уголовном процессе Кыргызстана не устоялось, следовательно, будет вызывать вопросы. Тем не менее положительный результат данного нововведения уже очевиден. Передача следственному судье ключевых полномочий позволила существенно повысить уровень организации досудебного судопроизводства, что стало, по сути, условием его объективности. В процессе доказывания обеспечивается процессуальное равенство сторон обвинения и защиты за счет наделения следственного судьи полномочиями по депонированию показаний.

Таким образом, институт следственного судьи и депонирование показаний уголовного судопроизводства Кыргызской Республики являются инструментами, с помощью которых со временем государство приблизится к мировым стандартам защиты прав и свобод человека и гражданина.

В результате анализа основных направлений реформирования досудебного производства Российской Федерации и предполагаемых путей усиления судебного контроля за ним можно говорить о том, что последовательная трансформация требует концептуального переосмысления государственной политики в сфере уголовного судопроизводства и переустройства досудебного производства. Так, в условиях модернизации уголовного судопроизводства для выполнения

специфических задач ведущую роль сыграет психологическая готовность представителей судебных и правоохранительных органов. В любом случае последовательная модернизация российского уголовного судопроизводства предполагает прове-

дение более качественной и системной работы по вопросам определения системно-организационных мероприятий и внедрения новелл в уголовно-процессуальную практику.

1. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 703 с.

2. Галоганов Е. А. Проблемы реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 30 с.

3. Рябинина Т. К. Быть ли следственному судье в российском уголовном процессе? // Lex Russica. 2017. № 12 (133). С. 200—213.

4. Шейфер С., Бобров А. Процессуальная самостоятельность следователя: мнение практиков // Законность. 2006. № 5. С. 31—34.

5. Воскобитова Л. А. Состязательность: две концепции участия адвоката в доказывании // Уголовное судопроизводство. 2012. № 2. С. 22—24.

6. Кульбаев А. К. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики 2017: новеллы. Бишкек, 2018. 183 с.

Ковтун Н. Н. Специализированный следственный судья: за и против // Российская юстиция. 2010. № 9. С. 41—45.

Иманалиева Уулжан Эмилбековна,
адъюнкт Санкт-Петербургского
университета МВД России;
uulzhani@bk.ru

1. Strogovich M. S. The course of the Soviet criminal process. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR; 1958: 703. (In Russ.).

2. Galoganov E. A. Problems of implementation of the adversarial principle in criminal proceedings of the Russian Federation. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2008: 30. (In Russ.).

3. Ryabinina T. K. Should there be an investigating judge in the Russian criminal process? Lex Russica, 200—213, 2017. (In Russ.).

4. Sheifer S., Bobrov A. Procedural independence of the investigator: the opinion of practitioners. Legitimacy, 31—34, 2006. (In Russ.).

5. Voskobitova L. A. Competitiveness: two concepts of participation of a lawyer in proving. Criminal litigation, 22—24, 2012. (In Russ.).

6. Kulbaev A. K. Code of Criminal Procedure of the Kyrgyz Republic 2017: novels. Bishkek; 2018: 183. (In Russ.).

7. Kovtun N. N. Specialized investigating judge: for and against. Russian justice, 41—45, 2010 (In Russ.).

Imanalieva Uulzhan Emilbekovna,
associate adjunct of the Saint Petersburg
University of the Ministry of the Interior of Russia:
uulzhani@bk.ru

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.985.7

doi: 10.25724/VAMVD.ZBCD

**СОДЕРЖАНИЕ ОСНОВНЫХ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ**

Яна Александровна Климова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
aya3008@yandex.ru

Аннотация. Проблема качественного противодействия преступности несовершеннолетних остро стоит уже на протяжении многих десятилетий, однако в последнее время с появлением и развитием новых трендов в преступности она приобрела особое значение. Анализ уголовных дел свидетельствует о том, что кроме «традиционных» правонарушений значительно увеличилось количество преступлений, совершенных несовершеннолетними с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий. В статье с учетом современных тенденций развития подростковой преступности рассматриваются основные структурные элементы криминалистической характеристики механизма преступлений указанной категории и их содержание. Предметом исследования являются закономерности механизма совершения таких преступлений, их отражение в материальной обстановке и идеальных образах, особенности способа подготовки, совершения и сокрытия преступления, специфика психологических черт личности и поведения несовершеннолетних преступников, раскрывающие закономерности расследования, а также практика их применения. В результате комплексного анализа статистических данных разрабатываются криминалистические научно обоснованные рекомендации, направленные на повышение эффективности деятельности органов предварительного расследования по уголовным делам рассматриваемой категории. Автором также подчеркивается дальнейшая перспективность криминалистической разработки элементов криминалистической характеристики механизма преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Ключевые слова: преступления, совершенные несовершеннолетними; преступления, совершенные с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий; криминалистическая характеристика механизма преступления; предмет преступного посягательства; обстановка совершения преступления; способ совершения преступления; механизм следообразования; личность преступника

Для цитирования: Климова Я. А. Содержание основных структурных элементов криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 108—113. doi: 10.25724/VAMVD.ZBCD

**BASIC STRUCTURAL ELEMENTS SUBJECT MATTER WITH REGARD
TO FORENSIC CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED BY TEENAGERS**

Yana Aleksandrovna Klimova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, aya3008@yandex.ru

Abstract: The qualitative crime prevention committed by teenagers has been being an urgent problem since long decades; however it assumed special importance due to rise and development of new criminal trends. Analysis of criminal cases provides evidences that except for commitment of «traditional» crimes a number of teenagers committed crimes by using contemporary information telecommunication technologies has grown dramatically. Basic structural elements of forensic characteristics of the crime mechanism as well as their subject matter are reviewed herein considering contemporary trends of teenage crimes development. Subject of investigation are the regularities in committed crimes under review, their reflections in material environment and ideal images, peculiarities of modus operandi of criminals, distinctions of psychological personality features and minor criminals behavior, which disclose investigation regularities, as well as practice of their application. Following statisti-

cal data comprehensive review forensic-related science-based recommendations are being developed, intended to improvement of efficiency of preliminary investigation bodies activity with regard to criminal cases of the category under review. In addition, the author underlines the future prospective criminalistics development of elements of forensic characteristics of the crimes mechanism committed by teenagers.

Keywords: crimes committed by teenagers; crimes committed by using contemporary information telecommunication technologies; forensic characteristics of the crime mechanism, subject matter of a criminal infringement, crime situation, modus operandi of criminals, marking formations, criminal identity

For citation: Klimova Ya. A. Basic structural elements subject matter with regard to forensic characteristics of crimes committed by teenagers. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 108—113, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.ZBCD

Борьба с преступностью несовершеннолетних согласно положениям, закрепленным в Стратегии национальной безопасности, является приоритетным направлением ее реализации¹. Это обусловлено тем, что проблема подростковой преступности не теряет своей актуальности на протяжении последних десятилетий и в настоящее время приобрела качественно новое содержание.

Анализ уголовных дел и судебной практики показывает, что современные подростки совершают как «традиционные» преступления, так и преступления, связанные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Безусловно, широкий спектр преступлений, совершаемых несовершеннолетними, предопределяет специфику расследования каждого из них. Однако несмотря на это в методике расследования всех преступлений, совершаемых несовершеннолетними, есть общие черты, которые в совокупности составляют их криминалистическую характеристику.

Исследованию отдельных элементов криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними, посвящено большое количество исследований. Вместе с тем актуальность исследуемой проблемы обуславливается тем, что большинство работ либо не носят комплексного характера, рассматривая элементы какого-то конкретного вида преступлений, либо не отражают современного состояния преступности несовершеннолетних.

Рассмотрим подробнее особенности криминалистической характеристики «традиционных» преступлений, совершенных несовершеннолетними.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; План основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 января 2021 г. № 122-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В качестве предмета преступного посягательства «традиционных» имущественных преступлений обычно выступают денежные средства, мобильные телефоны, различные гаджеты (смарт-часы, фитнес-браслеты, беспроводные наушники, пауэрбанки, беспроводные колонки), игровые приставки, ноутбуки, средства передвижения (велосипеды, скутеры, гироскутеры, электросамокаты), трендовая одежда (спортивная одежда известных марок), модные аксессуары, продукты питания, игрушки и др.

Выбор предмета преступного посягательства продиктован несколькими особенностями:

— во-первых, «статусностью», престижностью вещей среди подростков, а не их реальной высокой стоимостью;

— во-вторых, малогабаритностью и компактностью вещей, чтобы их можно было легко спрятать и транспортировать;

— в-третьих, возможностью беспрепятственного сбыта похищенного (этим можно объяснить низкий процент хищений несовершеннолетними ювелирных украшений);

— в-четвертых, могут быть похищены и вовсе не представляющие ценности или бесполезные вещи (статуетка, зонтик), которые просто приглянулись несовершеннолетнему преступнику.

Обстановка совершения преступлений несовершеннолетними также обладает своей спецификой. *Место совершения преступления*, как правило, определяется районом проживания подростков, поскольку психологически они ощущают чувство защищенности в знакомом месте. Преимущественно это общественные места, плохо освещенные, малолюдные, которые расположены недалеко от мест, где несовершеннолетние проводят досуг (территории школ, парков, дворы домов и др.). Кроме этого, нередки хищения у своих одноклассников в образовательных организациях, хищения в магазинах, в гостях у друзей.

Говоря о *времени совершения преступлений*, следует отметить, что чаще всего преступления совершаются несовершеннолетними в весенне-

летний период, это обусловлено увеличением времени их нахождения на улице из-за благоприятных погодных условий. Увеличение числа преступлений также наблюдается в выходные, праздничные дни и каникулярный период. В эти дни увеличивается потребление алкоголя, в том числе среди подростков, что тоже является неблагоприятным фактором, повышающим уровень преступности несовершеннолетних. Корыстные преступления чаще всего совершаются несовершеннолетними вечером (как правило, в темное время) в период с 16 до 24 часов, реже — ночью. Это вызвано тем, что, как правило, несовершеннолетние в первой половине дня находятся на учебе. Однако хищения в образовательных организациях, наоборот, происходят в дневное время, во время перемен между уроками.

Особенностью такого элемента криминалистической характеристики как *типичные следы совершения преступления*, является наличие большого количества материальных следов, оставляемых несовершеннолетними (обуви, папиллярных узоров пальцев рук, а также окурки, упаковки из-под сигарет и продуктов, пустые банки и бутылки и др.). Это объясняется тем, что несовершеннолетние преступники редко предпринимают действия по их сокрытию после совершения преступления. Чаще всего на месте преступления остаются следы излишних разрушений, вандализма, надписи, граффити, иные последствия действий хулиганского характера.

Личность потерпевшего. Потерпевшими могут быть как взрослые люди (как правило, это пожилые люди или женщины, которые не могут дать отпор), так и несовершеннолетние. Чаще всего в отношении сверстников совершаются корыстные и насильственные преступления. В этом случае потерпевшими являются ученики младших классов, «белые вороны», «аутсайдеры».

Одним из существенных элементов криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений выступает *личность несовершеннолетнего преступника*.

Согласно статистическим данным основной возраст совершения преступлений — 16—17 лет, что составляет 63,7 % от общего числа несовершеннолетних преступников. Доля лиц в возрасте 14—15 лет составляет 36,3 %. Большинство несовершеннолетних преступников мужского пола — 89,9 %. Однако в последние годы намечается

тенденция увеличения количества преступлений, совершенных несовершеннолетними девушками¹.

Образовательный уровень несовершеннолетних невысок: чаще всего преступления совершают учащиеся школ либо нигде не занятые (не работающие и не учащиеся), реже — студенты ссузов и вузов².

Так, учащимися школ города за период 2020 г. в г. Волгограде совершено 145 преступлений, что на 2,8 % больше аналогичного периода 2019 г. — 141. Всего в 2020 г. школьниками совершено 38,7 % от общего количества преступлений, совершенных несовершеннолетними (374).

Анализ состояния преступности среди студентов (подростков) средних специальных учебных заведений города показал, что за 12 месяцев 2020 г. количество преступлений, совершенных подростками данной категории, снизилось на 17,7 % — с 118 до 97 преступлений. В то же время число учащихся ссузов, совершивших преступления, уменьшилось на 17,9 % — с 139 до 114 подростков.

Структура и динамика преступности среди несовершеннолетних учащихся средних специальных учебных заведений характеризуется тем, что предметом преступного посягательства в большинстве преступлений выступает чужое имущество (кража, грабёж, разбой, вымогательство, угон), но имеются единичные случаи совершения преступлений против общественной нравственности (незаконные изготовление и оборот порнографических материалов).

Кроме того, за 2020 г. на территории г. Волгограда пятью несовершеннолетними студентами высших учебных заведений было совершено пять преступлений. Данные преступления были совершены преимущественно несовершеннолетними, ранее не попадавшими в поле зрения сотрудников полиции.

Анализ приведенных данных свидетельствует об увеличении количества корыстно-насильственных преступлений, совершенных подростками (например, 75 % от общего числа преступлений составляют грабежи и разбои (ст. 161 и 162 УК РФ))³.

Отдельно следует сказать о росте числа лиц, ранее судимых или состоящих на профилактическом учете в ПДН, среди несовершеннолетних преступников. Так, на учете в ПДН ОП Управления МВД России

¹ Генеральная прокуратура: офиц. сайт. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news1828306/> (дата обращения: 30.11.2021).

² Анализ состояния преступности несовершеннолетних в г. Волгограде за 12 месяцев 2020 г., за первое полугодие 2021 г. (на основании материалов уголовных дел).

³ Там же.

по г. Волгограду состоят 633 несовершеннолетних, из них судимых — 38 (имеют условную меру наказания)¹.

Полагаем, что одной из причин совершения ранее судимыми подростками преступлений является необоснованное применение судами наказаний, не связанных с лишением свободы, к несовершеннолетним, ранее совершавшим преступления или правонарушения. Имеются случаи назначения условной меры наказания подростку без учета характера и степени общественной опасности совершенных им преступлений, а также его исправления или перевоспитания без изоляции от общества. Мягкая мера наказания, а порой безнаказанность, не вменение судами обязанностей способствуют совершению повторных преступлений.

Причиной повторной преступности несовершеннолетних является не занятость ранее судимых подростков общественно полезным трудом, а также малоэффективная работа комитетов по делам молодежи, центров занятости по их трудоустройству.

Кроме того, за 12 месяцев 2020 г. на территории г. Волгограда подростками в состоянии алкогольного или наркотического опьянения совершено 29 преступлений, что на 20,8 % больше, чем в аналогичный период 2019 г.²

Среди *типичных психологических черт личности* несовершеннолетнего преступника можно выделить следующие:

- отсутствие ответственности за свои действия;
- пренебрежение общепризнанными правилами поведения, несоблюдение моральных и правовых норм;
- обостренное, гипертрофированное чувство независимости, самовыражения;
- отсутствие жизненных ценностей;
- агрессивность, чрезмерная жестокость, дерзость, садизм;
- сильная зависимость от мнения круга общения;
- ограниченный круг интересов и безразличие к мнению других людей;
- концентрация на удовлетворении своих потребностей;
- ложные ценности, восприятие «фейковой» и негативной информации через СМИ и Интернет.

Особое внимание следует уделить *негативным факторам*, влияющим на преступность несовершеннолетних:

- рост алкоголизма, наркомании и токсикомании;
- половая распущенность, проституция;
- длительная незанятость;
- увеличение процента психических заболеваний;
- общение с ранее судимыми лицами;
- неблагоприятный климат в семье, окружении;
- межэтническая ненависть, вражда;
- стрессовые ситуации в жизни;
- психологические проблемы, порождающие деструктивные формы поведения (например, суицид).

Отдельно отметим такой специфический элемент криминалистической характеристики, который присущ именно рассматриваемой категории дел — *обстоятельства, предшествующие, сопутствующие и связанные с преступлением*. К ним относятся:

- неразоблаченность ранее совершенного преступления, которое может быть такого же вида, как и вновь совершенное, либо «сопутствующим», влекущим новое преступление или даже целую серию преступлений;
- участие в неформальных объединениях сверстников, влияние референтных групп;
- особенности характеристики условий жизни и воспитания несовершеннолетних;
- оказание негативного влияния старших по возрасту лиц, прежде всего совершеннолетних, в том числе членов семьи.

Важную роль в изучении преступлений, совершенных несовершеннолетними, играет такой элемент криминалистической характеристики, как *способ их совершения*.

Говоря о *способе совершения* «традиционных» преступлений (как правило, имущественных), следует отметить, что для большинства из них характерно отсутствие действий как по подготовке к их совершению, так и по сокрытию следов. В то же время в силу отсутствия жизненного опыта для несовершеннолетних не характерны инсценировка преступления или сложные пути его осуществления.

Проиллюстрировать это можно следующим примером. В конце апреля 2020 г. у несовершеннолетнего Д. В. Стафийчука, находящегося в квартире у своего знакомого и увидевшего лежащую на тумбе банковскую карту ПАО «РНКБ» на имя И. И. Иванова с пин-кодом, из корыстных побуждений возник преступный умысел, направленный на тайное хищение денежных средств с банковского счета. Д. В. Ста-

¹ Анализ состояния преступности несовершеннолетних в г. Волгограде за 12 месяцев 2020 г., за первое полугодие 2021 г. (на основании материалов уголовных дел).

² Там же.

фийчук взял указанную банковскую карту ПАО «РНКБ», лист с пин-кодом и вышел из квартиры. Продолжая реализовывать свой преступный умысел, Д. В. Стафийчук совершил операцию по перечислению денежных средств на свой абонентский номер, далее расплачивался в магазинах похищенной картой в качестве оплаты выбранных им товаров¹.

Еще одним примером отсутствия действий по подготовке и сокрытию следов преступлений у несовершеннолетних может служить следующий. Несовершеннолетний П. П. Петров, находясь в раздевалке СОШ № 1, обратил свое внимание на рюкзак несовершеннолетнего И. Н. Морозова, после чего, реализуя внезапно возникший преступный умысел, направленный на тайное хищение чужого имущества, действуя умышленно, из корыстных побуждений в целях личного обогащения, убедившись, что за его действиями никто не наблюдает и не может воспрепятствовать его преступным намерениям, путем свободного доступа из указанного рюкзака тайно похитил мобильный телефон марки Meizu M3s стоимостью 8 000 рублей, а также денежные средства в размере 4 000 рублей. После этого с места совершения преступления скрылся, распорядившись похищенным по своему усмотрению².

Особенность способа совершения рассматриваемых преступлений также заключается в том, что они все чаще совершаются с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий, и в основной своей массе несовершеннолетние преступники предпочитают дистанционный способ, не требующий специальных знаний в области техники, характеризующийся доступностью и анонимностью, легким доступом к широкой аудитории, глобальным распространением, высокой скоростью передачи информации, простотой в использовании, наличием мультимедийных возможностей, а также минимальными затратами и усилиями для совершения таких преступлений.

Вследствие этого подготовка к совершению преступления переместилась из реальной действительности в виртуальное пространство и осуществляется посредством передачи сообщений, аудио-, видео-записей.

Существенной особенностью является возрастание дерзости и циничности преступных деяний несо-

вершеннолетних, безжалостность, преобладание корыстных мотивов их совершения, стремление взять под контроль определенную территорию и сверстников, демонстративные формы девинантности.

Следует подчеркнуть, что разбои, грабежи, причинение вреда здоровью, изнасилования чаще совершаются в составе группы. Характерной чертой таких преступлений является то, что они сопровождаются бессмысленной жестокостью в отношении потерпевших (множественные телесные повреждения, вплоть до смертельных). Другим трендом современности стало фиксирование совершения насильственных преступлений посредством снятия видеоматериалов в прямом эфире («стримы») либо путем дальнейшего их опубликования в социальных сетях или рассылки видео через мессенджеры.

Так, жестокое видео, на котором было запечатлено избиение девушки несколькими подростками, которое произошло в апреле 2021 г. в г. Березовский Кемеровской области. В сообщении, которое сопровождало видео, говорится, будто бы одна из девушек приревновала своего парня к знакомой. Из-за этого она вместе с другими подростками жестоко избивала соперницу — ее пинали по голове, лицу, телу, наносили удары руками. Одну из избивавших свидетели драки даже оттаскивали от жертвы. Печально, что за всем происходящим наблюдали и девушки, и парни. Однако никто не вступился за ту, которую бьют³.

Похожий случай произошел в г. Березники Пермского края, где группа подростков избивала за гаражами 14-летнюю девочку. Ее поставили на колени, таскали за волосы и пинали, снимая все это на видео. Видео избиения подростки начали пересылать друг другу в мессенджерах⁴.

Таким образом, можно выделить следующие признаки способа совершения преступления, указывающие на несовершеннолетний возраст преступников:

— отсутствие подготовительного этапа при совершении преступления (применение в качестве орудия преступления вещей, которые случайно оказались

¹ Приговор № 1-93/2019 от 25 сентября 2019 г. по делу № 1-93/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/l4NHsSz0Z5m4/> (дата обращения: 24.10.2021).

² Приговор № 1-336/2019 от 16 сентября 2019 г. по делу № 1-336/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yFkcTrKJtlL/> (дата обращения: 20.10.2021).

³ Подростки сняли на видео жестокое избиение сверстницы. URL: https://kemerovo.tsargrad.tv/news/podrostki-snjali-na-video-zhestokoe-izbienie-sverstnicy_354212 (дата обращения: 03.11.2021).

⁴ В Березниках подростки избивали девочку. URL: <https://59.ru/text/incidents/2021/03/10/69804572/?shareRecordImage=b86522bcd74d75eb533347d3b083283b> (дата обращения: 17.10.2021).

в точке совершения преступления, либо собственной физической силы);

— нерациональность действий (бесмысленный разгром, совершение на месте преступления бесстыдных, хулиганских поступков (уродование вещей, объектов обстановки, жертв и т. п.));

— отсутствие преступного опыта (простые, элементарные способы проникновения в помещение при совершении хищений: через раскрытое окно, путем взлома, который не требует существенных физических усилий);

— недостаточные меры, направленные на сокрытие следов преступления, непринятие во внимание средств видеонаблюдения и иных средств защиты.

Таким образом, проанализировав статистические данные, приходим к выводу, что основной потребностью несовершеннолетних лиц с девиантным поведением является стремление завладеть чужим иму-

ществом, их ценностные ориентиры в основном ограничены желанием обогатиться, решить свои сиюминутные материальные проблемы любым способом, в том числе незаконным. Такие подростки не имеют конкретных жизненных целей, не нацелены на учебу, отношение к честным, трудовым заработкам у большинства из них негативное, поскольку они стремятся к «легким» деньгам. Интересы и привычки сводятся к злоупотреблению спиртными напитками, наркотиками, психотропными веществами, увлечению азартными играми, совершению хулиганских действий и актов вандализма.

Полагаем перспективным дальнейшее исследование современных аспектов криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними, поскольку в силу своей специфики расследование данной категории уголовных дел может вызывать значительные трудности.

Климова Яна Александровна,
доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
aya3008@yandex.ru

Klimova Yana Aleksandrovna,
associate professor
at the criminalistics department
of the educational and scientific
complex on the preliminary investigation
in the interior bodies
of Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
aya3008@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 29.12.2021; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.12

doi: 10.25724/VAMVD.ZCDE

**ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС КАК ФАКТОР,
ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ ЛИЦ,
ЗАЩИЩАЮЩИХ СВОИ ИЛИ ПРЕДСТАВЛЯЕМЫЕ ПРАВА И ИНТЕРЕСЫ**

Александр Александрович Насонов

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, tribalcrest@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается система лиц, защищающих свои или представляемые права и интересы. Исследуются факторы, определяющие построение системы лиц, защищающих свои или представляемые права и интересы. Обосновывается, что наиболее важным из них является личный интерес участника уголовного судопроизводства. Делается вывод о том, что упомянутая система, интегрируя в себе лиц, защищающих личные интересы, позволяет официально признать существование личных интересов, подлежащих защите в уголовном процессе. Аргументируется, что система лиц, защищающих свои или представляемые права и интересы, ориентируясь на защиту определенных видов личных интересов, формирует представление об их пределах в уголовном процессе. Кроме того, система участников, защищающих личные интересы в уголовном процессе, позволяет сопровождать эти интересы необходимыми механизмами их реализации. Резюмируется, что, участвуя в официальном закреплении личного интереса участников уголовного судопроизводства, указанная система способствует поддержанию разумного баланса между государственным и личным интересом в уголовном процессе.

Ключевые слова: участник уголовного судопроизводства; личный интерес; подозреваемый; обвиняемый; потерпевший; свидетель; лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве; защита; личность

Для цитирования: Насонов А. А. Личный интерес как фактор, определяющий построение системы лиц, защищающих свои или представляемые права и интересы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 114—120. doi: 10.25724/VAMVD.ZCDE

**PERSONAL INTEREST AS A FACTOR
DETERMINING THE CONSTRUCTION OF A SYSTEM OF PERSONS
DEFENDING THEIR OR REPRESENTED RIGHTS AND INTERESTS**

Alexander Alexandrovich Nasonov

Voronezh Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, tribalcrest@yandex.ru

Abstract. The article examines the system of persons defending their own or represented rights and interests. The factors that determine the construction of a system of persons defending their own or represented rights and interests are investigated. It is substantiated that the most important of them is the personal interest of a participant in criminal proceedings. It is concluded that the above-mentioned system, integrating in itself persons defending personal interests, allows to officially recognize the existence of personal interests to be protected in the criminal process. It is argued that the system of persons defending their own or represented rights and interests, focusing on the protection of certain types of personal interests, forms an idea of their limits in the criminal process. In addition, the system of participants defending personal interests in criminal proceedings allows these interests to be accompanied by the necessary mechanisms for their implementation. It is summarized that by participating in the official consolidation of the personal interests of the participants in criminal proceedings, this system contributes to maintaining a reasonable balance between the state and personal interests in the criminal process.

Keywords: participant in criminal proceedings; personal interest; suspect; accused; victim; witness; a person in relation to whom the criminal case has been separated into separate proceedings in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with him; defense; personality

For citation: Nasonov A. A. Personal interest as a factor determining the construction of a system of persons defending their or represented rights and interests. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 114—120, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.ZCDE

Уголовный процесс принято рассматривать в качестве системы [1, с. 9], отличающейся своей обширностью и глубиной. На данную систему можно глядеть под разными углами зрения. Как справедливо отмечает А. В. Пиюк, «уголовный процесс можно рассматривать и как систему стадий, и как систему производств, и как систему функций» [2, с. 47]. Кроме того, как и любая другая отрасль права, уголовный процесс представляет собой систему институтов. Важное место среди них отводится институту участников уголовного судопроизводства (раздел II Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)). Он охватывает собой более мелкие институты, в числе которых стоит назвать институт участников уголовного судопроизводства со стороны защиты (гл. 7 УПК РФ) и институт участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (гл. 6 УПК РФ). Отдельные составляющие указанных институтов, взаимодействуя друг с другом, способны создать еще одну разновидность системы участников уголовного судопроизводства. Она формируется за счет лиц, защищающих свои или представляемые права и интересы.

Данная система в настоящее время не получила официального признания у российского законодателя, который предпочел систематизировать участников по выполняемой ими уголовно-процессуальной функции. Вместе с тем в других государствах система участников уголовного процесса, защищающих свои или представляемые права и интересы, оказалась востребованной в уголовно-процессуальных кодексах. Например, в УПК Республики Беларусь ей посвящена гл. 6. Закрепленная в ней система участников уголовного процесса, защищающих свои или представляемые права и интересы, соседствует с другими системами: системой государственных органов и должностных лиц (гл. 4, 5) и системой иных участников уголовного процесса (гл. 7).

Аналогичным путем идут законодатели Туркменистана, Республики Казахстан, посвящая участникам процесса, защищающим свои или представляемые права и интересы, самостоятельную главу в УПК (гл. 9 УПК Туркменистана, гл. 9 УПК Республики Казахстан).

УПК Республики Таджикистан также не обходит стороной систему участников, ориентированных на защиту своих интересов или интересов других лиц, не имеющих властные полномочия. Она закреп-

лена в гл. 6 УПК Республики Таджикистан «Участники уголовного процесса, защищающие свои или представительские права и интересы».

Похожий подход используется и в УПК Республики Узбекистан, предусматривающем как лиц, отстаивающих в уголовном процессе свои интересы, так и защитников и представителей (гл. 5).

Очевидно, что как в российском, так и в зарубежном уголовном процессе группа лиц, защищающих свои или представляемые права и интересы, может одновременно выступать и как система, включающая в себя ряд подсистем, и как подсистемы в составе более сложных уголовно-процессуальных образований.

Очевидно, что по отношению к уголовному процессу, а также к системе участников уголовного судопроизводства, предусмотренной разделом II УПК РФ, лица, защищающие свои или представляемые права и интересы, будут выступать подсистемой. Вместе с тем подсистема участников уголовного процесса, защищающих свои или представляемые права и интересы, состоит из менее крупных составляющих — институтов. К таким составляющим относятся, например, следующие институты, получившие комментарий в литературе: институт подозреваемого [3, с. 192; 4, с. 7; 5, с. 237], институт защитника [6, с. 245], институт потерпевшего [7, с. 13, 15, 54, 188], институт представителей участников уголовного процесса [8, с. 4] и др. Что же позволяет объединить указанные и им подобные институты в систему лиц, защищающих свои или представляемые права? Думается, что такой интеграционной силой могут выступать цели подсистем, формирующих соответствующую систему. Очевидно, что магистральный вектор целей подсистем характеризуется стремлением законодателя создать все необходимые условия для защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, т. е. для защиты частного интереса.

В одних случаях указанную защиту осуществляет лицо, нуждающееся в ней, в других случаях к защите прав и интересов лица призываются другие участники уголовного судопроизводства (защитники обвиняемого, представители потерпевшего и др.). Примечательно, что понятие «защита» в обозначенном контексте используется в широком смысле. Данный вид защиты рассматривается в качестве сложного уголовно-процессуального

института, «нормы которого рассчитаны на все направления защитительной деятельности (защиту участников уголовного судопроизводства, а также защиту иных лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальные отношения) и регламентируют отношения, возникающие в связи с этой деятельностью, назначением которой является отстаивание прав и законных интересов (предотвращение нарушения прав и законных интересов или восстановление уже нарушенных прав) лиц, вовлеченных в орбиту уголовно-процессуальной деятельности, путем установления обстоятельств, благоприятствующих субъекту защиты, и исследования имеющихся в деле доказательств с указанной позиции посредством осуществления этим субъектом полномочий, предусмотренных законом» [9, с. 8; 10, с. 43].

Именно на широкое понимание защиты ориентировано назначение уголовного судопроизводства, особенно в той его части, которая одновременно посвящена и защите прав, законных интересов потерпевших, и защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Именно оно исследуется учеными во взаимосвязи с защитой в узком смысле, под которой понимают уголовно-процессуальную ее функцию [11, с. 13, 15, 31].

Отстаивание прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства как цель системы лиц, защищающих свои или представляемые права и интересы, является важным инструментом в механизме поддержания в уголовном процессе баланса между государственными и личными, публичными и частными интересами. Отметим, что исследуемая система полностью ориентирована на защиту интересов невластных участников уголовного судопроизводства. Эти интересы для участников уголовного процесса, входящих в указанную систему, могут быть как своими, так и чужими. И тот, и другой интерес подлежит защите. Личный интерес защищается лицом, которому он принадлежит. Чужой интерес отстаивается защитником, представителями и законными представителями лиц, имеющих свой личный интерес в уголовном процессе. Таким образом, одним из базовых понятий для изучаемой системы участников является понятие «личный интерес». В истории уголовно-процессуальной науки оно не раз исследовалось учеными.

Как верно отмечает Л. И. Ильницкая, личный интерес участника обусловлен тем, что преступление непосредственно затрагивает субъекта и выражается в его стремлении к достижению определенного исхода уголовного дела [12, с. 6]. Похожей

точки зрения придерживается и Е. В. Горбачева, которая также не без основания утверждает, что «личный интерес имеет своим объектом исход дела, непосредственно, лично затрагивающий участника процесса, влияющий на его судьбу» [13, с. 66].

Однако далеко не все участники из числа тех, у кого отсутствуют властные полномочия, имеют свой личный интерес в уголовном судопроизводстве. На отсутствии личной заинтересованности в исходе дела построена система иных участников уголовного судопроизводства (гл. 8 УПК РФ). Обнаружение личной заинтересованности у большинства участников, принадлежащих к указанной системе, является основанием для их отвода. Данное правило действует, например, в отношении переводчика (ч. 2 ст. 69 УПК РФ), эксперта (ч. 2 ст. 70 УПК РФ), специалиста (ч. 2 ст. 71 УПК РФ). Хотя УПК РФ и не предусматривает возможности отвода понятых, законодатель в ч. 1 ст. 60 УПК РФ недвусмысленно формулирует одно из требований, предъявляемых к ним: незаинтересованность в исходе уголовного дела.

Личная заинтересованность по общему правилу не предполагается и у свидетеля. По крайней мере, повод так утверждать дает анализ ч. 1 ст. 56 УПК РФ. Однако в некоторых ситуациях у свидетеля может возникнуть свой интерес в исходе дела. Это характерно для ситуаций, угрожающих свидетелю сменой процессуального статуса на подозреваемого или обвиняемого. В результате лицо, находящееся в положении свидетеля, нуждается в доказывании своей непричастности к совершению преступления.

Личный интерес свидетеля может дать о себе знать и в случае, когда он фактически является непризнанным потерпевшим. Этот интерес, по справедливому мнению Е. Ю. Сапова, выражается в потребности возмещения ущерба, привлечения виновного к уголовной ответственности, признания себя потерпевшим [14, с. 137]. Очевидно, что заинтересованность свидетеля в исходе дела должна учитываться судом при оценке доказательств.

Вместе с тем наличие у свидетеля личного интереса не относится и не должно относиться к числу рядовых явлений в уголовно-процессуальном праве. Поскольку показания данного участника важны для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, то получение именно такого результата зачастую обеспечивается незаинтересованностью свидетеля.

Курс на незаинтересованность свидетеля прослеживается и на более ранних этапах развития уголовного процесса в России. Это нетрудно про-

следить по следующим высказываниям процессуалистов того периода. Так, С. В. Викторский применительно к этапу реформ второй половины XIX в. пишет: «...не допускаются к свидетельству под присягой в случае предъявления какой-либо из сторон отвода... потерпевшее от преступления лицо, хотя бы оно не участвовало в деле, а также муж или жена его, родственники по прямой линии и родные его братья и сестры...» [15, с. 263]. Аналогичной позиции придерживался и С. В. Познышев [16, с. 300], который еще и обращал внимание на недопустимость ситуации, приводящей к появлению мнимого свидетеля. В частности, автором отмечалось следующее: «Иногда следователи, не собрав еще достаточных данных для привлечения подозреваемого лица в качестве обвиняемого, сначала допрашивают его в качестве свидетеля. Это, конечно, неправильно, потому что таким образом этот мнимый свидетель до известной степени принуждается к показанию и не пользуется процессуальными правами обвиняемого [16, с. 298].

В наши дни также приветствуется свидетель без личного интереса в исходе дела. А. В. Гарусов справедливо говорит о том, что свидетель в большинстве случаев рассматривается как лицо, не заинтересованное в исходе уголовного дела, а потому его показания в большей степени вызывают доверие [17, с. 82].

Вместе с тем, учитывая специфику процессуального положения свидетеля, на которую в статье уже обращалось внимание, необходимо разрешить следующий вопрос: стоит ли относить свидетеля к системе участников уголовного процесса, защищающих свои или представляемые права и интересы? На данный вопрос ответ будет отрицательным в силу следующих соображений. Свидетель будет существенно отличаться от участников указанной системы. Если участие в уголовном процессе последних всегда определяется необходимостью защиты личного интереса, то у свидетеля личный интерес возможен лишь в немногочисленных случаях.

И еще один участник, не обладающий властными полномочиями, требует оценки с точки зрения возможности его принадлежности к системе лиц, защищающих свои или представляемые права и интересы. Речь идет о лице, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ). На наш взгляд, данное лицо всегда будет заинтересовано в исходе дела, причем речь идет как о деле, выделенном в отношении него в отдель-

ное производство, так и об уголовном деле в отношении его соучастников. Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, непременно будет защищать свои интересы как лично, так и с помощью адвоката. Отметим, что такая защита может сопровождаться желанием выгородить себя, уйти от ответственности, возложив ее на своих соучастников. Это в свою очередь может породить проблему оговора лица в совершении преступления. Сказанное подтверждает, что участник, предусмотренный ст. 56.1 УПК РФ, всегда будет иметь личный интерес в уголовном процессе, нуждаться в его защите. И в этом смысле он должен быть близок по своему процессуальному положению не к свидетелю, а к подозреваемому, обвиняемому — участникам, выполняющим уголовно-процессуальную функцию защиты. Видимо, данное обстоятельство повлияло на то, что законодатель не распространил на участника, предусмотренного ст. 56.1 УПК РФ, требование о предупреждении его об ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний в соответствии со ст. 307 и 308 УК РФ. Однако свидетель обязан его соблюдать.

Сказанное позволяет отнести лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, к системе, объединяющей участников уголовного процесса, защищающих свои или представляемые права и интересы. По этой причине логичнее было бы видеть данное лицо не в гл. 8 УПК РФ, а в гл. 7 УПК РФ. Для этого ему стоило бы посвятить статью 47.1 УПК РФ, которая в своей основной части воспроизводила бы статью 56.1 УПК РФ. Сохранение за лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, ныне принадлежащих ему прав и обязанностей позволит не только отграничить его от подозреваемого и обвиняемого, но и предложить ему такую модель поведения, при которой он должен быть выше своих личных интересов. Очевидно, что такая модель зачастую будет восприниматься соответствующим лицом в качестве декларативной, поскольку абстрагироваться от законов психологии, которым подчиняется поведение человека, очень трудно. Предложенная коррекция гл. 7 и 8 УПК РФ будет способствовать более четкому разграничению заинтересованных участников уголовного процесса и участников, у кото-

рых личный интерес в исходе дела отсутствует. Необходимость такого дифференцирования объясняется потребностью в установлении сферы личных интересов в рамках уголовного судопроизводства. Определение с нормативной точностью границ указанных интересов позволит в некоторой мере сгладить конфликт между личными и государственными интересами, тем самым будут созданы условия для сбалансированного существования указанных интересов в уголовном судопроизводстве. Напротив, размытость границ личных интересов в уголовно-процессуальной сфере и, как следствие, системы участников, защищающих личные интересы в уголовном процессе, способна обострить противоречие между личными и государственными интересами. В уголовно-процессуальной среде, в которой доминируют государственные интересы, вряд ли указанное противоречие будет разрешено в пользу личных интересов. Еще в XIX в. Д. Н. Стефановский писал следующее: «Не подлежит сомнению, что при столкновении существенных интересов правосудия с интересами посторонних лиц, последние должны быть приносимы в жертву первым...» [18, с. 463].

Сказанное дает основание раскрыть значение системы участников уголовного процесса, защи-

щающих свои или представляемые права и интересы, в следующих тезисах:

1) указанная система, интегрируя в себе лиц, защищающих личные интересы, позволяет официально признать существование личных интересов, подлежащих защите в уголовном процессе;

2) данная система, ориентируясь на защиту определенных видов личных интересов, формирует представление об их границах в уголовном процессе;

3) система участников, защищающих личные интересы в уголовном процессе, позволяет сопровождать эти интересы необходимыми механизмами их реализации. Центральное место среди них отводится правам участников, личные интересы которых подлежат защите;

4) участвуя в официальном закреплении личного интереса участников уголовного судопроизводства, указанная система способствует поддержанию разумного баланса между государственным и личным интересом в уголовном процессе.

Сказанное позволяет утверждать, что основой построения системы участников уголовного процесса, защищающих свои или представляемые права и интересы, является интерес личности. По крайней мере, так видит законодатель.

1. Фролов Ю. А. Система уголовного судопроизводства: история и современные тенденции развития: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 38 с.

2. Пилюк А. В. Системность и сбалансированность как важнейшие свойства российского уголовного процесса // Уголовная юстиция. 2013. № 2 (2). С. 45—49.

3. Демирчян В. В. Институт подозреваемого в российском уголовном процессе: история и современность // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 192—196.

4. Богацкий Ф. А. Обеспечение прав подозреваемого при производстве предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2006. 27 с.

5. Цинова М. В., Насонов А. А. О субъектах обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту и некоторых особенностях их процессуальных возможностей при производстве дознания в сокращенной форме // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 236—241.

6. Зозуля В. В., Завьялова И. С. Совершенствование института защитника в уголовном судопроизводстве // Общественная безопас-

1. Frolov Yu. A. The system of criminal justice: history and modern development trends. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Rostov-on-Don; 2006: 38. (In Russ.).

2. Pilyuk A. V. Consistency and balance as the most important properties of the Russian criminal process. Criminal Justice, 45—49, 2013. (In Russ.).

3. Demirchyan V. V. The institution of a suspect in the Russian criminal process: history and modernity. Society and law, 192—196, 2008. (In Russ.).

4. Bogatsky F. A. Ensuring the rights of the suspect during the preliminary investigation. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Kaliningrad; 2006: 27. (In Russ.).

5. Tsinova M. V., Nasonov A. A. On the subjects of ensuring the suspect and the accused the right to defense and some of the features of their procedural capabilities in the production of an inquiry in an abbreviated form. Society and Law, 236—241, 2015. (In Russ.).

6. Zozulya V. V., Zavyalova I. S. Improvement of the institute of a defender in criminal proceedings. Public safety, legality and rule of law in the III millennium, 245—250, 2017. (In Russ.).

7. Ilyin P. V. Procedural provision of the rights of the victim in pre-trial proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2015: 246. (In Russ.).

ность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2017. № 3-1. С. 245—250.

7. Ильин П. В. Процессуальное обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. 246 с.

8. Воскобойник И. О. Институт представительства в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. 232 с.

9. Насонова И. А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2011. 50 с.

10. Насонова И. А. Защита прав и законных интересов лиц на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 1. С. 42—45.

11. Арабули Д. Т. Институт защиты прав и интересов лиц в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. 59 с.

12. Ильницкая Л. И. Личные интересы участников российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 201 с.

13. Горбачева Е. В. Субъективные права и интересы обвиняемого (подозреваемого) как объект защиты в уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. 2004. № 3. С. 62—70.

14. Сапов Е. Ю. Личный интерес свидетеля в уголовном судопроизводстве. Взаимосвязь личного интереса свидетеля и осуществляемых им функций // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 136—138.

15. Викторский С. И. Русский уголовный процесс // Теория судебных доказательств в уголовном процессе: конец XIX — начало XX века: хрестоматия / сост. Ю. В. Астафьев, А. Ю. Астафьев; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2016. 479 с.

16. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса // Теория судебных доказательств в уголовном процессе: конец XIX — начало XX века: хрестоматия / сост. Ю. В. Астафьев, А. Ю. Астафьев; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2016. 479 с.

17. Гарусов А. В. Оценка показаний участников уголовного судопроизводства, заинтересованных в исходе дела: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017. 202 с.

18. Стефановский Д. Н. О пределах исследования в уголовном процессе // Теория судебных доказательств в уголовном процессе: конец XIX — начало XX века: хрестоматия / сост. Ю. В. Астафьев, А. Ю. Астафьев; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2016. 479 с.

8. Voskoboynik I. O. Institute of representation in criminal proceedings in Russia. Dissertation of candidate of juridical sciences. Kaliningrad; 2007: 232. (In Russ.).

9. Nasonova I. A. Theoretical model of criminal procedural defense. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2011: 50. (In Russ.).

10. Nasonova I. A. Protection of the rights and legitimate interests of persons at the stage of initiation of a criminal case. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 42—45, 2010. (In Russ.).

11. Arabuli D. T. Institute for the Protection of the Rights and Interests of Persons in Criminal Proceedings in Russia. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Chelyabinsk; 2010: 59. (In Russ.).

12. Ilnitskaya L. I. Personal interests of the participants in the Russian criminal process. Dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2002: 201. (In Russ.).

13. Gorbacheva E. V. Subjective rights and interests of the accused (suspect) as an object of defense in criminal proceedings. Siberian Legal Bulletin, 62—70, 2004. (In Russ.).

14. Sapov E. Yu. Personal interest of a witness in criminal proceedings. The relationship between the personal interest of the witness and the functions performed by him. Bulletin of the Tomsk State University, 136—138, 2012. (In Russ.).

15. Viktorsky S. I. Russian criminal procedure. In: Theory of judicial evidence in criminal procedure: late 19th — early 20th century. A reader. Comp. Yu. V. Astafiev, A. Yu. Astafiev; Voronezh State University. Voronezh: Voronezh State University Publishing House; 2016: 263. (In Russ.).

16. Poznyshev S. V. Elementary textbook of Russian criminal procedure. In: Theory of judicial evidence in criminal procedure: late 19th — early 20th century. A reader. Comp. Yu. V. Astafiev, A. Yu. Astafiev; Voronezh State University. Voronezh: Voronezh State University Publishing House; 2016: 300. (In Russ.).

17. Garusov A. V. Assessment of the testimony of participants in criminal proceedings interested in the outcome of the case. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2017: 202. (In Russ.).

18. Stefanovsky D. N. On the limits of research in criminal proceedings. In: Theory of judicial evidence in criminal proceedings: late 19th — early 20th century. A reader. Comp. Yu. V. Astafiev, A. Yu. Astafiev; Voronezh State University. Voronezh: Voronezh State University Publishing House; 2016: 463. (In Russ.).

Насонов Александр Александрович,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук;
tribalcrest@yandex.ru

Nasonov Alexander Alexandrovich,
senior lecturer at the criminal
proceeding department
of the Voronezh Institute of the Ministry
of the Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
tribalcrest@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.01.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 11.01.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.14

doi: 10.25724/VAMVD.ZDEF

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ханбулат Хизриевич Рамалданов

Российский новый университет, Москва, Россия, hanbulatramaldanov93@mail.ru

Аннотация. Отечественное уголовное судопроизводство слабо затронуто достижениями современных цифровых технологий. Проанализированы научные труды ученых-процессуалистов. В статье дано авторское определение цифровым доказательствам, а также описываются положительные стороны использования современных цифровых технологий при производстве следственных действий. Применение данных технологий позволит сократить финансовые расходы на собирание, проверку и оценку доказательств, а также сократить процессуальные сроки уголовного судопроизводства. Предложен вариант собирания доказательств с применением электронного документооборота для отправления запросов в государственные федеральные и муниципальные органы для предоставления доказательств (к примеру, при собирании характеризующих сведений в отношении подозреваемого) по уголовным делам и получения ответов на эти запросы, равно как и для получения заключений и показаний экспертов и специалистов. Автором обозначены проблемные вопросы, связанные с изъятием цифровых доказательств. В работе представлено сравнение внешних форм получения доказательств на современном этапе.

Ключевые слова: цифровизация, уголовный процесс, цифровые доказательства, электронный документооборот, доказательства, доказывание, допрос, КПС «Уголовные дела»

Для цитирования: Рамалданов Х. Х. Понятие и сущность цифровизации доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 121—128. doi: 10.25724/VAMVD.ZDEF

THE CONCEPT AND ESSENCE OF DIGITALIZATION OF EVIDENCE AND PROOF IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Khanbulat Khizrievich Ramaldanov

Russian New University, Moscow, Russia, hanbulatramaldanov93@mail.ru

Abstract. The domestic criminal proceedings are poorly affected by the achievements of current digital technologies. The research papers of science processualists have been analyzed. The paper gives the author's definition of digital evidence. The positive aspects of current digital technologies in investigative proceedings are also described. The application of these technologies will reduce the financial costs of collecting, checking and evaluating evidence, as well as reduce the procedural time of criminal proceedings. The option of collecting evidence using electronic document management is proposed for sending requests to state federal and municipal authorities to provide evidence (for example, when collecting characteristic information about a suspect) in criminal cases and receiving responses to these requests, as well as for obtaining conclusions and testimony of experts and specialists. The author identifies problematic issues related to the seizure of digital evidence. The paper presents a comparison of external forms of obtaining evidence at the present stage.

Keywords: digitalization, criminal procedure, digital evidence, electronic document management, evidence, proof, interrogation, Criminal Cases Software System

For citation: Ramaldanov Kh. Kh. The concept and essence of digitalization of evidence and proof in criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 121—128, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.ZDEF

В современном обществе большая часть отношений, регулируемых нормами права, «ушла» в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. Данный переход вызван глобальной, всеобъемлющей цифровизацией и автоматизацией практически

всех жизненно важных и значимых процессов, исключением из которых не стало и оказание юридических услуг, а также легкодоступностью подключения к сети Интернет большей части населения мира.

Данные изменения в обществе неизбежны, так как ввиду радикального удешевления средств передачи информации с помощью Интернета, как и подключения к нему, и произошел переход на качественно новый уровень коммуникации. Указанный переход позволил упростить, удешевить и сделать более доступным для сотен миллионов людей получение различного рода услуг (государственных, медицинских, юридических и т. д.).

Одновременно с переходом населения на удаленное взаимодействие с частными и государственными организациями, а также друг с другом произошел и переход преступлений в «цифровую плоскость». Согласно статистическим данным за 4 месяца 2020 г. с использованием информационно-телекоммуникационных технологий совершено 739 преступлений, что на 63,9 % больше, чем в аналогичном периоде 2019 г.¹

Единственное, что не претерпело изменений — это то, что преступления продолжают совершаться людьми. Ведь даже в случае совершения уголовно наказуемого деяния посредством вредоносной программы (к примеру, списания денежных средств с кредитной карты путем злоупотребления доверием потерпевшего) злоумышленником будет либо человек, написавший данную программу и использовавший ее, либо человек, воспользовавшийся ею для исполнения своего преступного умысла.

Проанализировав уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации относительно норм, регулирующих собирание, хранение и признание в качестве вещественных доказательств информации, полученной с использованием цифровых технологий², следует отметить, что основы данного порядка уже в нем закреплены. В первую очередь это относится к признанию законодателем:

— электронных носителей информации вещественными доказательствами, порядка их изъятия и хранения (ч. 4 ст. 81, ст. 81.1, ч. 2.1 ст. 82, ст. 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее — УПК РФ));

— документов и материалов, содержащих сведения как в письменном, так и в ином виде (фото-

и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иных носителей информации — ч. 2 ст. 84 УПК РФ);

— доказательственного значения материалов контроля и записи переговоров, а также информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и получаемых в результате этого документов и фонограмм (ст. 186, 186.1 УПК РФ);

— возможности производства по решению суда осмотра и выемки электронных сообщений или иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи (ч. 7 ст. 185 УПК РФ);

— процессуальной значимости результатов применения технических средств в процессе производства следственных действий (ч. 5, 8 ст. 166, ч. 3 ст. 180, ч. 4 ст. 189 УПК РФ), среди которых упоминаются и электронные носители информации.

Из числа иных «цифровых» преимуществ УПК РФ предусматривает возможность получения потерпевшим или его законным представителем в некоторых случаях информации в электронной форме (ч. 5.1 ст. 42 УПК РФ); подачи ходатайств, жалоб и заявлений в форме электронного документа, а также изготовления процессуальных документов электронным способом (ч. 2 ст. 474, ст. 474.1 УПК РФ). Использование отдельных «продвинутых» технологий, таких как производство допроса при помощи видеоконференц-связи, бесосновательно предоставлено лишь судам [1].

Следует отметить, что закрепление использования цифровых технологий на законодательном уровне не говорит о том, что необходимо незамедлительно переходить к цифровому производству по уголовным делам. И препятствием на пути к нему является не косность действующих бюрократических институтов, как раз наоборот: государство на фоне продолжающегося распространения новой коронавирусной инфекции COVID-2019 и в целях минимизации контактов между людьми заинтересовано в переводе большинства отношений с ним в «цифровое поле». Причина — в невозможности одномоментного оснащения всех государственных служащих современной и отвечающей предъявляемым к ней требованиям компьютерной техникой и сопутствующей ей инфраструктурой. Со временем же, на наш взгляд, уголовное судопроизводство — впрочем, как и административное с гражданским — будут переведены на «цифровые рельсы».

В некоторых странах Содружества Независимых Государств цифровые технологии используются намного шире при доказывании в уголовном процессе, чем в Российской Федерации. Например, в соответствии с Уголовно-процессуальным

¹ URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1840814/> (дата обращения: 12.12.2021).

² Цифровые технологии – это технологии, которые являются продуктами, созданными с помощью вычислительной техники и соответствующего программного обеспечения и неотделимы от них.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

кодексом Республики Казахстан¹ (далее — УПК Республики Казахстан) допускается использование электронных документов (документы, в которых информация предоставлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством электронной цифровой подписи, п. 15 ст. 7 УПК Республики Казахстан) в качестве протоколов следственных и процессуальных действий, решений должностных лиц, в том числе приговоров по делу; защитнику предоставляется право с использованием научно-технических средств опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к уголовному делу, ход такого опроса можно отразить на электронном носителе (п. 5 ч. 3 ст. 122 УПК Республики Казахстан).

В настоящее время большое количество заявлений для получения различных государственных услуг подается через портал Госуслуг и подписывается электронной цифровой подписью (далее — ЭЦП). Исходя из личного практического опыта, полагаем, что использование цифровых технологий при собирании доказательной базы поспособствовало бы сокращению срока производства по уголовным делам и повысило «скорость реакции» лица, производящего предварительное расследование, на перманентное изменение следственной ситуации в зависимости от принимаемых им решений. Иными словами, получая процессуальный документ в более сжатый временной промежуток, чем ранее, следователь или дознаватель быстрее проверит следственные версии, точнее выстроит оставшиеся или вырабатает новые пути расследования уголовного дела.

К примеру, в ходе производства дознания по уголовному делу в качестве свидетеля допрошен гражданин, а в последующем в ходе производства предварительного расследования возникла необходимость в его дополнительном допросе по обстоятельствам нового эпизода преступной деятельности, однако осуществление данного следственного действия может быть сильно затруднено по причине того, что свидетель убыл на лечение в другой субъект Российской Федерации на неопределенное время. В соответствии с ч. 1 ст. 152 УПК РФ лицо, производящее предварительное расследование, в случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий дознавателю или органу дознания. Поручения должны быть исполнены в срок не позднее 10 суток.

Однако необходимо отметить, что лицо, проводящее расследование по уголовному делу, владеет материалами уголовного дела намного лучше, чем то должностное лицо, которое выполняет следственное действие по поручению. В случае допроса свидетеля по поручению доказательственная ценность и качество полученной процессуальной информации будут ниже, чем если следственное действие осуществлялось бы непосредственно тем лицом, у которого уголовное дело находится в производстве.

Допрос, выполненный по поручению, будет явно поверхностным, непроработанным, в нем будут отсутствовать важные для формирования общей картины преступления детали, они не будут раскрыты или вовсе утеряны, что может негативно отразиться на дальнейшем расследовании уголовного дела.

Безусловно, в поручении может быть дано указание на необходимость постановки перед допрашиваемым лицом дополнительных вопросов, но будем честны: сотрудник, выполняющий поручение, не имеет никакой мотивации и не заинтересован в детальном «погружении» в суть расследуемого преступления, и, соответственно, кроме указанных в поручении вопросов дополнительные (вытекающие из ответов) обстоятельства выяснены не будут.

На основании изложенного для сохранения доказательственной ценности, качества, «глубины», а также быстроты выполнения указанного следственного действия было бы целесообразным в таких случаях проводить допрос свидетеля по защищенному каналу видеосвязи, а протокол допроса подписывать с помощью усиленной квалифицированной ЭЦП², что ускорило бы процесс получения доказательств без потери их качества. Защищенный канал представляет собой совокупность программно-технических средств, обеспечивающих защиту связи от несанкционированного доступа к узлам сети, между которыми происходит передача информации, и самой информации в процессе передачи по открытым каналам связи [2, с. 144].

Следует признать, что обеспечение такого рода защищенными каналами всех должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, — довольно дорогостоящий на данный момент проект, однако технологии неизменно удешевляются и становятся все более и более доступными, что позволит оснастить государственные учреждения защищенными каналами связи. Возможны также и иные

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июня 2014 г. № 231-V ЗПК (с изм. и доп. по состоянию на 04.09.2021). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852#sub_id=0 (дата обращения: 12.12.2021).

² Усиленная квалифицированная электронная подпись (УКЭП) — электронный аналог подписи от руки. Документ с квалифицированной подписью равнозначен собственноручно подписанному.

негативные последствия, связанные с «утечкой» информации, циркулирующей по сети Интернет. Новостные ленты постоянно пестрят заголовками об «утраченных» базах данных с персональными данными клиентов банков, автовладельцев, пользователей социальных сетей и иных категорий граждан. Впоследствии данные базы оказываются в руках злоумышленников, которые с их помощью осуществляют незаконные финансовые операции, в результате чего страдают десятки тысяч людей. И это яркое доказательство того, что получение доступа к слабо защищенным каналам связи не составляет труда для преступников.

Спорным вопросом может оказаться определение даты и времени проведения допроса свидетеля. Так, лицо, осуществляющее расследование уголовного дела, может находиться в г. Москве, свидетель в г. Владивостоке, а адвокат — вообще в г. Екатеринбурге.

В соответствии с п. 21 ст. 5 УПК РФ ночным временем считается промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени. В случае наступления ночного времени у одного из участвующих лиц и для решения данной нетривиальной проблемы считаем целесообразным получать удостоверенное электронной цифровой подписью согласие данного лица на проведение допроса. Во избежание потенциальных процессуальных разногласий предлагаем датой и временем допроса считать дату и время по месту нахождения лица, производящего предварительное расследование, как инициатора проведения данного следственного действия. Безусловно, данное предложение должно иметь закрепление в статьях УПК РФ, регулирующих порядок проведения допросов различных участников уголовного судопроизводства.

Другой ценной возможностью, предоставляемой современными технологиями, является применение средств электронного документооборота для отправления запросов в государственные федеральные и муниципальные органы для предоставления доказательств (к примеру, при собирании характеризующих сведений в отношении подозреваемого) по уголовным делам и получения ответов на эти запросы, равно как и для получения заключений и показаний экспертов и специалистов.

Электронный документооборот — документооборот с применением информационной системы¹.

В таможенных органах Российской Федерации с 26 марта 2015 г. осуществляется электронный учет

документов по зарегистрированным сообщениям о преступлениях и уголовным делам [3, с. 111].

В качестве положительного примера следует привести назначение судебных экспертиз дознавателями таможенных органов Российской Федерации через комплекс программных средств поддержки деятельности подразделений дознания «Уголовные дела» (далее — КПС «Уголовные дела»).

При вынесении постановления о назначении судебной экспертизы оно подписывается ЭЦП дознавателя, после чего по закрытым каналам связи ведомственная интеграционная телекоммуникационная сеть (ВИТС) Федеральной таможенной службы (ФТС России) направляется в Экспертно-криминалистическую службу Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления ФТС России, где постановление анализируется в автоматизированном режиме с использованием формат-логического контроля (далее — ФЛК) и в случае его прохождения направляется конкретному эксперту.

Необходимые для проведения судебной экспертизы образцы после одобрения в системе КПС «Уголовные дела» доставляются в экспертное учреждение. Однако заключения экспертов до сих пор направляются дознавателю на бумажном носителе. Данное обстоятельство замедляет доступ дознавателя к результатам исследования. Хотя намного производительнее было бы направление заключения в виде электронного файла, подписанного ЭЦП эксперта, который при необходимости ознакомления с ним участников уголовного судопроизводства распечатывался бы и представлялся на ознакомление, после чего приобщался к материалам уголовного дела.

Изложенный факт вызван отстающим процессом законодательного закрепления технологических возможностей, применяющихся в повседневной деятельности таможенных органов Российской Федерации.

В настоящее время в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ² (далее — ФЗ № 73) отсутствуют положения, позволяющие эксперту подписывать составленное им заключение электронной цифровой подписью.

В случае внесения соответствующих изменений в ФЗ № 73 процесс назначения судебных экспертиз и получения их результатов будет осуществляться

¹ Об утверждении типовой инструкции по делопроизводству и работе архива в таможенных органах Российской Федерации: приказ ФТС России от 9 июля 2014 г. № 1331. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (с изм. на 01.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в значительно более короткие процессуальные сроки, что позволит эффективнее проводить процессуальные действия в русле подтвержденной экспертизой следственной версии.

Данный процесс будет выглядеть как на блок-схеме (рис. 1).

Рис. 1. Процесс назначения и получения результатов судебных экспертиз

Крайне деструктивным в деле закрепления доказательств является отсутствие какого бы то ни было законодательного регулирования подписания заключений специалистов при помощи ЭЦП.

Таким образом, суть предварительного расследования и оперативно-разыскной деятельности, осуществляемой следователем, дознавателем и оперативным сотрудником, осталась прежней: предупреждение, пресечение, расследование и раскрытие общественно опасных деяний, совершенных людьми. Изменилась лишь форма, внешнее отображение документирования противоправной деятельности и процесса сбора доказательственной базы, направленной на своевременное, качественное, эффективное выявление лиц, совершивших, а также подготавливающих совершение преступлений. И эта форма с течением времени изменилась довольно ощутимо. К примеру, в настоящее время при расследовании уголовных дел, отнесенных к компетенции таможенных органов (за исключением редчайших случаев), нет необходимости затрачивать целые дни для выезда и проведения выемок деклараций на товары с комплектами коммерческих, товаротранспортных и таможенных документов к ним, актов камеральных таможенных проверок, актов валютных проверок, внешнеэкономических договоров, лицензий, деклараций о соответствии, ведомостей банковского

контроля, уникальных номеров контрактов, выписок из Единого государственного реестра юридических лиц и еще огромного количества налоговых, таможенных, банковских, бухгалтерских и иных документов — все это доступно дознавателю в течение 10—15 минут после направления соответствующего запроса в электронном виде.

Если еще 15 лет назад сотруднику, осуществляющему предварительное расследование, для собирания доказательственной базы было необходимо, к примеру, изымать договоры с «оригинальными» подписями и печатями, а также назначать почерковедческие судебные экспертизы, то в современных реалиях этот же сотрудник вынужден изымать «цифровые» следы (LOG-файлы аккаунтов, с которых осуществлен перевод денежных средств за рубеж по подложным документам, также хранящимся в электронных базах данных) и назначать судебные компьютерно-технические экспертизы.

В настоящее время в научных трудах можно встретить кардинально противоположные мнения относительно необходимости применения традиционных методов закрепления «цифровых» доказательств или современных, отвечающих требованиям 20-х гг. XXI в.

По мнению С. В. Власовой, постепенно «следователи» будут заменены интеллектуальными

агентами, работающими на базе цифрового «государства-платформы» — под руководством обвинительной власти (прокурора) [4, с. 17].

О. А. Малышева считает, что перспективным направлением цифровизации уголовного судопроизводства следует рассматривать формирование электронного уголовного дела [5, с. 85].

А. С. Александров предлагает новое следственное действие — «получение цифровой информации, представленной в электронном виде» (аналог недавно появившегося в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации»). Это может быть как тайное, так и гласное «следственное действие». Проведено оно может быть как офицером полиции, так и сотрудником службы безопасности (информационной) организации (коммерческой, общественной), но также адвокатом, вообще любым лицом или сообществом [6, с. 82].

Противоположную позицию занимает Л. В. Головкин, утверждающий, что в специальных «электронных доказательствах» просто нет никакой нужды, что вовсе не означает отрицания современного виртуального мира или проявления к нему какого-то неуважения [7, с. 23].

Таким образом, государство в лице правоохранительных органов всегда будет находиться в положении «догоняющего» в области нормативного регулирования динамично развивающихся общественных отношений. Обратного априори быть не может. Считаю целесообразным закрепить на законодательном уровне само определение цифровых доказательств и порядка их соотношения с критериями оценки доказательств в соответствии с ч. 1 ст. 88 УПК РФ.

В научном сообществе имеются различные трактовки определений цифровых доказательств в уголовном процессе. А. Ю. Черданцев считает, что цифровые (электронные) доказательства — это информация, хранимая или передаваемая в двоичном виде, которая сохранила сведения о подлежащих установлению обстоятельствах уголовного дела в процессе собирания, проверки и оценки доказательства [8, с. 59].

Н. А. Иванов допускает, что под цифровыми доказательствами следует понимать «любую информацию, представленную в виде дискретных сигналов, содержащуюся или зафиксированную на машинных носителях, изъятую, переданную участниками процесса или полученную иным способом в соответствии с действующим законодательством, содержание которой является средством установления

обстоятельств, имеющих значение для предварительного и судебного расследования уголовного дела».

Н. А. Иванов полагает, что документ на машинном носителе (электронный документ) — это файл (или совокупность файлов), зафиксированный с помощью аппаратных и программных средств микропроцессорной техники для целей хранения и передачи во времени и пространстве документированной информации в виде текста, изображения или их сочетания, преобразованных в дискретные сигналы [9, с. 82, 89].

Отметим, что цифровыми доказательствами могут являться не только те сведения, которые содержатся на каких-то четко определяемых материальных носителях информации (флеш-накопители, жесткие диски, серверы и т. д.), но и размещенные на огромном количестве распространенных ныне облачных хранилищ данных. Облачными хранилищами являются такие интернет-сервисы, как Dropbox, OneDrive, Google Drive, iCloud, Яндекс.Диск, Облако Mail.Ru, МегаДиск.

Облачное хранилище данных (англ. *cloud storage*) — модель онлайн-хранилища, в котором данные хранятся на многочисленных распределенных в сети серверах, предоставляемых в пользование клиентам, в основном, третьей стороной. В отличие от модели хранения данных на собственных выделенных серверах, приобретаемых или арендуемых специально для подобных целей, количество или какая-либо внутренняя структура серверов клиенту в общем случае не видна. Данные хранятся и обрабатываются в так называемом облаке, которое представляет собой, с точки зрения клиента, один большой виртуальный сервер. Физически же такие серверы могут располагаться удаленно друг от друга географически¹.

По сути, такое расположение делает невозможным получение облачной информации путем изъятия материального носителя ввиду хранения такого рода сведений на сотнях, тысячах серверах в десятках стран. Изъятие одного или десятка таких серверов не обязательно приведет к доступу ко всей необходимой информации, а всего лишь к какой-то ее части, не представляющей в таком фрагментированном виде какого-либо значения для расследуемого уголовного дела.

Под виртуальными (нематериальными) данными понимаются системы, работающие с данными,

¹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Облачное_хранилище_данных (дата обращения: 03.12.2021).

которые располагаются в различных дисперсных хранилищах.

Таким образом, облачное хранилище данных, состоящее по факту из материальных носителей информации, связанных между собой единой сетью, при бесперебойном функционировании и синхронизации всех внутренних процессов предоставляет пользователям возможность хранения информации в структурированном для них виде, а для иных лиц, пытающихся получить доступ к данной информации (в том числе для правоохранительных органов) — в виде ничего не значащих фрагментов, обрывков, распределенных по материальным носителям информации. Другими словами, после попадания в облачное хранилище данных информация «расщепляется» в нем, становится нематериальной (виртуальной), не привязанной к какому-то конкретному носителю информации и, соответственно, недоступной даже в случае физического изъятия части серверов.

Возвращаясь к теме исследования, по нашему мнению, *под цифровыми доказательствами следует понимать как виртуальную (нематериальную), так и хранящуюся на материальных носителях электронную информацию, доказывающую обстоятельства, необходимые для принятия процессуального решения, а также имеющую значение на досудебной стадии уголовного судопроизводства.*

Считаем целесообразным закрепить авторское определение на законодательном уровне.

Предлагаем дополнить ч. 1 ст. 74 УПК РФ пунктом 1.1 следующего содержания: *«Цифровыми доказательствами по уголовному делу являются*

как виртуальные (нематериальные), так и хранящиеся на материальных носителях электронные данные, доказывающие обстоятельства, необходимые для принятия процессуального решения, а также имеющие значение на досудебной стадии уголовного судопроизводства».

Таким образом, внедрение цифровых технологий и переход социальных отношений в «цифровую плоскость» — это неизбежность, диктуемая развивающимися технологиями и растущим в геометрической прогрессии объемом информации, обработать и проанализировать которую мозг не в силах, в связи с чем человек создает различные комплексы программных средств, предоставляющие в кратчайшие сроки необходимую информацию и помогающие ответственному лицу принять на основе анализа данных наиболее оптимальное решение.

Не сможет остаться в стороне от прогресса и уголовное судопроизводство, которое будет так или иначе трансформировано в цифровое, где следственные действия будут оформляться непосредственно в комплексах программных средств. Те же показания на месте, осмотры мест происшествия и обыски должны будут оформляться на переносных электронных устройствах (к примеру, ноутбуках) в виде протоколов, которые после подписания всеми участниками уголовного судопроизводства своими ЭЦП будут незамедлительно загружаться в КПС «Уголовные дела». Очевидно, что это не произойдет в ближайшее десятилетие, но переход к «цифровому расследованию» уголовных дел уже осуществляется, и иных альтернатив этому не предвидится.

1. Ищенко П. П. О необходимости цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (24—25 мая 2019 г.). В 2 т. Т. 1. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. С. 334—336.

2. Почкаенко В. Ю., Шудрова К. Е. Организация защищенного канала передачи информации // Программные продукты и системы. 2012. № 3. С. 142—147.

3. Зайцев Н. И., Рамалданов Х. Х. Основы расследования уголовных дел о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов РФ: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2020. 115 с.

4. Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9—18.

1. Ishchenko P. P. On the need for digitalization of pre-trial proceedings in criminal cases. In: Tambov legal readings named after F. N. Plevako. Materials of III International scientific and practical conference. 24—25 May 2019. In 2 vols. Vol. 1. Tambov: Publishing house "Derzhavinsky"; 2019: 334—336. (In Russ.).

2. Pochkaenko V. Yu., Shudrova K. E. Organization of protected information channel. Software Products and Systems, 142—147, 2012. (In Russ.).

3. Zaitsev N. I., Ramaldanov H. H. Fundamentals of the investigation of criminal cases of crimes within the competence of the customs authorities of the Russian Federation. Tutorial for universities. Moscow: Yurait; 2020: 115. (In Russ.).

4. Vlasova S. V. On the issue of adapting the criminal procedure mechanism to the digital reality. Criminalist's Library. Scientific journal, 9—18, 2018. (In Russ.).

5. Малышева О. А. Особенности доказывания, осуществляемого следователем, в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10 (74). С. 82—88.

6. Александров А. С. Учение о следственных действиях на пороге «Цифрового мира» // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 4. С. 80—85.

7. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15—25.

8. Черданцев А. Ю. Понятие цифровых доказательств, современное состояние и их роль в доказательственном процессе // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 4. С. 55—60.

9. Иванов Н. А. Транснациональные преступления, совершаемые с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (классификация, теория и практика расследования): специализированный учебный курс. Саратов: Сателлит, 2007. С. 82, 89. 127 с.

Ханбулат Хизриевич Рамалданов,
старший преподаватель
кафедры таможенного дела
Института экономики, управления и финансов
Российского нового университета;
hanbulatramaldanov93@mail.ru

5. Malysheva O. A. A features of the proof, carried out by the investigator, in the conditions of digitalization of criminal proceedings. Bulletin of Kutafin University (MGJA), 82—88, 2020. (In Russ.).

6. Aleksandrov A. S. Teaching about investigative actions on the threshold of the "Digital world". Legal Bulletin of Samara University, 80—85, 2017. (In Russ.).

7. Golovko L. V. Digitalization in criminal proceedings: local optimization or global revolution? Bulletin of Economic Security, 15—25, 2019. (In Russ.).

8. Cherdantsev A. The concept of digital evidence, the current state and their role in the evidentiary process. Legal Science and Practice, 55—60, 2019. (In Russ.).

9. Ivanov N. A. Transnational crimes committed with the use of computer and telecommunication technologies (classification, theory and practice of investigation). Specialized training course. Saratov: Satellite; 2007: 127. (In Russ.).

Ramaldanov Khanbulat Khizrievich,
senior lecturer at the department of customs
of the Institute of Economics,
Management and Finance
of the Russian New University;
hanbulatramaldanov93@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 04.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 08.12.2021; approved after reviewing 04.02.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.1

doi: 10.25724/VAMVD.ZEFG

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Вероника Викторовна Синкевич

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, mvik29@mail.ru

Аннотация. Практика расследования преступлений во многих странах мира идет по пути планомерной интеграции возможностей инновационных технологий в уголовное судопроизводство. Не только внедряется использование новейших технических средств при производстве по уголовному делу, но и постепенно меняется сам формат осуществления такой деятельности. Технический прогресс и, как следствие, цифровизация большинства сфер жизнедеятельности современного государства и общества детерминирует неизбежность грядущих изменений и в области уголовно-процессуальных правоотношений. Ускорению соответствующих трансформаций, связанных с диджитализацией различных сфер жизни, способствует и плачевная ситуация с распространением с 2020 г. коронавирусной инфекции. В связи с этим применение дистанционных форм осуществления процессуальных действий, внедрение тех или иных специфичных сервисов при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности позволяет как сэкономить время, средства, так и обеспечить санитарно-эпидемиологическую безопасность участников уголовного процесса. В статье автор анализирует практику применения цифровых технологий в иностранных государствах и обосновывает вывод о своевременности и целесообразности изменений действующего российского законодательства, необходимости создания соответствующей правовой и технической базы для введения электронной формы уголовного дела и ее апробирования при расследовании преступлений небольшой тяжести.

Ключевые слова: цифровизация, электронное уголовное дело, уголовное судопроизводство, расследование преступлений, публичный сектор, технологии

Для цитирования: Синкевич В. В. Цифровизация уголовного процесса: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 129—134. doi: 10.25724/VAMVD.ZEFG

DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEDURE: THE FOREIGN AND RUSSIAN EXPERIENCE

Veronika Viktorovna Sinkevich

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, mvik29@mail.ru

Abstract. The practice of criminal investigation in many countries of the world has been systematically integrating the possibilities of innovative technology into criminal proceedings. Not only the use of the latest technical means has been introduced into criminal proceedings, but the very format of such activities has been gradually changing. Technological progress and, as a consequence, digitalization of most spheres of life of the modern state and society determine the inevitability of upcoming changes in legal relations in the field of criminal procedure. The deplorable situation connected with the spread of coronavirus infection since 2020 also causes the acceleration of the corresponding transformations related to the digitalization of various spheres of life. In this regard, the use of remote forms of procedural actions and the introduction of certain specific services while carrying out criminal procedural activities allow saving time and funds as well as ensuring the sanitary and epidemiological safety of participants in criminal proceedings. In the article, the author analyzes the practice of using digital technology in foreign countries and gives grounds for the conclusion about the timeliness and reasonableness of changes in the current Russian legislation and the necessity to create an appropriate legal and technical basis for the introduction of an electronic form of a criminal case and its testing when investigating crimes of minor gravity.

Keywords: digitalization, electronic criminal case, criminal proceedings, criminal investigation, public sector, technology

For citation: Sinkevich V. V. Digitalization of criminal procedure: the foreign and Russian experience. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 129—134, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.ZEFG

В России производство по уголовным делам осуществляется в традиционном бумажном формате с преимущественно непосредственным участием субъектов правоотношений в той или иной процессуальной деятельности.

Исследователи темы цифровизации уголовного судопроизводства наивысшим результатом становления и развития электронного документооборота в уголовном процессе считают внедрение электронного уголовного дела [1].

Работа по введению электронной формы осуществления уголовно-процессуальной деятельности ведется во многих странах достаточно продолжительное время. Прогресс в развитии электронного уголовного дела прослеживается в США, Канаде, Германии, Бельгии, Грузии, Украине, Казахстане и т. д.

Проследим результаты внедрения цифровых технологий в зарубежное уголовное судопроизводство на примере Республики Казахстан.

Изучение законодательства и практической деятельности органов правоохраны Республики Казахстан свидетельствует о масштабном внедрении возможностей цифровизации в уголовное судопроизводство, стремлении постепенного повсеместного использования безбумажного формата фиксации хода и результатов процессуальной деятельности.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (УПК РК) содержит ст. 42.1, закрепляющую форматы уголовного судопроизводства, предусматривая право субъекта расследования избрать бумажный и (или) электронный вариант оформления. Решение о формате уголовного процесса принимает следователь с учетом мнения участников уголовного процесса и возможностей технического оснащения. Решение принимается в виде постановления. В соответствующем постановлении отражается и принятое следователем решение в случае смены формата уголовного судопроизводства. Избранный формат (электронный или бумажный) видоизменяется в зависимости от фактических обстоятельств. Часть 3 статьи 42.1 УПК РК предусматривает и частично бумажный формат, разрешая следователю согласовывать с прокурором свои решения и уведомлять его об их принятии, используя возможности электронного документооборота¹.

Согласно справке о результатах деятельности подразделений следствия и дознания органов внут-

ренних дел (ОВД) Республики Казахстан за 12 месяцев 2020 г. следователями и дознавателями ОВД (согласно отчету 1-Е) расследовалось 392 193 уголовных дела. Нагрузка на сотрудников подразделений следствия и дознания достаточно высокая: на следователя — 61,6, на дознавателя — 134,7, что превышает установленную нормативную нагрузку (приказ МВД РК от 29.03.2017 № 222: следователь — 42, дознаватель — 59 в год). По мере технического оснащения следователей и дознавателей внедряется расследование уголовных дел в электронном формате. За указанный период в производстве территориальных подразделений ОВД в электронном формате велось 115 045 уголовных дел (АППГ — 71 649). Из указанного количества окончено производством — 69 670 дел (2019 г. — 55 629), из них направлено в суд — 13 129 (2019 г. — 10 529), прекращено — 56 541 (2019 г. — 45 100). По итогам 12 месяцев 2020 г. удельный вес дел, которые велись в электронном формате, составил 49,6 % (от числа зарегистрированных)².

Порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности с использованием электронных форм документооборота в большей степени регулируется приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2. Этим документом утверждена Инструкция о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате; в ней изложены основные понятия, которые используются при расследовании преступления в формате электронного документа, а также порядок и особенности электронного досудебного расследования. В числе таких терминов, как «единый реестр досудебных расследований» (ЕРДР), «модуль „Электронное уголовное дело“», «электронное уголовное дело», «электронная цифровая подпись», «электронный документ», «планшет подписи» и т. д., значится понятие публичного сектора, под которым понимается функционал единого реестра досудебных расследований, дающий возможность лицам, участвующим в уголовном процессе с помощью сети Интернет, удаленно получить доступ к файлам и информации, содержащейся в ЕРДР. Так, в онлайн-режиме могут быть получены сведения о процессуальных решениях, поданы жалобы и ходатайства, осуществлено ознакомление с материалами уголовного дела.

² Информация о результатах деятельности подразделений следствия и дознания органов внутренних дел за 2020 год. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/documents/details/142591?lang=ru> (дата обращения: 28.10.2021).

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 28.10.2021).

Публичный сектор предполагает выгрузку должностными лицами электронного варианта процессуальных документов по находящимся в производстве уголовным делам. Одновременно в публичном секторе определяются лица, имеющие доступ к ознакомлению с указанными документами. Такой участник уголовного процесса должен пройти авторизацию при помощи электронной цифровой подписи, выданной Национальным удостоверяющим

центром Республики Казахстан. Вход для авторизации осуществляется преимущественно через Mozilla Firefox, но также и с помощью иных браузеров. После авторизации участник уголовного судопроизводства должен пройти аутентификацию, в результате чего будет определена возможность пользователя выполнять определенные действия на данном портале (рис. 1).

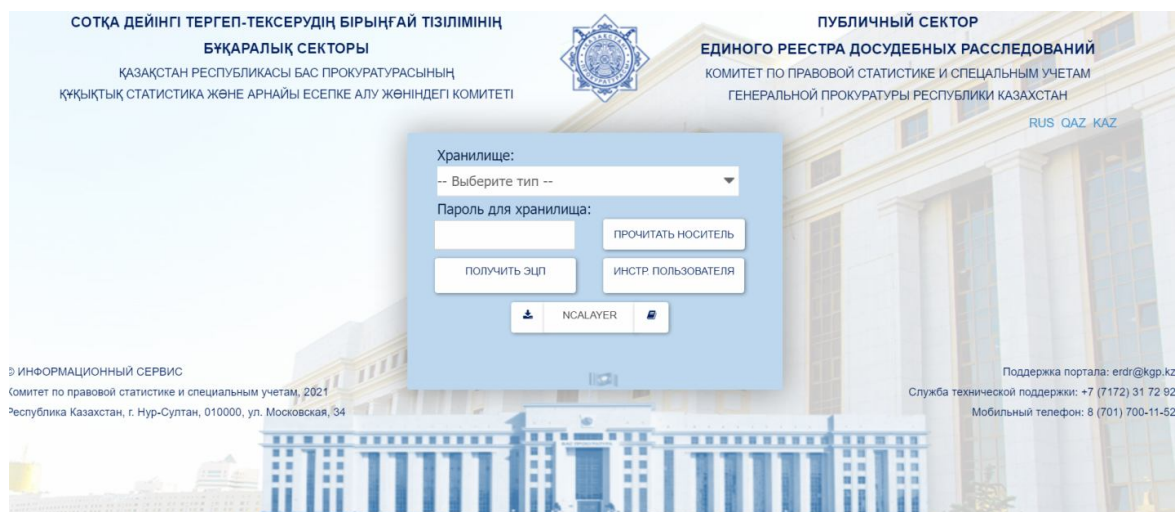

Рис. 1. Интерфейс портала «Публичный сектор»

В личном кабинете участник уголовного судопроизводства может подать заявление о преступлении, ходатайство или жалобу по уголовному делу, узна-

вать статус обращений, ознакомиться с материалами уголовного дела (рис. 2, 3).

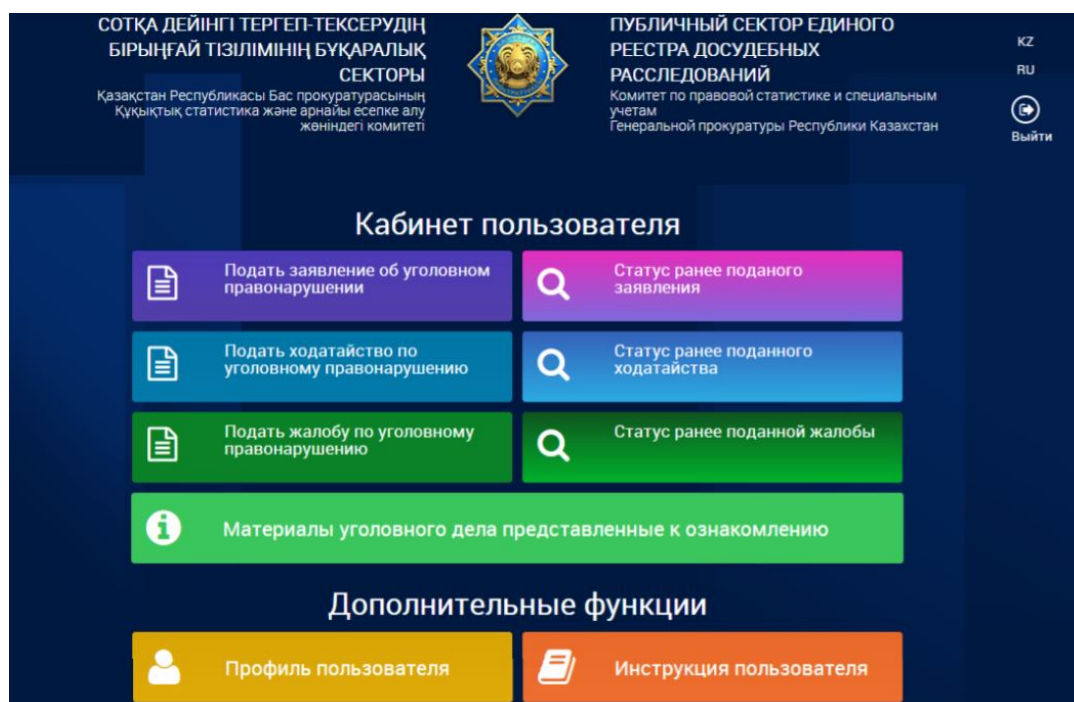

Рис. 2. Интерфейс кабинета пользователя сервера «Публичный сектор»

Ознакомление с материалами уголовного дела в бумажном формате возможно лишь во время работы следственного подразделения и самого лица, ведущего расследование. Например, как видно из следственной и судебной практики, 4 марта 2019 г. обвиняемый ФИО и его защитник А. В. Котовасова уведомлены об окончании следственных действий по уголовному делу, состоящему из 247 томов. Участниками уголовного процесса была заявлено ходатайство как о раздельном, так и совместном ознакомлении. Обвиняемому и его защитнику разъяснено, что они вправе знакомиться с материалами уголовного дела в СЧ СУ УМВД России по Ивановской области ежедневно в рабочее время с 09 часов 00 минут до 18 часов 00 минут¹.

Ознакомление же с электронным материалом может быть осуществлено когда это удобно, например, обвиняемому и его защитнику, в том числе в ночное время.

В перспективе развитие электронного уголовного судопроизводства будет заключаться как в оптимизации существующих технических возможностей, так и в изменении установленных законом процедур ведения уголовно-процессуальной деятельности, и как следствие — трансформации федерального законодательства, регулирующего данные правоотношения. В числе приоритетных задач по цифровизации различных сфер жизни Президентом Российской Федерации обозначены создание системы правового регулирования цифрового пространства, подготовка высококвалифицированных специалистов, обеспечение информационной безопасности, применение преимущественно отечественных разработок передачи, обработки, хранения информации².

Ученые отмечают, что цифровизация любых этапов уголовно-процессуальной деятельности должна осуществляться комплексно и отражаться в положениях УПК РФ. На первое место процессуалисты ставят именно правовое регулирование применения возможностей различных технологий при расследовании преступлений. В отсутствие достаточного правового регулирования цифрови-

зации уголовного судопроизводства применение органами правоохранительной системы цифровых технологий будет лишено возможности реализации тех или иных новшеств в практической деятельности.

Современный этап развития уголовного судопроизводства, безусловно, можно назвать переломным: это время развития информационных технологий и их внедрение в том числе в процесс расследования преступлений и разрешения уголовных дел.

Вместе с тем считаем, что стереотипное мышление и восприятие при использовании инноваций технической индустрии в уголовном судопроизводстве будет меняться, что может отрицательно сказаться на достижении целей уголовного процесса. Виртуальное участие в процессе расследования, предъявление обвинения онлайн, рассмотрение уголовного дела при помощи различных онлайн-инструментов деформируют предупредительную и воспитательную функцию процессуальной деятельности. Возможно ли формирование личностно-психологических установок участников уголовного процесса и лиц, присутствующих при рассмотрении уголовных дел, если такая деятельность осуществляется онлайн? Дистанционное обучение, общение, виртуальное посещение балета или оперы дают меньше эмоций, нежели проведение тех же мероприятий офлайн. Каждый из нас замечал, что пока денежные средства находятся на счете, доступ к которому есть, например, через мобильное приложение, или на пластиковой карте, они тратятся гораздо быстрее, чем бумажные купюры. Посредством повсеместного внедрения цифровизации чувства реальности притупляется.

Еще одним интересным вопросом является субъектный состав правоотношения в ходе реализации уголовно-процессуальной деятельности. В традиционном понимании правоотношения, складывающиеся в результате процессуальной деятельности, образуются между реальными участниками уголовного судопроизводства: физическими или юридическими лицами. Интересы юридического лица при этом также представляет физическое лицо. Современное же развитие правовой мысли и жизненных реалий в части применения цифровых технологий заставляет задуматься о субъектах правоотношений «физическое лицо — искусственный интеллект», «юридическое лицо — искусственный интеллект». Постепенно зарождается понятие цифровой личности как субъекта уголовно-процессуальных правоотношений. В качестве такого виртуального субъекта могут выступать

¹ Апелляционное постановление Ивановского областного суда (Ивановская область) № 22К-188/2020 от 30 января 2020 г. по делу № 3/14-164/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.01.2022).

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (дата обращения: 21.01.2022).

физическое или юридическое лицо, а также государство. Может ли виртуальная личность быть субъектом правоотношений — вопрос интересный.

Кроме этого, безусловно, необходимо повышение квалификации сотрудников правоохранительной системы и их обучение особенностям использования результатов технического прогресса, разработка методического материала по применению создаваемых сервисов. Важнейшим направлением в становлении цифрового уголовного судопроизводства выступает создание условий обеспечения безопасности информации, хранящейся на тех или иных порталах, либо сведений, которые передаются между подразделениями.

Однако мы согласны с мнением большинства ученых, что отправной точкой, истоком диджитализации уголовного судопроизводства, залогом надлежащего обеспечения прав и интересов человека и гражданина является принятие соответствующих нормативных правовых актов, внесение в действующее законодательство изменений, содержащих четкие, ясные правоприменительные положения, касающиеся применения новейших технологий.

Считаем, что в настоящий период назрела необходимость разработки и применения цифровых программ при расследовании преступлений небольшой тяжести, внедрение систем, дающих возможность

ведения электронного уголовного дела. В условиях надлежащего технического обеспечения осуществления уголовно-процессуальной деятельности в электронной форме важно внести и определенные изменения в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.

Так, говоря об интеграции электронного уголовного дела в уголовный процесс, следует внести в ст. 5 УПК РФ такие понятия, как электронный документ, используемые серверы, электронный носитель информации, формат уголовного дела, электронное уголовное дело, а также иные термины, которые будут применяться при ведении электронного уголовного дела. Главу, регламентирующую общие условия предварительного расследования, стоит дополнить нормой о формате, или внешнем виде уголовного дела, предусмотрев возможность его ведения как в бумажном, так и в электронном выражении. В данной статье надлежит обозначить, что производство в формате электронного уголовного дела применимо только по делам, относящимся к небольшой тяжести при согласии заинтересованных участников уголовного процесса. Кроме этого, УПК РФ следует дополнить новой главой, отражающей особенности возбуждения, расследования и рассмотрения уголовных дел электронного формата.

---

1. Зуев С. В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 6—12.

2. Ищенко П. П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex Russica. 2019. № 12 (157). С. 68—79.

Синкевич Вероника Викторовна,
доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
mvik29@mail.ru

---

1. Zuev S. V. Electronic criminal case: pros and cons. Legal Order: history, theory, practice, 6—12, 2018. (In Russ.).

2. Ishchenko P. P. Modern approaches to digitalization of pre-trial proceedings on criminal cases. Lex Russica, 68—79, 2019. (In Russ.).

Sinkevich Veronika Viktorovna,
associate professor at the department
of criminal procedure
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in Law Enforcement Bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
mvik29@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.12.2021; одобрена после рецензирования 03.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 17.12.2021; approved after reviewing 03.02.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.985.7:343.7

doi: 10.25724/VAMVD.ZFGH

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
«ДИСТАНЦИОННЫХ» МОШЕННИЧЕСТВ,
СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ**

Анна Викторовна Сычева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, anna002@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен анализ статистических данных о мошенничествах, совершенных в отношении пожилых людей дистанционным способом за последние годы, который подтверждает актуальность выбранной темы. Названный вид преступных посягательств имеет высокую общественную опасность ввиду того, что пожилые люди, обладая излишней доверчивостью, простотой, наивностью, часто не в состоянии защитить свои права. В статье рассмотрены основные взаимосвязанные и взаимообусловленные криминалистически значимые элементы «дистанционных» мошенничеств, совершенных в отношении пожилых людей. При анализе криминалистической характеристики приведены примеры из следственной практики. Дана характеристика личности потерпевшего, отмечены ее особенности; проанализирована личность вероятного преступника; рассмотрены некоторые наиболее актуальные способы подготовки, совершения и сокрытия «дистанционных» мошенничеств; обстановка совершения преступления и наиболее характерные материальные и идеальные следы.

Ключевые слова: «дистанционное» мошенничество, пожилые люди, пенсионеры, кибермошенничество, криминалистическая характеристика мошенничества, личность потерпевшего, личность преступника

Для цитирования: Сычева А. В. Некоторые вопросы криминалистической характеристики «дистанционных» мошенничеств, совершенных в отношении пожилых людей // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 135—140. doi: 10.25724/VAMVD.ZFGH

**SOME PROBLEMATIC ISSUES OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS
OF "REMOTE" FRAUDS COMMITTED AGAINST THE ELDERLY**

Anna Viktorovna Sycheva

Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, anna002@yandex.ru

Abstract. The article analyzes statistical data on the number of frauds committed against the elderly remotely in recent years, which convincingly confirms the relevance of this topic. This type of criminal encroachments is the most socially dangerous due to the fact that elderly people, possessing excessive credulity, simplicity, naivety, are often unable to protect their rights. This article examines the main interrelated and mutually dependent criminalistically significant elements of "remote" frauds committed against the elderly. When analyzing the criminalistic characteristics of the crimes under consideration, examples from the practice of fraud investigation are given. The article describes the personality of the victim, its features are considered; the personality of the probable criminal is analyzed; some of the most relevant methods of preparation, commission and concealment of "remote" frauds, the crime scene and the most characteristic material and ideal traces.

Keywords: "remote" fraud, elderly people, pensioners, cyber fraud, criminalistic characteristics of fraud, the identity of the victim, the identity of the criminal

For citation: Sycheva A. V. Some problematic issues of criminalistic characteristics of "remote" frauds committed against the elderly. Journal of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia, 135—140, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.ZFGH

В последнее время мошенничество приобретает все большие масштабы не только в России, но и в мире. Среди данных преступлений немалая часть принадлежит мошенничествам, совершаемым в отношении пожилых людей. Этот вид преступных посягательств имеет особую опасность ввиду того, что пожилые люди, будучи излишне доверчивы, простодушны, часто не в состоянии защитить свои права.

По оценке экспертов доля пожилых людей среди потерпевших от мошенников составляет почти 80 %¹. В отчете Бюро финансовой защиты потребителей указано, что с 2013 по 2017 г. количество сообщений о подозрительной деятельности, направленной против пожилых людей, увеличилось в четыре раза². При этом масштаб такого мошенничества приобрел мировое значение. Так, средний ущерб от каждого мошенника составил 16 700 долларов США. Треть людей, потерявших деньги, были в возрасте 80 лет и старше³.

Проблема мошенничества в отношении пожилых лиц никогда не потеряет своей актуальности, поскольку большинство из них являются одинокими людьми и в силу своей изолированности, недостатка в общении легко вступают в контакт с незнакомцами и поддаются внушению со стороны. По оценке криминологов, старики — самая незащищенная категория жертв из всех возможных. Даже дети имеют ряд преимуществ перед ними с точки зрения виктимологии: на страже их безопасности стоят государственные структуры, общественные институты, родители. Закон карает за посягательство на несовершеннолетнего гораздо строже⁴. Безусловно, к беде пожилого человека многие относятся с сочувствием, но реальных механизмов их дополнительной защиты нет, хотя неоднократно в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации вносились подобные законо-

дательные инициативы⁵, но до настоящего времени никаких документов официально не одобрено.

В данной статье мы рассмотрим основные элементы криминалистической характеристики мошенничеств, совершенных дистанционным способом в отношении пожилых людей. По нашему мнению, в их число необходимо включить следующие взаимосвязанные криминалистически значимые сведения:

- характеристику личности потерпевшего;
- характеристику личности мошенника;
- способ подготовки, совершения и сокрытия мошенничества;
- обстановку совершения мошенничества (время, место);
- следы материального и идеального характера.

Личность потерпевшего. В ходе изучения уголовных дел о мошенничествах, совершенных дистанционно в отношении пожилых людей, было выявлено несколько характерных черт потерпевших, из-за наличия которых именно они становятся жертвами мошенников:

1. Отсутствие либо только базовые навыки работы с компьютером. Сегодня Интернет становится привычной средой для молодого поколения, пожилые люди же с трудом разбираются в компьютерной технике. Во время пандемии коронавирусной инфекции большинство сервисов перешло на электронный формат работы (многофункциональные центры, Пенсионный фонд России и др.), в связи с чем пенсионерам невольно пришлось приобретать хотя бы минимальные навыки работы в сети Интернет. Естественно, многие из них при встрече с кибермошенником, который, например, сообщает, что устройство потерпевшего нуждается в срочном важном обновлении, готовы отдать любые деньги за ремонт мобильного телефона или иного гаджета.

2. Мошенники прекрасно понимают, что при выходе на пенсию большинство людей имеют какие-либо денежные сбережения. В данном случае

¹ См.: Профилактика финансового мошенничества среди граждан пожилого возраста и инвалидов. URL: zabota053.msp.midural.ru (дата обращения: 30.09.2021).

² См.: Как пожилым людям не стать жертвой интернет-мошенников. URL: cloudav.ru/mediactnter/fam (дата обращения: 29.09.2021).

³ См.: Старик и горе. URL: iz-ru.turbopages.org/iz.ru/s/ (дата обращения: 29.09.2021).

⁴ Там же.

⁵ См.: Как в РФ ужесточат наказание за обман пожилых людей. URL: <https://pravo-i-finansy.ru/kak-v-rf-uzhestochat-nakazanie-za-obman-pozhilyh-ljudej> (дата обращения: 29.09.2021); За обман стариков и инвалидов торговцы заплатят 66 тысяч рублей. URL: <https://www.pnp.ru/economics/za-obman-starikov-i-invalidov-torgovcy-zaplatyat-600-tysyach-rublej.html> (дата обращения: 30.09.2021); В Партии пенсионеров отреагировали на отказ Госдумы ужесточить наказание за мошенничество в отношении пожилых людей. URL: <https://mskgazeta.ru/obshchestvo/v-partii-pensionerov-otreagirovali-na-otkaz-gosdumy-uzhestochit-nakazanie-zamoshennichestvo-v-otnoshenii-pozhilyh-lyudej-6133.html> (дата обращения: 30.09.2021).

пожилые люди больше, чем иные, расположены помочь финансово своему родственнику, попавшему в беду, или благотворительному фонду, собирающему средства на лечение тяжелобольных детей. Так, в Челябинске телефонные мошенники похитили у медсестры онкодиспансера деньги, которые она десять лет копила на покупку квартиры. Пожилая женщина отдала преступникам около пяти миллионов рублей¹.

3. Пенсионеры, не имеющие финансового запаса, часто хотят быстро заработать деньги, принимая участие, например, в лотереях. При этом такие лица нередко становятся жертвами интернет-мошенников.

4. Многие пожилые люди не имеют близких родственников или людей, которые могут позаботиться о них. Чувствуя себя изолированными от общества, некоторые пенсионеры пытаются найти собеседников в Интернете, чем пользуются мошенники, которые создают в социальных сетях профили вымышленных людей и знакомятся с пожилыми людьми в преступных целях.

5. Независимо от того, изолированно живет пожилой человек или в окружении близких людей, с возрастом у него могут наступать определенные изменения в работе мозга, мешающие критически мыслить, поэтому пенсионеры становятся более доверчивыми, чем, безусловно, пользуются кибермошенники.

О. А. Хворост справедливо утверждает, что «вероятность пострадать от мошенничества выше, с одной стороны, у жадных, наивных и доверчивых, некритичных мужчин и женщин либо молодого, либо пожилого возраста, обладающих низким уровнем информированности о современных схемах мошенничества. С другой стороны, высокой виктимностью обладают люди, имеющие достаточно высокое образование и в силу этого ведущие активную жизнь, включающиеся во множество различных, новых для них видов деятельности. Часто это азартные, любящие риск индивиды. Однако ни один человек, какими бы характеристиками он ни обладал, не застрахован от того, чтобы стать жертвой преступного обмана, поскольку совершению преступления может сопутствовать множество ситуативных факторов, а опытный аферист сможет сориентироваться и найти подход к практически любому человеку» [1, с. 189].

¹ См.: Отобрали последнее: челябинская медсестра отдала мошенникам 5 миллионов рублей. Вести. Дежурная часть. URL: vesti.ru/video/2341296 (дата обращения: 29.09.2021).

Безусловно, не все потерпевшие от «дистанционного» мошенничества сразу понимают, что в отношении них было совершено преступление.

При обращении в правоохранительные органы пожилые люди часто занимают активную позицию, стараются содействовать расследованию в целях скорейшего установления личности преступника в надежде, что похищенное у них имущество будет возвращено. Представляется, что они ведут себя подобным образом в связи с тем, что их основным доходом является пенсия, на которую посягнули мошенники.

Информация о поведении пожилого потерпевшего от мошенничества дает возможность следователю изучить обстоятельства, необходимые для раскрытия и расследования преступления.

Личность преступника. Как известно, изучение личности преступника в криминалистическом аспекте и дальнейшая разработка на этой основе рекомендаций в целях повышения эффективности расследования преступлений традиционно входят в арсенал криминалистических средств, направленных на борьбу с преступностью в целом и «дистанционным» мошенничеством в отношении пожилых людей в частности.

При сборе данных о личности преступника субъекту расследования целесообразно выявить физические, психологические, возрастные и иные ее особенности.

При рассмотрении личности преступника, совершающего «дистанционные» мошенничества в отношении пожилых людей, необходимо отметить, что некоторые злоумышленники нацелены на «общие кибермошенничества», т. е. их посягательства не направлены на конкретную или возрастную или социальную группу, другие же совершают мошеннические действия в Интернете именно в отношении пожилых людей. В последнем случае преступниками являются молодые люди, имеющие специальные знания в области компьютерной техники, со средним специальным или высшим образованием по специальностям, связанным с работой на электронно-вычислительных машинах. Данные преступления совершают и ранее судимые граждане, и лица, не имеющие судимости (в простом мошенничестве субъектом чаще всего являются маргинальные, ранее судимые лица) [2, с. 117].

Многие мошенники детально изучают психологию бизнесменов, что дает им возможность в дальнейшем выдавать себя за успешных предпринимателей, убеждать потенциальных жертв в надежности и выгоды предлагаемой сделки

и своим красноречием заставляя собеседников «ощутить прибыль» [3, с. 77].

Способ подготовки, совершения и сокрытия преступления. В подготовку к совершению преступлений рассматриваемой категории входят выбор преступниками «выгодного» предложения для потерпевшего; создание необходимых (возможно поддельных) сайтов; отправка сообщений на мобильный телефон, электронную почту, в социальные сети; подбор участников преступления и т. д.

Рассмотрим некоторые способы совершения мошенничеств в Интернете в отношении пожилых людей:

1. **Онлайн-знакомства.** Как уже упоминалось, многие пожилые люди являются одиночками и хотят найти собеседника в глобальной сети. Круг знакомств в Интернете огромный, но, к сожалению, в нем множество мошенников, желающих получить незаконную прибыль за счет доверчивых граждан. Злоумышленники пользуются кэтфишингом (поддельным профилем), т. е. создают в социальных сетях профиль несуществующего человека для знакомства с пожилыми людьми в целях дальнейшего получения от них денег обманным путем. В ходе общения мошенники просят у граждан займы денежных средства, чтобы, например, спасти близкого родственника, которому срочно требуется сложная операция, или в связи с трудной жизненной ситуацией. Получив деньги, преступник перестает выходить на связь.

2. **Онлайн-инвестиции.** Многим пожилым людям необходим дополнительный доход помимо пенсии от государства. Мошеннические схемы с онлайн-инвестициями нацелены именно на такую аудиторию. Обещая дивиденды от инвестиций, мошенники получают денежные средства, а затем блокируют ранее использованные сайты и телефоны и исчезают.

3. **Лотереи.** Несмотря на то что данный способ мошенничества не является новым, пожилые люди продолжают отдавать деньги преступникам, увидев красочный баннер на каком-либо сайте с обещанием выигрыша, письмо на электронной почте либо смс-сообщение. Затем злоумышленники просят передать им персональные данные, данные банковских карт якобы для перевода приза и таким образом получают доступ к личному кабинету потерпевшего и, соответственно, возможность распоряжаться деньгами последнего по своему усмотрению.

4. **Поддельные лекарства по рецептам.** Нередко пожилые люди имеют хронические заболевания, излечить которые современная медицина, к сожа-

лению, не всегда в состоянии. Надеясь на чудодейственный эффект, пенсионеры часто становятся жертвами мошенничества. В поисках лекарства по более низкой стоимости они могут зайти на фейковые сайты, созданные злоумышленниками. Далее возможны два варианта развития событий: либо эти лекарства после оплаты окажутся поддельными, либо они вообще не дойдут до адресата. Кроме того, мошенники могут предлагать пожилым людям альтернативные препараты, которые на деле оказываются запрещенными или не имеющими разрешения к продаже и представляют угрозу для жизни и здоровья.

5. **Техническая поддержка.** Как правило, при таком способе совершения преступления на экране компьютера потерпевшего появляется сообщение о возникшей неисправности с указанием номера телефона технической поддержки. Псевдосотрудники Apple и Microsoft отвечают на телефонные звонки и убеждают пожилых людей предоставить им доступ к компьютеру для решения проблемы. После этого мошенники получают возможность распоряжаться денежными средствами жертвы. Так, в 2018 г. потери от подобных преступлений составили свыше 55 миллионов долларов США¹.

6. **Антивозрастные продукты.** Многие пожилые люди стремятся выглядеть моложе своих лет, однако и здесь их подстерегает обман: реклама недорогих или даже бесплатных (необходимо оплатить только доставку или налог) омолаживающих средств. Как только пожилой человек вводит на сайте данные своей банковской карты, мошенники получают доступ к его личному кабинету и с легкостью могут распоряжаться денежными средствами по своему усмотрению.

7. **Лжеполицейские.** В последнее время все большую популярность приобретает способ совершения мошенничества, при котором на мобильный телефон пожилого человека звонит преступник и представляется участковым уполномоченным полиции или иным сотрудником правоохранительных органов и просит оказать помощь в поимке особо опасных преступников. При этом злоумышленник просит взять с собой наличные денежные средства. Так, 96-летний потерпевший П. пояснил, что ему на мобильный телефон позвонили неизвестные лица по поводу якобы утерянных документов, далее с ним связался мошенник, который представился участковым уполномоченным полиции

¹ См.: Как пожилым людям не стать жертвой интернет-мошенников. URL: cloudav.ru/mediactnter/fam (дата обращения: 29.09.2021).

и проинформировал о том, что в районе проживания потерпевшего «сейчас работают бандиты». Далее жертве поступил звонок от «бандита». Последний в категоричной форме потребовал от потерпевшего 400 тыс. руб. После угроз ветеран обратился к лжеучастковому по оставленному им ранее номеру телефона. Псевдополицейский попросил П. снять денежные средства в банке и помочь ему задержать преступника с поличным. Бдительные банковские работники помешали П. передать деньги мошенникам: вызвали сотрудников полиции, которые доставили П. в отдел полиции для написания заявления. Однако по возвращении П. домой злоумышленники продолжали оказывать давление на него. «Бандит» снова позвонил ему на мобильный телефон и сообщил о том, что знает о визите потерпевшего в полицию. В итоге пенсионер по указанию преступников в назначенное время выбросил банкноты с балкона в сумке¹.

Приведенный перечень способов совершения «дистанционных» мошенничеств в отношении пожилых людей, безусловно, не является исчерпывающим. Мошенники каждый день изобретают новые схемы обмана граждан, поэтому указать их все вряд ли представится возможным.

Действия мошенников по сокрытию преступлений предполагают блокирование специально созданных для совершения преступления сайтов, отключение мобильных телефонов, закрытие счетов в банке и т. д.

Обстановка совершения преступления. При рассмотрении обстановки совершения «дистанционного» мошенничества в отношении пожилых людей приведем справедливое утверждение О. В. Волоховой о том, что это один из основных элементов криминалистической характеристики мошенничества, без знания которого невозможно предупредить и пресечь данное преступление [4]. Разумеется, «дистанционные» мошенничества не привязаны к определенному месту, они могут совершаться из соседней квартиры, другого города или даже иной страны. Мошенники могут обманывать пожилых граждан, находясь на отдыхе или в местах лишения свободы. В ходе изучения следственной практики было установлено, что некоторые преступники, будучи специалистами в области IT-технологий, имея основную работу, «подрабатывали», обманывая пенсионеров. Так, П., являясь

инженером технической части ООО «Лагуна» в г. Кемерово, в обязанности которого входило обслуживание компьютерной техники на предприятии и устранение иных технических неполадок в сети Интернет, в свободное от работы время рассылал пожилым людям на мобильные телефоны сообщения о якобы повышении пенсии и просил потерпевших оплатить госпошлину в сумме 10 тыс. руб. для того, чтобы оказаться первым в очереди на оформление повышенной пенсии. В ходе предварительного расследования было установлено, что П. совершил 32 эпизода «дистанционных» мошеннических действий в отношении пожилых людей на общую сумму 320 тыс. руб. Допрошенный в качестве подозреваемого П. пояснил, что он совершал мошенничества в отношении именно пожилых людей, поскольку они очень доверчивы и их проще всего ввести в заблуждение².

Изучение уголовных дел о «дистанционных» мошенничествах в отношении пожилых людей показало, что преступления могут совершаться в любое время года и любое время суток, но в большинстве случаев это период с 12:00 до 17:00. На наш взгляд, данный факт можно объяснить тем, что с утра до 12:00—13:00 большинство лиц пенсионного возраста посещают продуктовые магазины, предоставляющие им скидки, и не слышат телефонных звонков либо не берут трубку по причине занятости.

Следовая картина. Идеальными следами, сохранившимися в памяти потерпевшего, могут выступать сведения, характеризующие преступника; информация о мотивах, побудивших потерпевшего заключить сделку с мошенником; сведения о том, чем преступник аргументировал выгодность сделки; информация об особенностях контакта между мошенником и потерпевшим; сведения о внешнем облике преступника, если потерпевший видел его воочию; информация о голосе мошенника, если потерпевший общался с ним, и т. д.

Материальными следами являются документы, характеризующие личность потерпевшего; документы, которые преступник предъявлял или направлял потерпевшему; информация о сообщениях, которые мошенник отправлял потерпевшему; данные о номере счета, куда потерпевший перевел свои денежные средства; информация о номере телефона, с которого мошенник звонил или направлял сообщения; сайт, где была размещена реклама, и иное.

¹ Дотянуться до «гробовых»: аферисты обдирают пожилых россиян. URL: [URL: URL: iz.ru.turbopages.org/iz.ru/s/](http://iz.ru/turbopages.org/iz.ru/s/) (дата обращения: 29.09.2021).

² См.: Материалы следственной практики ГСУ МВД России по Кемеровской области.

В завершение отметим, что взаимосвязанные и взаимообусловленные сведения об элементах криминалистической характеристики «дистанционных» мошенничеств, совершенных в отношении пожилых людей, могут оказать субъекту рассле-

дования помощь в выдвижении версий, планировании следственных действий, установлении личности преступника и избрании мер по его розыску в целях полного, всестороннего и объективного расследования преступлений.

---

1. Хворост О. А. Жертва мошенничества: характеристики и особенности // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 7. С. 187—193.

2. Кривошапова С. В., Литвинов Е. А. Оценка и способы борьбы с мошенничеством с банковскими картами в России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 4. С. 116—120.

3. Шульгина И. В. Криминалистическая характеристика личности мошенника // Наука и образование сегодня. 2018. № 5 (28). С. 76—78.

4. Волохова О. В. Современные способы совершения мошенничества: особенности выявления и расследования. Москва: Юрлитинформ, 2005. 122 с.

---

1. Khvorost O. A. Victim of fraud: characteristics and features. Scientific problems of humanitarian research 187—193, 2012. (In Russ.).

2. Krivoshapova S. V., Litvinov E. A. Evaluation and methods of combating fraud with bank cards in Russia. International Journal of Applied and Fundamental Research, 116—112, 2015. (In Russ.).

3. Shulgina I. V. Forensic characteristics of a fraudster's personality. Science and education today, 76—78, 2018. (In Russian).

4. Volokhova O. V. Modern methods of committing fraud: features of detection and investigation. Moscow: Yurлитinform; 2005: 122. (In Russ.).

Сычева Анна Викторовна,

старший преподаватель
кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
anna002@yandex.ru

Sycheva Anna Viktorovna

senior lecturer at the department
of criminalistics
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
anna002@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.12.2021; одобрена после рецензирования 27.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 14.12.2021; approved after reviewing 27.01.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.ZGHI

О ВЛИЯНИИ COVID-19 НА УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ДАННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Мария Юрьевна Тарасова*, **Юлия Владиславовна Контемирова****, **Борис Павлович Смагоринский*****

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

* tarasovawo.mariya@yandex.ru, ** contemirova@yandex.ru, *** volakdm@va-mvd.ru

Аннотация. Интеграция России в международное сообщество наряду с позитивным для нее участием в мировых процессах сопровождается негативной составляющей — усилением влияния международной преступности на внутригосударственную криминальную обстановку, чему также способствуют ускорение миграционной подвижности населения планеты и неподготовленность государственных органов страны к такой динамике в сочетании с ухудшением общей криминальной ситуации. Преступность иностранных граждан вызывает серьезный общественный резонанс, провоцирует разжигание ненависти по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии. Сложная миграционная ситуация и различные попытки, предпринимаемые государством для стабилизации обстановки в стране, являются объектом многих научных исследований на протяжении не одного десятилетия.

В статье определены факторы, способствующие нелегальной миграции и совершению преступлений иностранными гражданами. Выделены последствия ограничительных мер, связанных с дальнейшим распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, отразившиеся на уровне жизни мигрантов. Проанализированы возможные пути выхода из сложившейся кризисной ситуации с оптимистическим и пессимистическим исходами. Дана оценка предложенным Международной полицейской ассоциацией мерам по усилению контроля за миграционной ситуацией, отмечена необходимость использования всего потенциала сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности и повышения уровня взаимодействия между ведомствами и службами, занимающимися вопросами миграции.

Ключевые слова: иностранные граждане, мигранты, нелегальная миграция, преступность иностранных граждан, COVID-19

Для цитирования: Тарасова М. Ю., Контемирова Ю. В., Смагоринский Б. П. О влиянии COVID-19 на уровень преступности иностранных граждан и противодействии данным преступлениям // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 141—147. doi: 10.25724/VAMVD.ZGHI

ON THE ISSUE RELATED TO THE INFLUENCE OF COVID-19 ON THE MIGRATION SITUATION IN RUSSIA

Mariya Yuriyevna Tarasova*, **Julia Vladislavovna Kontemirova****, **Boris Pavlovich Smagorinsky*****

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

* tarasovawo.mariya@yandex.ru, ** contemirova@yandex.ru, *** volakdm@va-mvd.ru

Abstract. Along with Russia's positive participation in the world processes its integration into the international community is accompanied with a negative component that is the increased influence of international crime on the inner state criminal situation. This fact is also facilitated by acceleration of the migration mobility of the planet's population and unpreparedness of the country's state bodies for such dynamics combined with aggravation of the general criminal situation. Crime committed by foreign citizens causes a serious public response, provokes incitement of hatred related to gender, race, nationality, language, origin, attitude to religion. Difficult migration situation and various attempts made by the state to stabilize situation in the country have been the object of many researches for more than one decade.

Factors that contribute to illegal migration and crimes committed by foreign citizens are represented in the given article. The authors identify consequences of the restrictive measures related to the further spreading of a new corona-

virus infection of COVID-19 that influence standard of living of migrants; as well as analyze possible ways out of the acting crisis situation; evaluate the proposed measures to strengthen control over migration situation; point out the necessity to use full potential of forces, means and methods of detective activity and to increase the level of cooperation among the departments and services dealing with migration problems.

Keywords: foreign citizens, migrants, illegal migration, crime committed by foreign citizens, COVID-19

For citation: Tarasova M. Yu., Kontemirova J. V., Smagorinsky B. P. On the issue related to the influence of COVID-19 on the migration situation in Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 141—147, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.ZGHI

Миграционные процессы являются одной из важнейших проблем современности. Несмотря на позитивное влияние внедрения России в международное сообщество наблюдается и отрицательная составляющая — распространение международной преступности на криминальную обстановку внутри страны. Миграция — это не просто передвижение населения через государственные границы, это сложный процесс интеграции, требующий научного подхода в изучении. Любой факт противоправного поведения иностранных граждан вызывает широкий общественный резонанс, провоцирует ксенофобские настроения и дестабилизирует социальную обстановку.

Примером может служить значительное количество резонансных преступлений, совершенных в период с 2019 по 2021 г. в России: зверское изнасилование молодой женщины в Якутии гражданином Республики Киргизия, убийство в г. Москве из хулиганских побуждений спортсмена, пытавшегося заступиться за беременную женщину, шестерыми выходцами из Республики Таджикистан; убийство двух несовершеннолетних девушек во Владимирской области гражданином Республики Таджикистан; разбой и ограбление в г. Новосибирске; неоднократные массовые драки и пр.

В юридической литературе о преступности иностранных граждан встречаются такие понятия, как «иностранный гражданин», «иностранец», «лицо без гражданства», «мигрант», «нелегальный мигрант». Анализ законодательства различных государств позволяет заключить, что в юридической теории и практике понятие «иностранец» применяется довольно широко: как обобщающее для категорий «иностранный гражданин» и «лицо без гражданства» или исключительно в отношении иностранных граждан.

Правовой смысл термина «иностранец» не определен, и учеными он используется в различных значениях. В настоящее время в законодательстве имеются определения понятия «трудоустроенный мигрант», понятие «мигрант» в науке международного права отсутствует.

Не останавливаясь подробно на различиях между понятиями «иностранец», «иностранный гражданин», «мигрант», «трудоустроенный мигрант», «лицо без гражданства», «беженец», «вынужденный переселенец» и пр., в целях практического удобства в статье использованы понятия «иностранный гражданин» и «мигрант» как собирательные термины, подразумевающие лицо, которое не является гражданином Российской Федерации, состоит в гражданстве или подданстве иностранного государства, подтвержденном соответствующими документами, либо не имеет гражданства или подданства какого-либо другого государства.

Современная миграция имеет довольно сложную и, что особенно важно, подвижную структуру. Категории граждан, въезжающих на территорию Российской Федерации, разнообразны по составу, целям, мотивам, продолжительности пребывания, демографическим, социальным признакам. Определить данные категории можно по разным критериям.

Если рассматривать явление миграции с позиции правоохранительной деятельности, то можно выделить:

— легальных мигрантов;

— нелегальных мигрантов, которые, в свою очередь, прибывают для осуществления преступной, иной незаконной деятельности или скрываются от правосудия иностранного государства.

С одной стороны, сам факт въезда на территорию России может быть незаконным, с другой — законно пересекший границу мигрант может иметь целью заниматься противоправной деятельностью на территории Российской Федерации.

Исследователь проблемы преступности иностранных граждан С. Е. Метелев предложил понимать явление криминальной миграции таким образом: «Это социальное, относительно массовое, общественно опасное явление, проявляющееся в территориальном перемещении лиц в целях совершения преступлений, а также перемещении криминальных технологий» [1, с. 17].

А. Н. Шкилев определяет рассматриваемое явление следующим образом: «Под незаконной миграцией понимается территориальное перемещение

населения в физическом пространстве, вызванное социально-экономическими, политико-правовыми и национально-демографическими факторами, в нарушение действующих норм международного права и национального законодательства» [2, с. 12].

В статье 1 Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией¹ к незаконным мигрантам отнесены граждане третьих государств и лица без гражданства, нарушившие правила въезда, выезда, пребывания или транзитного проезда через территории сторон соглашения, а также граждане, нарушившие правила пребывания на территории одной из сторон, установленные ее национальным законодательством.

Е. С. Красинец, Е. С. Кубишин, Е. В. Тюрюканова рассматривают нелегальных мигрантов как лиц, незаконно въехавших на территорию государства, должным образом не оформивших пребывание в нем и занимающихся противоправной деятельностью [3, с. 71].

Незаконная миграция поэтапно превратилась в отлаженный криминальный бизнес с разветвленной структурой, миллионным количеством вовлеченных лиц с огромным оборотом финансового капитала. В связи с невозможностью определения даже приблизительного количества нелегально находящихся в стране мигрантов и отсутствием рациональных перспектив борьбы с этим явлением, а также глобальными последствиями, разжигающими новые преступления, однозначно оценить процесс миграции более чем проблематично.

Стремительному росту количества нелегальных мигрантов за последние десятилетия способствуют эффективно действующая система диаспор, низкая себестоимость труда мигрантов, а также возможность заработка в федеральных центрах России по сравнению с невысоким экономическим уровнем регионов оттока (как правило, это государства, ранее входившие в состав СССР) [4, с. 127].

По мнению И. Л. Хромова, целью приезда иностранных граждан в Российскую Федерацию в составе преступных групп зачастую является криминальная деятельность. Жизнеспособность и сплоченность таких структур повышается ввиду этнической общности, созданной для реализации корыстных интересов. В своей противоправной дея-

тельности такие объединения мигрантов нередко используют легально действующие национальные общины, диаспоры, землячества. В то же время они сохраняют высокий уровень закрытости от посторонних и самостоятельность в решении важных внутриобщинных вопросов [5, с. 31].

В условиях современной России можно выделить следующие наиболее значимые факторы, влияющие на уровень преступности иностранных граждан:

— отсутствие ожидаемых результатов от государственной миграционной политики, реализацию которой предполагается осуществить в три этапа до 2025 г.²;

— значительное объединение мигрантов, в том числе нелегальных, в привлекательных в экономическом отношении регионах;

— слабый процесс ассимиляции мигрантов, обусловленный особенностями менталитета, религиозными убеждениями, социально-культурными и этнопсихологическими традициями, агрессивным поведением и недружелюбным настроением со стороны принимающего населения;

— неблагоприятные социально-правовые условия, в которых осуществляют свою деятельность трудовые мигранты, отсутствие социальных гарантий и правовой защиты;

— нарастание этнической организованной преступности, способствующей привлечению нелегальных мигрантов на территорию России, в том числе в связи с ограничительными мерами, связанными с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19;

— недостаточно эффективное взаимодействие, как между подразделениями МВД России, так и с другими органами, по вопросам противодействия преступности иностранных граждан;

— низкий уровень использования телерадиовещания, сети Интернет и потенциала оперативно-разыскной деятельности для решения задач по выявлению, профилактике, пресечению и раскрытию преступлений, совершаемых мигрантами.

На основании изложенного представители правоохранительных органов Российской Федерации часто воспринимают иностранных граждан как потенциальных преступников и вынуждены по возможности предпринимать дополнительные меры

¹ Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией: ратифицировано федер. законом Рос. Федер. от 12 июля 2000 г. № 97-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом Российской Федерации). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

по проверке законности их пребывания и на предмет причастности к криминальным деяниям.

Деятельность сотрудников органов внутренних дел и других ведомств осложнена особым правовым режимом международно-правового регулирования отношений с иностранными гражданами и правовым статусом самого мигранта.

С 2020 г. правовое положение иностранных граждан в России неоднократно подвергалось некоторым изменениям ввиду действия ограничительных мер, связанных с коронавирусом. В соответствии с указами Президента¹ до 15 июня 2021 г. приостановлено течение сроков действия некоторых документов, связанных с пребыванием и проживанием на территории Российской Федерации, получения различных свидетельств и удостоверений, за исключением лиц, освободившихся из мест лишения свободы или представляющих какую-либо угрозу Российской Федерации.

В соответствии с последними изменениями в российском законодательстве о правовом положении иностранных граждан данные лица, прибывшие в Россию для трудоустройства и заработка, обязаны пройти процедуру государственной дактилоскопической регистрации и фотографирования в течение одного месяца со дня прибытия при обращении с различными заявлениями; в случае пребывания в Российской Федерации с иной целью иностранные граждане проходят данную процедуру в течение 3 месяцев с получением соответствующего документа.

Кроме того, с 1 января 2022 г. за незаконную трудовую деятельность иностранцы могут быть оштрафованы на 5 000 рублей и выдворены из Российской Федерации с запретом на въезд, а их работодатели оштрафованы на сумму до 800 000 рублей за каждого нелегала. Помимо этого начинают действовать новые правила оформления и стоимости патента

---

¹ О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О продлении действия временных мер по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента Российской Федерации от 15 декабря 2020 г. № 791. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на работу, а также разрешение на временное проживание и вид на жительство².

С самого начала пандемии исследователи в области миграции задавались вопросом: «Может ли сложившаяся ситуация вызвать в России рост преступности среди иностранных граждан?». С применением ограничительных мер прогнозы специалистов в области миграции были неоднозначными. Масштабы угрозы изучили в Международной полицейской ассоциации, куда входят представители 70 государств. Глава ассоциации генерал-лейтенант полиции, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России Ю. Н. Жданов полагал, что «коронавирусная пандемия, коренным образом перевернувшая сложившийся многолетний социально-экономический уклад российского общества, представляет собой беспрецедентный „бикфордов шнур“, который молниеносно спровоцировал кризисные явления в экономике, многократно усилил социальную напряженность и вполне ожидаемо для специалистов запустил цепную реакцию в виде обострения социально-экономической обстановки в стране. А это в совокупности может „детонировать“ взрыв преступности, особенно среди мигрантов»³.

Очевидно, что иностранные граждане, попав в ситуацию, ограничивающую возможность их перемещения за границу Российской Федерации, создающую сложности с трудоустройством, отсутствием финансовых средств к нормальному существованию, вынуждены встать на преступный путь.

По мнению профессора В. С. Малахова, ситуация пандемии COVID-19 обострила фактор неравенства [6], что вполне ожидаемо повысило уровень социальной напряженности в обществе.

Не приходится сомневаться в том, что вернуться к прежнему, «допандемическому» укладу жизни будет довольно сложно. Особенно для мигрантов, основной целью приезда в Россию которых является заработок. Известно, что определенную нишу рабочих мест российские граждане не желают

---

² О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Федеральный закон «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»: федер. закон от 1 июля 2021 г. № 274-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Жданов Ю. Н. «Коронавирус может вызвать в России рост преступности среди мигрантов»: интервью с Ю. Ждановым // Российская газета. 2020. 7 июня. URL: https://news.rambler.ru/other/44310210/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

занимать, поэтому без труда мигрантов не обойтись. Ряд ограничительных мер заставил мигрантов уйти в «теневую» занятость или временно покинуть пределы Российской Федерации.

Прогнозы исследователей в данной области неоднозначны, поэтому предполагается развитие ситуации в двух направлениях. Положительный исход возможен в том случае, если после окончания действия ограничительных мер правительство Российской Федерации будет активно поддерживать спрос покупательской способности, а также спрос на труд иностранных граждан, что даст им больше возможностей для законного трудоустройства и будет способствовать притоку высококвалифицированных работников при условии рационального упрощения отдельных процедур в миграционном законодательстве. Эти меры позволят восстановить миграционный поток в прежних масштабах.

Противоположный исход возможен, если не удастся сохранить платежеспособный спрос, если уровень действительной безработицы будет стремительно расти, что спровоцирует мигрантов податься в направлении теневой экономики. Государственные механизмы управления миграционной системой поразит коррупция. Либерализация миграционного законодательства замедлится.

Такой печальный сценарий, безусловно, отразится не только на уровне жизни мигрантов, но и на настроениях российского населения. Социологические исследования, отраженные в статье Н. В. Латовой, подтверждают пессимистичный и даже негативный настрой российских граждан относительно сложившейся ситуации [7].

Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России: «...Реализованные мероприятия позволили избежать ухудшения социальной и санитарно-эпидемиологической ситуации, в том числе в регионах с массовым пребыванием мигрантов. Не допущен рост криминальных проявлений как со стороны иностранных граждан, так и в отношении них...»¹, а также интервью заместителя Секретаря Совета безопасности Российской Федерации А. Н. Гребенкина, отметившего, что «правоохранительным органам удалось не допустить

роста преступности в миграционной сфере»² позволяют утверждать, что введенные правоохранительными органами ограничения, осуществляемый контроль за въездом мигрантов на территорию позволяют сдерживать криминальные проявления иностранных граждан.

Официальные статистические данные МВД России подтверждают вышеуказанное утверждение: в 2019 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства, в том числе гражданами государств — участников СНГ, были совершены 31 010 преступлений. В 2020 г. — 30 835 и в 2021 г. на 7,5 % меньше, чем АППГ — 28 520 преступлений³.

Важно учесть, что речь идет об официальной статистике, о выявленных и зарегистрированных преступлениях, совершенных иностранными гражданами.

Ввиду того что с апреля 2020 г. въезд на территорию России иностранным гражданам был запрещен, ожидалось бы стремительное снижение количества совершаемых мигрантами преступлений. Но их количество снизилось незначительно⁴. Этот факт заставляет обратить внимание на то, что миграционный поток снизился, а количество совершаемых иностранными гражданами преступлений осталось практически на том же уровне.

Глава Международной полицейской ассоциации Ю. Н. Жданов сообщил о мерах, предпринимаемых экспертами в данной области. Для контроля за миграционной ситуацией, профилактики противоправных действий, поддержания деловых и информационных связей с лидерами мигрантских сообществ, увеличения уровня правовой культуры иностранных граждан была создана специальная рабочая группа «миграционный штаб». Работа данной группы направлена также на оказание медицинской помощи и временного трудоустройства⁵.

Рассматривается вопрос о создании автоматизированной системы, определяющей «шкалу

² Гребенкин А. «В России не зафиксирован рост преступности среди мигрантов в условиях пандемии»: интервью заместителя секретаря Совета безопасности Российской Федерации Александра Гребенкина «Российской газете». URL: <https://tass.ru/obschestvo/8523709> (дата обращения: 09.01.2022).

³ Официальный сайт МВД России. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 09.01.2022).

⁴ Там же.

⁵ О продлении действия временных мер по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)...

¹ Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090> (дата обращения: 09.01.2022).

доверия» к мигранту в баллах, которая включает в себя необходимую медицинскую информацию и некое криминально-правовое досье. Однако реализация данной меры подвергается сомнению ввиду необходимости наличия современного средства связи с определенным набором функций для установления мобильного приложения. Очевидно, что далеко не каждый мигрант обладает таким устройством.

В научном мире характеризуют миграцию как отрицательно, так и положительно. Безусловно, на современном этапе развития российского общества без мигрантов не обойтись. Рассмотрение положительной стороны явления миграции — объект самостоятельного исследования. В свою очередь, отрицательные стороны миграции сказываются на уровне преступности в России и последствиях, возникающих в результате противоправных деяний иностранных граждан.

Найти тот самый рациональный выход, который не допустит спада потока мигрантов на территорию

России при условии обеспечения проверки законности их пребывания на территории страны и попытки сдерживать их криминальные проявления — многогранная и сложная задача для различных сфер деятельности государства.

Предложенные ассоциацией меры по усилению контроля за миграционной ситуацией в Российской Федерации позволяют заключить, что без реализации функций и задач правоохранительной деятельности на должном уровне, и главное — без использования всего арсенала оперативно-разыскных методов и средств, трудно представить дальнейшую работу по противодействию преступности иностранцев. Только комплексный подход, включающий взаимодействие всех заинтересованных служб, ведомств и организаций, способен сдерживать криминальные проявления мигрантов, а в идеальном представлении — снижать уровень преступлений, совершаемых иностранными гражданами и в отношении них.

---

1. Метелев С. Е. Криминальная миграция: характеристика и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1996.

2. Шкилев А. Н. Миграция: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006.

3. Красинец Е. С., Кубишин Е. С., Тюрюканова Е. В. Нелегальная миграция в Россию. Москва, 2000.

4. Тарасова М. Ю. Оперативно-разыскная характеристика убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, совершаемых иностранными гражданами // Труды академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 124—128.

5. Хромов И. Л. Оперативно-розыскные основы борьбы с преступностью иностранных граждан: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007.

6. Малахов В. С. От сообществ к пространству: исследуя изменения городской среды под влиянием миграций // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 4. С. 561—576.

7. Латова Н. В. Ситуация в стране и перспективы ее развития через призму общественного мнения в период пандемии // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 37—49.

---

1. Metelev S. Ye. Criminal migration: characteristics and prevention. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Omsk; 1996. (In Russ.).

2. Shkilev A. N. Migration: criminal-legal and criminological aspects. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2006. (In Russ.).

3. Krasinets Ye. S., Kubishin Ye. S., Tyuryukanova Ye. V. Illegal migration to Russia. Moscow; 2000. (In Russ.).

4. Tarasova M. Yu. Detective characteristics of murders and heavy bodily harm committed intentionally by foreign citizens. Works of the Academy of Management of the Interior Ministry of Russia, 124—128, 2016. (In Russ.).

5. Khromov I. L. Detective fundamentals to fight crime committed by foreign citizens. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2007. (In Russ.).

6. Malakhov V. S. From communities to space: examining changes of the urban environment influenced with migration situation. Journal of Social Policy Research, 561—576, 2020. (In Russ.).

7. Latova N. V. Situation in the country and prospects for its development in the context of public opinion during the pandemic. Sociological Research, 37—49, 2021. (In Russ.).

Тарасова Мария Юрьевна,

доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
tarasovawo.mariya@yandex.ru

Tarasova Maria Yurevna,

associate professor at the department
of operative and detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
tarasovawo.mariya@yandex.ru

Контемирова Юлия Владиславовна,

доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
contemirova@yandex.ru

Kontemirova Yulia Vladislavovna,

associate professor at the department
of operative and detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
contemirova@yandex.ru

Смагоринский Борис Павлович,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Smogorinsky Boris Pavlovich,

professor at the department of criminalistics
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
volakdm@va-mvd.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 04.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 04.02.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.364

doi: 10.25724/VAMVD.ZHIJ

**ПРИЗНАКИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТОВ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В МАТЕРИАЛАХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИКОВ**

Андрей Петрович Фильченко*, Владимир Юрьевич Жандров**

* Академия управления МВД России, Москва, Россия, apfilchenko@yandex.ru

** Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, vaisvladimir74@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена решению проблемы повышения эффективности противодействия «подбросам» наркотических средств или психотропных веществ лицам, непричастным к их незаконному обороту, а также преступным манипуляциям с весом изымаемых наркотических смесей путем увеличения их массы ненаркотическими наполнителями. Обращение авторов к данной теме обусловлено широким общественным резонансом, вызванным случаями совершения сотрудниками органов внутренних дел должностных преступлений против правосудия, необходимостью разработки механизмов выявления и раскрытия таких деяний. Предлагается перечень признаков, указывающих на высокую вероятность фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности в материалах уголовных дел о незаконном обороте наркотиков. Перечисляются способы выявления лиц, фактов, событий и обстоятельств фальсификации, использование которых позволяет правильно организовать работу контролирующих органов. Определяются процессуальные документы и несоответствия в их содержании, которые должны стать предметом проверки на предмет возможной фальсификации незаконного оборота наркотиков.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности, подброс наркотиков, незаконный оборот наркотиков, должностные преступления, преступления против правосудия

Для цитирования: Фильченко А. П., Жандров В. Ю. Признаки фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности в материалах уголовных дел о незаконном обороте наркотиков // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 148—155. doi: 10.25724/VAMVD.ZHIJ

**SIGNS OF FALSIFICATION OF EVIDENCE AND THE RESULTS
OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES
IN THE MATERIALS OF CRIMINAL CASES
ON DRUG TRAFFICKING**

Andrey Petrovich Filchenko*, Vladimir Yuryevich Zhandrov**

* Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, apfilchenko@yandex.ru

** Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia
vaisvladimir74@gmail.com

Abstract. The article is devoted to solving the problem of increasing the effectiveness of countering the crimes of officials who plant narcotic drugs or psychotropic substances to persons who are not involved in their illegal trafficking, as well as countering criminal manipulations with the weight of the seized narcotic mixture by increasing its mass with non-narcotic fillers. The authors' appeal to this research topic is due to the wide public resonance of cases of official crimes against justice committed by employees of the internal affairs bodies, the need to develop mechanisms for detecting and disclosing such acts. A list of signs indicating a high probability of falsification of evidence and the results of operational investigative activities in the materials of criminal cases on drug trafficking is proposed. The methods of identifying persons, facts, events and circumstances of falsification are listed, the use of which allows you to properly organize the work of regulatory authorities. Documents and inconsistencies in their content are determined, which should be the subject of verification for possible falsification of illegal drug trafficking.

Keywords: falsification of evidence, falsification of the results of operational investigative activities, drug planting, drug trafficking, official crimes, crimes against justice

For citation: Filchenko A. P., Zhandrov V. Yu. Signs of falsification of evidence and the results of operational investigative activities in the materials of criminal cases on drug trafficking. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 148—155, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.ZHIJ

Проблема фальсификации доказательств в уголовном судопроизводстве привлекает все большее внимание исследователей. Причинами тому стали два значимых фактора — появление дел о «подбросах» наркотиков, вызывающих широкий общественный резонанс, а также позиция Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ, Суд), решения которого содержат отрицательную оценку системы проведения контролируемых операций правоохранительными органами России по делам о незаконном обороте наркотиков (далее — НОН)¹.

В последние годы разработке подверглись вопросы уголовно-правовой охраны правосудия от фальсификации доказательств [1], проблемы юридического и лингвистического определения фальсификации доказательств в уголовном судопроизводстве [2], аспекты экспертной профилактики при исследовании следов рук, подвергшихся фальсификации [3], объективные и субъективные признаки фальсификации доказательств по уголовному делу [4—6], особенности квалификации данных деяний [7], понятие и признаки преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве [8; 9], актуальные вопросы фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности [10], личность преступников, совершающих фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), [11] и др.

Несмотря на широкий охват исследованных вопросов определение и систематизация признаков, указывающих на высокую степень фальсификации доказательств и результатов ОРД в материалах уголовных дел о НОН, до настоящего времени объектом самостоятельного научного интереса не становились. Вместе с тем решение данной

проблемы необходимо, поскольку от него зависит эффективность выявления и раскрытия совершаемых сотрудниками органов внутренних дел (далее — ОВД) должностных преступлений против правосудия.

Обращение к следственно-судебной практике показывает, что в структуре доказательственной базы по делам о наркопреступлениях чаще всего представлены материалы, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ). В связи с этим особое значение для выявления нарушений законности приобретает оценка собранных оперативными подразделениями ОВД материалов.

Изучение материалов уголовных дел позволило выделить наиболее эффективные и часто применяемые способы выявления лиц, фактов, событий и обстоятельств фальсификации доказательств по делам о НОН:

— изучение профессионального поведения сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков. Важная роль в данной работе отводится негласному аппарату, приоритетной задачей которого является получение значимой информации внутри коллектива оперативного подразделения;

— анализ контактов сотрудников подразделений наркоконтроля с лицами, причастными к НОН, а также с их ближайшим окружением;

— постоянный мониторинг интернет-ресурсов пронаркотической направленности, прежде всего тематических форумов и интерактивных карт работы правоохранительных органов;

— изучение рассекреченных в соответствии с Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд² оперативно-служебных документов дел оперативного учета. Изучение предполагает выявление несоответствий

¹ Дело «Веселов и другие против России»: постановление Европейского Суда по правам человека от 2 октября 2012 г. (жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10). URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents/human-rights?item=4932953> (дата обращения: 03.01.2022); Дело «Кузьмин и другие против Российской Федерации»: постановление ЕСПЧ от 14 июня 2016 г. (жалобы № 12100/05, 5744/07 и 28425/07). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=479716#shlEhiSAHM7Uenjr> (дата обращения: 03.01.2022).

² Об утверждении инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД РФ № 776, Минобороны РФ № 703, ФСБ РФ № 509, ФСО РФ № 507, ФТС РФ № 1820, Службы внешней разведки РФ № 42, ФСИН РФ № 535, ФСКН РФ № 398, Следственного комитета РФ № 68 от 27 сентября 2013 г. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/25485> (дата обращения: 23.09.2021).

в данных о времени, месте, источниках и других фактических обстоятельствах, ставших основанием для проведения ОРМ по фактам НОН;

— изучение материалов административной практики по делам о правонарушениях в сфере НОН с целью выявления фактов сокрытия наркопреступлений;

— проверка сведений, содержащихся в документах, предоставляемых оперативным подразделениям наркоконтроля ОВД в порядке внутреннего и внешнего взаимодействия с органами исполнительной власти, иными государственными органами и учреждениями;

— проверка собранных материалов уголовного дела о НОН, рассмотренного судом в особом порядке, в рамках которого суд проводит работу лишь по оценке доказательств, но не исследует и не рассматривает их полностью.

Практика привлечения к уголовной ответственности сотрудников ОВД за фальсификацию доказательств и результатов ОРД обнаруживает два наиболее распространенных варианта их преступного поведения: 1) «подброс» наркотиков лицу, непричастному к их незаконному обороту; 2) манипуляция с весом изъятой смеси наркотиков путем увеличения ее массы ненаркотическим наполнителем.

Самым резонансным способом фальсификации материалов ОРД, привлекающим при его обнаружении широкое внимание общественности, является **«подброс» наркотических средств или психотропных веществ лицу, непричастному к их незаконному обороту**. Признаками «подброса» наркотиков могут являться:

1. Отсутствие документального подтверждения проведения предварительной оперативной проверки лица перед его задержанием. Для выявления данного признака необходимо тщательно проанализировать рапорт об обнаружении признаков преступления. По его содержанию возможно сделать вывод, на каком основании, в отношении кого и какие ОРМ проводились. Следует установить, являлось ли задержание результатом реализации имеющейся в соответствующих подразделениях оперативной информации об участии лица в НОН. Особое внимание уделяется сроку ведения дела оперативного учета. Высокая вероятность фальсификации сохраняется, если этот срок незначительный и дело было заведено накануне задержания.

Самостоятельным предметом анализа является первичная информация о противоправной деятельности лица, причастного к НОН. Так, сведения, полученные от лиц, оказывающих конфиденциальное

содействие, могут быть проверены в ходе производства по уголовному делу. По общему правилу ч. 2 ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»), предание гласности сведений о лицах, оказывающих или оказавших содействие на конфиденциальной основе, допускается лишь с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами. Однако в ч. 3 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) лица, оказывающие конфиденциальное содействие, не перечислены в категории тех, кто не подлежит допросу в качестве свидетелей. В связи с этим предусмотренные ч. 2 ст. 12 и ч. 3 ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» гарантии сохранения в тайне сведений о конфидентах могут и не служить основанием для отказа в проверке получаемой от них информации. Кроме того, предоставление следователю, имеющему соответствующую форму допуска к государственной тайне, данных о лице, оказывающем содействие оперативно-розыскному органу, не является преданием гласности сведений о нем.

2. Привлечение к участию в ОРМ представителей общественности, находящихся в различных формах зависимости от оперативных сотрудников. Значимость участия представителей общественности в проведении ОРМ такова, что зачастую именно их показания составляют основу фактического закрепления результата обнаружения и изъятия наркотиков у задержанного. В последующем показания оперативных сотрудников и представителей общественности, привлекаемых ими к участию в ОРМ, ложатся в основу обвинения. Показания зависимых от оперативных сотрудников лиц используются для придания достоверности составляемым документам и — в случае необходимости — свидетельствования в пользу законности проводимых мероприятий. Такое становится возможным ввиду отсутствия закрепления действующим законодательством однозначно сформулированных ограничений и требований к представителям общественности, которых возможно привлекать к участию в ОРМ. Полагаем, что на данную категорию граждан целесообразно распространять требования, установленные п. 2 ст. 60 УПК РФ для понятых, т. е. исключить из их числа несовершеннолетних, участников уголовного судопроизводства, их близких родственников и родственников, работников органов исполнительной власти, наделенных в соответствии

с федеральным законом полномочиями по осуществлению ОРД и (или) предварительного расследования.

Выявить категорию зависимых представителей общественности возможно путем анализа судебных решений на предмет неоднократного использования оперативными сотрудниками одних и тех же лиц для проведения ОРМ.

3. Проведение изъятия наркотика в ходе личного досмотра во время и месте, не совпадающими со временем и местом фактического задержания лица. Закрепление результатов проведения изъятия может осуществляться с помощью привлечения представителей общественности хотя и не находящихся в зависимости от оперативных сотрудников, но относящихся к происходящему не критично. Случайные прохожие, жители близлежащих к месту проведения ОРМ домов, проезжающие автомобилисты и прочие граждане становятся невольными участниками фальсификации материалов ОРД. Они удостоверяют факт изъятия наркотиков, не являясь очевидцами задержания подозреваемого.

Для выявления рассматриваемого признака необходимо подвергнуть анализу акт личного досмотра задержанного, правовые основания составления которого предусмотрены п. 3 ч. 1 ст. 27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), п. 16 ст. 13 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, ч. 3 ст. 48 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ и ст. 166, 167 УПК РФ. При оценке акта личного досмотра особое внимание следует уделять сопоставлению времени и места составления документа. Место фактического задержания лица может не соответствовать времени и месту его личного досмотра. В то же время значительный временной промежуток, не обусловленный объективной необходимостью, может свидетельствовать об имеющемся факте нарушения законодательства. В тех случаях, когда личный досмотр осуществлялся не на месте непосредственного задержания подозреваемого, в предоставляемых материалах ОРД, как правило, отсутствуют соответствующие протоколы о доставлении или административном задержании, предусмотренные ст. 27.2, 27.3 КоАП РФ.

Следует принимать во внимание, что ЕСПЧ вынес ряд решений по так называемым наркотическим статьям, которые в целом были восприняты российской судебной системой, признавшей имеющиеся недостатки в правоприменительной деятельности. Так, в постановлении по делу «Бори-

сов против Российской Федерации»¹ от 9 июля 2019 г. ЕСПЧ признал нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции, поставив под сомнение законность получения сотрудниками полиции основного доказательства, добытого в ходе проведения процедуры личного досмотра. Свое решение Суд обосновал тем, что личный досмотр гр. Борисова не был произведен сразу после задержания, вследствие чего заявитель более часа находился под контролем сотрудников полиции, которые имели возможность сфальсифицировать доказательства путем «подброса» наркотиков. Тот факт, что задержание лица было частью спланированной операции по документированию наркопреступления и правоохранители не озаботились обеспечением присутствия независимых лиц для фиксации ОРМ, свидетельствует не в пользу сотрудников полиции. В итоге рассмотрения дела ЕСПЧ пришел к выводу о ненадежности вещественных доказательств, на которых основывался обвинительный приговор российского суда, и поставил его под сомнение. В свою очередь Президиум Верховного Суда Российской Федерации 30 октября 2019 г. отменил обвинительный приговор и апелляционное определение Мосгорсуда в отношении А. А. Борисова, осужденного за незаконный оборот наркотиков, в связи с признанием ЕСПЧ нарушения его прав².

4. Отказ задержанного от подписания акта личного досмотра и (или) наличие от него заявления об имеющемся факте «подброса» наркотиков. Особое внимание должны привлекать ситуации, когда оперативные сотрудники фиксируют в акте личного досмотра факт отказа задержанного от его подписания, однако в содержании документа отражено признание задержанного в незаконном обороте подконтрольных веществ. Противоречие между признанием в обладании изъятыми запрещенными веществами и отказом подписать акт личного досмотра с высокой долей вероятности свидетельствует о возможном нарушении законности оперативными сотрудниками.

Условия для «отказа» от подписания акта личного досмотра могут создаваться искусственно путем лишения возможности задержанного собственно-

¹ Дело «Борисов (Borisov) против Российской Федерации»: постановление ЕСПЧ от 9 июля 2019 г. (жалоба № 48105/17). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=611987#qDTwNjSNZZoymhIL> (дата обращения: 23.09.2021).

² Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/j4BW9vEy5k1/> (дата обращения: 20.06.2021).

ручно внести в акт личного досмотра заявление о фальсификации результатов ОРД. Основным мотивом воспрепятствования внесения в акт личного досмотра заявления о «подбросе» наркотиков является угроза проведения служебной проверки в отношении оперативных сотрудников на стадии принятия решения о возбуждении в отношении задержанного уголовного дела. Следовательно, установить законность проведенного изъятия наркотиков возможно после детального изучения материалов ОРД, прежде всего объяснений участвовавших лиц, и подробного опроса представителей общественности о правильности и достоверности составления акта личного досмотра.

Второй вариант преступной фальсификации — **манипуляция с весом изымаемой смеси наркотиков** — чаще всего осуществляется путем увеличения ее массы ненаркотическим наполнителем в целях доведения ее до размера, попадающего под действие ст. 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Выявить фальсификацию возможно путем внимательного изучения справки об исследовании изъятых веществ, которая выдается сотрудниками экспертно-криминалистического подразделения. Признаком манипуляций по завышению массы изъятых наркотических веществ является обнаружение наркотиков в размерах, незначительно превышающих установленные законом границы, отделяющие административную ответственность от уголовной, либо установленные для веществ значительный либо крупный размеры.

Способом фальсификации результатов ОРД в форме манипуляций является увеличение массы изъятых наркотической смеси путем добавления в нее различных веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами, но сходных с ними по внешним признакам.

В данном случае недобросовестные оперативные сотрудники пользуются пробелом в нормативном регулировании оценки объема изъятых наркотиков. Так, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» от 30 июня 1998 г. № 681 (далее — Постановление № 681) в качестве запрещенного к обороту оценивается весь объем изъятых смеси, в составе которой обнаруживаются наркотические средства или психотропные вещества из I списка указанного постановления независимо от их количества. Поэтому работая с поступившей на исследование дополненной в результате манипу-

ляции смесью, специалист, проводящий ее исследование, оценит всю смесь как контролируемое вещество и отразит данный результат в соответствующей справке. Увеличенная путем манипуляций масса изъятая у задержанного наркотической смеси получает документальное подтверждение, а сфальсифицированные результаты ОРД «легализуются».

Следует отметить, что описанный способ фальсификации характерен в отношении смесей (препаратов) синтетических (3-метилфентанил, метадон, мефедрон, α -пирролидиновалерофенон и др.) или полусинтетических (героин, кокаин) наркотиков. Так, если у фигуранта было обнаружено менее 0,2 г смеси, в которой имеется наркотическое средство мефедрон, то путем добавления к ней еще чуть более 0,2 г какого-либо инертного наполнителя (истолченные лекарственные препараты, мел, детская сухая смесь и т. п.) масса изъятая будет превышать значительный размер (0,2 г) и задержанный должен будет привлечен к уголовной ответственности. Между тем подобная масса занимает незначительный объем, едва ли более комочка размерами 5×5 мм.

Обнаружение у наркопотребителей запрещенных веществ в массе, равной или сравнимой с необходимой для квалификации по определенным частям ст. 228—228.1 УК РФ, должно привлекать внимание контролирующих органов. Указанный факт не является прямым доказательством манипуляции со стороны оперативных сотрудников с полученными в ходе проведения ОРМ наркотиками, однако в совокупности с наличием других признаков, указывающих на событие фальсификации, может составить основания для обоснованного подозрения относительно того, почему было обнаружено у задержанного ровно столько вещества, сколько необходимо для возбуждения в отношении него уголовного дела.

Манипуляциям с объемом изъятых смеси способствует изначальное присутствие ненаркотических примесей в составе «уличных» наркотиков [12]. В процессе подготовки к мелкосерийному сбыту преступники осуществляют фасовку наркотиков способом добавления подобных веществ к ранее имевшимся у них психоактивным веществам большей концентрации. Такие процедуры осуществляются сбытчиками как для увеличения наркотического эффекта (к примеру, путем добавления некоторых лекарственных средств и фармацевтических активных препаратов), так и для придания сбываемому наркотику большего веса в целях повышения прибыли от сбыта большей партии наркотиков. Например, «уличный героин» почти всегда представляет собой наркотическое средство, распространяемое в виде

фасовок с разовой дозой для однократного потребления массой примерно 0,3—0,8 г. Он практически никогда не реализуется и не употребляется в виде чистого диацетилморфина во избежание передозировок наркопотребителями. В сбываемом веществе, как правило, присутствуют не только побочные продукты его производства (такие как 6-моноацетилморфин, ацетилкодеин, ацетилтебаол и др.), но и другие примеси — фармацевтические активные вещества, добавленные при фасовке преступниками-сбытчиками [13].

Выявить факты противоправных манипуляций с объемом изъятой наркотической смеси возможно и путем опроса специалиста, проводившего ее исследование. Именно специалист, обладающий не только специальными познаниями в соответствующей области науки, но и опытом практической работы, может указать на имеющиеся признаки фальсификации представленных ему на исследование материалов. Кроме того, обязательным приложением к составленной специалистом справке об исследовании является фототаблица, в которой должны быть подробно проиллюстрированы целостность упаковки и сами объекты исследования. Соответственно, в пользу подтверждения версии о фальсификации будет свидетельствовать нарушение целостности упаковки предмета исследования. Кроме того, специалист может указать на визуально неразличимые отличия частиц наркотического вещества от добавленных фальсификатором примесей.

Несколько иной способ используется в отношении фальсификации объема изымаемых наркотиков растительного происхождения (марихуана, маковая солома, лист коки). Например, в случае изъятия сухих частей растений конопли или мака недобросовестными оперативными сотрудниками может осуществляться их упаковка в пакеты, которые в процессе перевозки и доставления в экспертно-криминалистическое подразделение подвергаются механическому воздействию таким образом, что ломкие части листьев и соцветий растений стряхиваются и превращаются в измельченную растительную массу. К образовавшейся сухой массе примешиваются схожие по морфологии измельченные листья чая, крапивы, аптечные сборы и другие нейтральные компоненты, а иногда части дикорастущей конопли, собранной заблаговременно или после проведения изъятия.

Исходя из сказанного признаком фальсификации объема смеси наркотиков растительного происхождения может служить разница в формах изъятого материала (целых частей растений) и материалов, поступивших на исследование к специалисту (измельченная растительная масса). Выявление и пресечение подобных манипуляций возможно путем использования специалистом криминалистических

методик, позволяющих в процессе исследования смесей наркотиков растительного происхождения устанавливать наличие в их составе инородных включений и нехарактерных компонентов [14].

Возможности выявления фальсификации объема изъятых наркотических средств сохраняются и на стадии предварительного расследования. По возбужденному уголовному делу следователем могут быть назначены судебные физико-химические экспертизы изъятых смесей, в рамках которых определяется количественное соотношение наркотического и иных веществ. Желательно в постановлениях об их назначении ставить вопросы о составе примесей в изъятой наркотической смеси. Чрезмерно малое количественное содержание наркотического вещества в изъятой смеси может указывать на возможную фальсификацию ее объема.

В том случае, если имеется вещество, реализованное тем же наркосбытчиком ранее, эффективным приемом выявления признаков фальсификации является сравнение ее состава со структурой той смеси, которая была изъята у задержанного. Судебные экспертизы подобного рода проводятся по уникальным методикам, позволяющим достаточно уверенно идентифицировать разрозненные массы (части) по признакам единого целого [15].

Косвенным признаком, указывающим на возможную непричастность досматриваемого лица к преступлению, может являться отсутствие на поверхности изъятой упаковки наркотического средства следов его рук. Механизм слеодообразования потожирового вещества на объекте-носителе — многогранный и сложный процесс, зависящий от множества факторов. С одной стороны, контакт кожи рук с упаковкой наркотика должен оставлять потожировые следы на ее поверхности. С другой стороны, кожа рук людей имеет различное увлажнение потожировым веществом, и в случае его недостатка слеодообразование затрудняется. Поэтому в подтверждение факта контакта рук задержанного с упаковкой наркотиков целесообразно проводить ДНК-типическое исследование с последующим сравнением ДНК задержанного и обнаруженных биологических следов на упаковке.

Перенесение следов рук задержанного на подменную упаковку (аналогичную, которую незадолго до проведения исследования лицо держало в руках или трогало) сравнительно легко выявляется специалистами-дактилоскопистами, имеющими большой стаж работы по данной экспертной специальности. Известно, что в случаях, когда дактилоскопическое исследование проводится после проведения физико-химического, специалисты-химики аккуратно упаковывают исследуемый материал, сохраняя следы изъятого наркотического средства. Отсутствие

следов наркотического средства на упаковке указывает на ее подмену иной, имеющей сфальсифицированные следы рук.

Таким образом, выявление признаков фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности в материалах уголовных дел о незаконном обороте наркотиков может осуществляться путем глубокого анализа всего собранного

материала оперативно-разыскной деятельности. Проверка достоверности должна включать в себя изучение содержания каждого оперативного документа на наличие противоречий как внутри самого документа, так и в сравнении с другими. Выявленные несоответствия должны становиться предметом дополнительной проверки на возможные фальсификации незаконного оборота наркотиков.

1. Попов В. П. Уголовно-правовая охрана правосудия от фальсификации доказательств // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 5. С. 293—302.

2. Сафронов А. Ю., Поляков В. В. Проблемы юридического и лингвистического определения фальсификации доказательств в уголовном судопроизводстве // Юрислингвистика. 2019. № 12 (23). С. 13—17.

3. Козлов А. В. Некоторые аспекты экспертной профилактики при исследовании следов рук, подвергшихся фальсификации // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 168—171.

4. Климова Ю. Н. Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2 (55). С. 58—66.

5. Байсалуева Э. Ф. Актуальные вопросы квалификации фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 61—67.

6. Поляков А. Н. Проблемные вопросы фальсификации доказательств // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 3. С. 229—233.

7. Зайцева А. А. К вопросу о квалификации фальсификации доказательств по уголовному делу // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. 2019. Т. 5, № 2. С. 305—311.

8. Понятие и признаки преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве (криминалистический аспект) / Ю. П. Гармаев, А. С. Ладошкин, Д. А. Гармаева, Л. Г. Васильева // Полицейская и следственная деятельность. 2019. № 2. С. 21—28.

9. Трусова О. В. Фальсификация доказательств в гражданском судопроизводстве // Юридический факт. 2019. № 49. С. 36—39.

10. Фомин М. А. Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности. Москва: Юритинформ, 2018. 448 с.

11. Аверинская С. А., Брянский П. П., Первалова Т. Ф. Криминологическая характеристика личности преступников, совершающих фальси-

1. Popov V. P. Criminal-legal protection of justice from falsification of evidence. Gaps in Russian legislation, 293—302, 2020. (In Russ.).

2. Safronov A. Yu., Polyakov V. V. Problems of legal and linguistic definition of falsification of evidence in criminal proceedings. Jurislinguistics, 13—17, 2019. (In Russ.).

3. Kozlov A. V. Some aspects of expert prevention in the study of traces of hands that have been falsified. Bulletin of Economic Security, 168—171, 2020. (In Russ.).

4. Klimova Yu. N. Falsification of evidence in a criminal case: features of objective and subjective signs. Bulletin of the Vladimir Law Institute, 58—66, 2020. (In Russ.).

5. Baisalueva E. F. Actual issues of qualification of falsification of evidence and results of operational investigative activity. Legal science and law enforcement practice, 61—67, 2018. (In Russ.).

6. Polyakov A. N. Problematic issues of falsification of evidence. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 229—233, 2019. (In Russ.).

7. Zaitseva A. A. On the question of the qualification of falsification of evidence in a criminal case. Intellectual resources — regional development, 305—311, 2019. (In Russ.).

8. Garmayev Y. P., Ladoshkin A. S., Garmayeva D. A., Vasilieva L. G. The concept and characteristics of crimes related to the falsification of evidence in civil and arbitration proceedings (forensic aspect). Police and investigative activities, 21—28, 2019. (In Russ.).

9. Trusova O. V. Falsification of evidence in civil proceedings. Legal fact, 36—39, 2019. (In Russ.).

10. Fomin M. A. Falsification of the results of operational investigative activities. Moscow: Yurinform; 2018: 448. (In Russ.).

11. Averinskaya S. A., Bryansky P. P., Pervalova T. F. Criminological characteristics of the personality of criminals who commit falsification of evidence and results of operational investigative activities. State service and personnel, 131—134, 2019. (In Russ.).

12. Kuzovlev V. Yu., Shurukhnov V. A., Kuzovleva O. V. Determination of the method of synthe-

фикацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 131—134.

12. Кузовлев В. Ю., Шурухнов В. А., Кузовлева О. В. Определение способа синтеза «уличного» амфетамина при судебно-химическом экспертном исследовании // Известия Тульского государственного университета. 2014. Т. 2, № 2. С. 79—85.

13. Методика сравнительного исследования образцов героина и ацетилованного опия / В. Ю. Кузовлев, Д. В. Кайргалиев, Л. Е. Хапкин, В. В. Гладырев // Альманах-2015: сб. тр. Волгогр. гос. ун-та. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. С. 240—244.

14. Кузовлев В. Ю., Куц А. Д. Мобильные технико-криминалистические средства предварительного исследования растительных наркотиков // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: науч. электрон. изд. / сост. И. Н. Горбулинская. Москва: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2020. С. 197—201.

15. Установление общности источника происхождения нескольких образцов героина по заданию следствия / Н. В. Шувалов, В. Ю. Кузовлев, Л. Е. Хапкин (и др.) // Евразийский юридический журнал. 2015. № 11 (90). С. 203—205.

Фильченко Андрей Петрович,

профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор; apfilchenko@yandex.ru

Жандров Владимир Юрьевич,

доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук; vaisvladimir74@gmail.com

sis of "street" amphetamine in forensic chemical expert research. Proceedings of Tula State University, 79—85, 2014. (In Russ.).

13. Kuzovlev V. Yu., Kayrgaliev D. V., Khapkin L. E., Gladyshev V. V. Methodology of comparative study of samples of heroin and acetylated opium. In: Almanac-2015. Collection of works of Volgograd State University. Volgograd: VolSU Publishing house; 2015: 240—244. (In Russ.).

14. Kuzovlev V. Yu., Kutz A. D. Mobile technical and forensic means of preliminary investigation of herbal drugs. In: Technical and forensic support for the disclosure and investigation of crimes. Scientific electronic edition. Comp. I. N. Gorbunskaya. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot; 2020: 197—201. (In Russ.).

15. Shuvalov N. V., Kuzovlev V. Yu., Hapkin L. E. (et al.) Establishing the common origin of several heroin samples on the instructions of the investigation. Eurasian Legal Journal, 203—205, 2015. (In Russ.).

Filchenko Andrey Petrovich,

professor at the department of criminal policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor; apfilchenko@yandex.ru

Zhandrov Vladimir Yuryevich,

associate professor at the department of operational investigative activities and special equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, doctor of juridical sciences; vaisvladimir74@gmail.com

Статья поступила в редакцию 13.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 13.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 343.123
doi: 10.25724/VAMVD.ZIJK

**ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ФАКТУ
НЕВОЗВРАЩЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
ЕГО РАССЛЕДОВАНИЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ**

Сергей Александрович Янин

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, s.yanin1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики проведения процессуальной проверки фактов совершения преступления, предусмотренного статьей 190 Уголовного кодекса Российской Федерации, возбуждения уголовного дела и производства комплекса первоначальных следственных действий, оперативно-разыскных и иных мероприятий. Отмечено, что актуальность борьбы с преступными посягательствами на культурные ценности, принадлежащие народу России и временно вывезенные за ее пределы, обусловлена как содержанием действующей в настоящее время Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, так и предшествующими ей Концепциями национальной безопасности страны, установившими защиту культурного наследия народов России одним из важнейших приоритетов государственной деятельности. В работе классифицирована информация о фактах совершения анализируемых преступлений; указаны источники ее получения; представлено содержание деятельности следователя, органа дознания по проверке фактов совершения преступления в зависимости от источника информации о нем, составляемые при этом документы, образующие материалы проверки; сформулированы типичные следственные ситуации, обусловленные объемом имеющейся на момент возбуждения уголовного дела в распоряжении правоохранительного органа информации об обстоятельствах совершения преступления; рекомендованы комплексы проводимых следственных и иных процессуальных действий, оперативно-разыскных и иных мероприятий.

Ключевые слова: культурная ценность, временный вывоз, невозвращение, процессуальная проверка, расследование, следственная ситуация

Для цитирования: Янин С. А. Возбуждение уголовного дела по факту невозвращения на территорию Российской Федерации культурных ценностей и некоторые особенности организации его расследования на первоначальном этапе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 156—162. doi: 10.25724/VAMVD.ZIJK

**INSTITUTION OF CRIMINAL PROCEEDINGS ON THE FACT
OF NON-RETURN TO THE TERRITORY OF RUSSIAN FEDERATION
OF CULTURAL PROPERTIES AND SOME FEATURES
OF THE ORGANIZATION ITS INVESTIGATIONS
AT THE INITIAL STAGE**

Sergey Alexandrovich Yanin

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, s.yanin1@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of a specific procedure for verifying the facts of the occurrence of events, provided for in Article 190 of the Criminal Code of the Russian Federation, initiation of initiation of cases and the production of a complex of initial investigative actions, operational-search and other measures. It is noted that the relevance of the fight against criminal encroachments on cultural property belonging to the people of Russia and temporarily exported beyond its borders is due both to the content of the current National Security Strategy of the Russian Federation and the previous National Security Concepts of the country, which established the protection of the cultural heritage of the peoples of Russia one of the most important priorities of the state activity. The paper classifies information about the facts of the commission of the analyzed crimes; the sources of its receipt are indicated; the content

of the activities of the investigator, the body of inquiry to verify the facts of the commission of a crime, depending on the source of information about it, the documents drawn up and forming the materials of the verification are presented; typical investigative situations are formulated, due to the volume of information available at the time of initiation of a criminal case at the disposal of the law enforcement agency about the circumstances of the crime; recommended complexes of ongoing investigative and other procedural actions, operational-search and other activities.

Keywords: cultural value, temporary export, non-return, procedural check, investigation, investigative situation

For citation: Yanin S. A. Institution of criminal proceedings on the fact of non-return to the territory of Russian Federation of cultural properties and some features of the organization its investigations at the initial stage. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 156—162, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.ZIJK

Культура, как известно, является своеобразным «цементом» для любого народа. Она объединяет общество, формирует его национальное самосознание, т. е. не дает «раствориться» в других народах. Национальная культура может быть представлена как духовными, так и материальными ценностями — традициями, обычаями, ритуалами, памятниками, произведениями декоративно-прикладного искусства и многим другим. Как верно отмечает С. А. Фомичев, «одной из задач любого государства является обеспечение сохранности ценностей национальной культуры» [1, с. 3].

Конституцией Российской Федерации провозглашено право граждан России на «участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям»¹. Вместе с тем этой же статьей установлена их обязанность «сохранять историческое и культурное наследие, беречь памятники истории и культуры»².

Вопрос сбережения культурных ценностей для Российской Федерации, многонационального государства, где в течение веков уживаются вместе более сотни этносов, крайне важен, потому что, как справедливо отметила Н. А. Новикова, «от состояния культурных ценностей, составляющих национальное богатство государства, зависит духовное здоровье нации и будущее народов России»³. Культурные памятники отражают историю государства, значимые моменты его существования; являются

выражением духовной жизни народа, его художественного мышления.

В условиях современной глобализации, размывания культурного кода народов западных стран, продвижения у них новых «ценностей», в корне противоречащих традиционному, сохранение России в дальнейшем как единого государства с общим культурным полем предусматривает необходимость обеспечения сохранения и передачи будущим поколениям не только обычаев и традиций их предков, населявших Россию на протяжении столетий, но и того материального достояния, которое было создано их руками.

Слишком много культурных ценностей, как духовных, так и материальных, было уничтожено с их носителями либо вывезено из России в течение XX—XXI вв. в результате трагических событий Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войн, распада СССР. Например, как пишет С. А. Фомичев, «по оценкам экспертов, Россия потеряла до 80 % произведений искусства допетровской эпохи» [1, с. 4]. Поэтому крайне важно сохранить ценности, которые вопреки деструктивным процессам остались в государстве и на которых можно воспитать подрастающее поколение в духе патриотизма и бережного отношения к собственным стране и народу.

Защита культурного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния всех народов России последовательно является одним из важнейших приоритетов государственной деятельности, закрепленным в Концепциях и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

В то же время защита культурного наследия народов России предусматривает карательные меры за посягательство на объекты культурного наследия и культурные ценности, прописанные в Кодексе об административных правонарушениях и Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ).

Открытие России для запада после распада СССР выявило, кроме прочего, огромный интерес

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Новикова Н. А. Каковы последствия утраты культурного достояния России для ныне живущих и будущих поколений. URL: <http://ligaculture.perm.ru/post/item1018-posledstvija-utraty-kulturnogo-dostojanija-rossii.html> (дата обращения: 08.01.2022).

к российской культуре, причем не только к литературе, опере, балету, но и к культурным ценностям материального характера — живописи, графике, печатным изданиям, произведениям декоративно-прикладного искусства. В подавляющем большинстве случаев действующим российским законодательством культурные ценности, даже разрешенные в обороте на территории Российской Федерации, запрещены к вывозу за ее пределы.

Вместе с тем для экспонирования ценностей за рубежом предусмотрен правовой механизм временного вывоза — с обязательством возвращения в Россию в установленный в разрешительной документации срок.

Организация выставок таких ценностей чревата возможностью неправомерного завладения ими со стороны заинтересованных лиц, что обусловлено постоянно растущим спросом на них со стороны коллекционеров в условиях экономических кризисов и нестабильности. Подтверждением такого спроса служат материалы различных аукционных домов, где произведения искусства российского происхождения представлены в широчайшем ассортименте¹.

Необходимость охраны государством этих ценностей предопределила принятие мер их правовой защиты; одной из таких мер является установление ст. 190 УК РФ уголовной ответственности за невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей (чего не было предусмотрено в УК РСФСР).

Необходимо отметить, что процессу расследования невозвращения на территорию Российской Федерации культурных ценностей для установления наличия признаков преступления должна предшествовать процессуальная проверка источника информации, из которого получены сведения о возможном совершении названного преступления. По результатам проверки принимается одно из решений, предусмотренных ст. 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ).

Стоит отметить, что качество предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, в том числе анализируемым, будет во многом зависеть от полноты собранных материалов и тщательности проведенной проверки. Однако, к сожалению, отношение многих следователей, сотрудников органа дознания к качеству такой проверки не всегда находится на должном уровне. Фор-

мальное отношение, невнимательность, поверхностность, невыяснение значимых обстоятельств закономерно приведут к усложнению и затягиванию следствия, а во многих случаях и к приостановлению либо прекращению уголовных дел, уходу виновных от заслуженной ответственности за содеянное. Чтобы исключить перечисленные негативные последствия, должностные лица правоохранительных органов, проводящие процессуальную проверку в порядке ст. 140—145 УПК РФ, должны в полной мере владеть знаниями методики расследования преступлений соответствующего вида, грамотно применять такие знания в практической деятельности и не пренебрегать рекомендациями криминалистики при определении комплекса мероприятий, подлежащих проведению, и их содержательной части. Изложенное в полной мере относится к преступлениям, предусмотренным ст. 190 УК РФ, поэтому ниже мы рассмотрим некоторые особенности проведения доследственной проверки фактов невозвращения культурных ценностей в Российскую Федерацию после их временного вывоза, возбуждения уголовного дела и предложим соответствующие рекомендации по алгоритмам действий следователя и органа дознания в зависимости от складывающейся ситуации.

Так, полученная правоохранительными органами информация, касающаяся возможности совершения данного преступления, может быть получена от музейных работников, сотрудников таможенных органов, средств массовой информации либо оперативным путем и условно разделена на три группы:

1) свидетельствующая об отсутствии на территории России культурных ценностей, срок нахождения которых за рубежом истек, и не содержащая информации об объективных причинах, в силу которых отсутствовала реальная возможность возвращения культурных ценностей в Российскую Федерацию;

2) свидетельствующая о совершении действий, которые не могут быть истолкованы иначе, как сокрытие преступного невозвращения культурных ценностей в Россию;

3) свидетельствующая о нахождении временно вывезенных культурных ценностей во владении каких-либо третьих лиц, к которым они могли попасть не иначе, чем после их присвоения за границей, в стране временного вывоза.

Проверка указанной информации предусматривает изучение следователем, органом дознания акта ревизии, переписки собственников либо распорядителей временно вывезенных культурных цен-

¹ См., например: www.kollerauktionen.ch, www.christies.com, www.sothebys.com, www.ineichen.com.

ностей с представителями иностранных государств, объяснений должностных и иных лиц, задействованных в организации и оформлении временного вывоза и экспонирования культурных ценностей, разрешительной документации на их временный вывоз, заключения эксперта-искусствоведа о подлинности возвращенной ценности, публикаций средств массовой информации и иной документации.

Соответственно, в первом случае материал проверки должны составлять:

1) акты ревизии, инвентаризационные описи, составленные должностными лицами органов, уполномоченных на проверку фактического наличия культурных ценностей;

2) материалы служебной и иной переписки собственников либо распорядителей временно вывезенных культурных ценностей с представителями иностранных государств, в которые был осуществлен временный вывоз ценностей;

3) объяснения должностных лиц подразделений Министерства культуры, осуществляющих контроль за возвращением временно вывезенных ценностей в установленный срок, собственников ценностей, должностных лиц — представителей государственных и негосударственных учреждений культуры (музеев, библиотек, архивов), в которых хранятся вывезенные ценности;

4) объяснения иных лиц, которые владеют информацией о причинах невозвращения ценностей, в том числе объективных, подтверждающие материалы;

5) пакет разрешительной документации на временный вывоз ценностей.

Во второй ситуации в состав материалов проверки включаются:

1) результаты проведения таможенного контроля, свидетельствующие о том, что вместо подлинников возвращены копии культурных ценностей;

2) объяснения собственников культурных ценностей, их распорядителей об обстоятельствах вывоза ценностей, объяснения экспертов-искусствоведов, обнаруживших подделку;

3) служебная переписка между таможенными и иными компетентными органами Российской Федерации с аналогичными органами иностранного государства, ответы последних, содержащие недостоверную информацию о наличии объективных причин, препятствующих возвращению ценностей.

В третьей ситуации кроме объяснений задействованных в организации временного вывоза лиц необходимо приобщить:

1) информацию аукционных домов, которым были предложены для реализации культурные ценности и которые направили соответствующую информацию российским компетентным органам;

2) публикации соответствующей информации в зарубежных средствах массовой информации;

3) иные материалы.

Анализ представленных выше материалов позволяет следователю принять решение в порядке ст. 145 УПК РФ.

Очевидно, что после возбуждения уголовного дела следователю необходимо спланировать комплекс следственных и иных процессуальных действий, иных мероприятий, который в зависимости от складывающейся на данный момент следственной ситуации позволит решить задачи расследования в минимально возможные сроки и с минимальными же издержками.

На первоначальном этапе расследования в зависимости от объема исходной информации могут иметь место следующие типичные следственные ситуации:

«1. Имеются сведения о событии преступления и о конкретном виновном лице.

2. Установлено событие с признаками преступного бездействия, которое могло быть допущено лишь кем-либо из достаточно определенного круга лиц, на каждом из которых лежала обязанность по принятию отдельных мер, необходимых для обеспечения своевременного возврата временно вывезенных на территорию Российской Федерации, но неизвестно их личное поведение в событии преступления, т. е. вина в уголовно-правовом смысле.

3. Установлено событие с признаками преступления, о наличии которых свидетельствует выявление факта совершения определенных действий, которые в силу своего характера не могли преследовать в качестве цели что-либо иное, нежели чем сокрытие преступного невозвращения культурных ценностей.

4. Установлен факт нахождения культурных ценностей, временно вывезенных с территории Российской Федерации, во владении некоего лица, к которому они могли попасть лишь в случае их неправомерной реализации за рубежом либо их собственником, либо теми лицами, в ведении которых они находились или которым они были вверены, но при этом отсутствуют сведения о конкретном лице из числа тех, на кого была возложена обязанность по принятию отдельных мер, необходимых для обеспечения своевременного возврата временно вывезенных культурных ценностей на терри-

торию Российской Федерации, которым либо по поручению которого соответствующие ценности были реализованы (переданы для реализации) за границей» [2, с. 135—136].

Специфика каждой из перечисленных следственных ситуаций предусматривает и различную совокупность действий следователя, органа дознания, обусловленную конкретными обстоятельствами дела.

Так, в ситуации, когда у правоохранительного органа имеются сведения о событии преступления и о конкретном виновном лице, усилия следствия должны быть направлены на скорейшую фиксацию и процессуальное закрепление доказательственной информации по делу. В этом случае подлежат проведению следующие мероприятия:

1) допрос лиц, которыми был выявлен факт невозвращения в установленный срок культурных ценностей в Российскую Федерацию;

2) допрос свидетелей — отдельных сотрудников учреждения, организации — места работы подозреваемого в целях установления структуры данной организации, механизма временного вывоза и принимаемых мер контроля и исполнения сотрудниками и контрагентами обязанностей по своевременному возвращению ценностей в Россию;

3) производство выемки оригиналов документов, относящихся к перемещению культурных ценностей, а также устанавливающих конкретным лицам обязанности принятия мер по своевременному возвращению ценностей в Россию;

4) осмотр изъятых документов;

5) допрос подозреваемого (используя при этом массив ранее полученной доказательственной информации);

6) производство обысков по месту жительства, службы подозреваемого, в иных местах с целью установления наличия имущества, денежных средств, добытых преступным путем; изъятия и анализа цифровых носителей (смартфон, ноутбук, персональный компьютер) для установления информации, характеризующей намерения фигуранта перед совершением им неправомерных действий (например, переписку с использованием электронной почты с иностранными гражданами, организациями, свидетельствующую о планах по невозвращению и завладению культурными ценностями, распоряжению ими);

7) запрос характеризующих подозреваемого материалов с места работы и жительства в информационном центре территориального органа МВД России по соответствующему субъекту Российской Федерации в целях изучения его личности;

8) производство иных необходимых действий в зависимости от обстоятельств.

В ситуации, когда при установлении факта преступления неизвестно личное поведение, т. е. роль, лиц, на которых была возложена обязанность принятия мер, необходимых для обеспечения своевременного возврата в Россию культурных ценностей, задачей следователя становится установление причинно-следственной связи между действиями конкретного лица (или комплекса действий нескольких лиц) и наступившими общественно опасными последствиями в виде невозвращения культурной ценности в Российскую Федерацию. Для этого надлежит тщательным образом проанализировать предписанный нормативными правовыми актами порядок действий каждого из потенциальных подозреваемых и на основе такого анализа выявить лицо, нарушившее такой порядок. Подобное нарушение (или их комплекс) должно находиться в тесной связи с преступными последствиями. Потенциальными подозреваемыми могут являться инициаторы временного вывоза, работники учреждения культуры, собственник предмета преступного посягательства, обеспечивающий персонал.

Для решения данной задачи необходимо провести:

1) выемку и осмотр приказов о назначении на должность фигурантов, их должностных инструкций, нормативных актов, регламентирующих последовательность действий данных лиц, заключенных договоров и обязательств;

2) выемку и осмотр документов, отражающих реальную последовательность событий и характеризующих выполненные действия таких лиц по временному вывозу культурных ценностей за границу, меры контроля за сроками возврата, меры по обеспечению возврата;

3) допрос таких лиц в качестве свидетеля (с учетом информации, полученной при изучении нормативной и договорной основы их действий в случае временного вывоза культурных ценностей).

После этого надлежит сопоставить информацию, полученную из документов и допросов фигурантов, и установить лиц, чьи действия стали непосредственной причиной преступления, после чего при необходимости задержать их в качестве подозреваемых, допросить, провести обыски (выемки) по месту жительства, службы (работы) в целях обнаружения и изъятия интересующих следствие доказательств их противоправной деятельности.

В ситуации подмены оригиналов культурных ценностей их копиями поиск подозреваемого для следователя упрощается, поскольку совершены

очевидные действия, которые в силу своего характера не могли преследовать в качестве цели что-либо иное, нежели чем сокрытие преступного невозвращения культурных ценностей. Таким образом, необходимо установить лицо (группу лиц), совершившее такие действия, и с учетом собранной по делу доказательственной информации изобличить его (их) в совершении преступления.

Для этого необходимо выполнить следующие мероприятия:

1) осмотреть место происшествия, включая подделку (при этом для участия в осмотре целесообразно пригласить специалиста-искусствоведа, который поможет следователю в описании деталей копии);

2) провести выемку разрешительной документации на временный вывоз культурной ценности; документов, предписывающих фигуранту определенный порядок действий в целях обеспечения возвращения культурных ценностей после истечения срока временного вывоза; документов, характеризующих действия по сокрытию преступления;

3) назначить судебные экспертизы (искусствоведческую, технико-криминалистическую экспертизу документов);

4) вынести поручение органу дознания об установлении интересующих следствие обстоятельств дела (местонахождении вещественных доказательств — самого предмета преступного посягательства, документов, представляющих интерес для следствия, круга возможных подозреваемых, лиц, изготовивших копию, и т. п.);

5) с учетом собранной информации и при необходимости задержать фигуранта в порядке ст. 91 УПК РФ в качестве подозреваемого и допросить;

6) провести обыски по местам жительства, работы подозреваемого.

В ситуации установления факта нахождения временно вывезенных ценностей во владении третьих лиц с учетом нахождения их вне российской юрисдикции в действие необходимо запустить международные механизмы взаимодействия правоохранительных органов в рамках Интерпола. Для этого следует проинформировать правоохранительные органы страны, где обнаружались культурные ценности, о факте неправомерного завладения ими третьим лицом, при необходимости — снять ценности с торгов, получить информацию об их новом «владельце», организовать возвращение ценностей обратно в Россию.

С этой целью проводятся следующие мероприятия:

1) направление осуществляющим оперативное сопровождение расследования органом дознания

соответствующей информации в подразделение НЦБ Интерпола территориального органа МВД России по субъекту Российской Федерации;

2) информирование НЦБ Интерпола Генерального секретариата организации для включения сведений о невозвращенных культурных ценностях в информационный банк данных;

3) направление следователем запроса о снятии культурных ценностей с торгов (в случае если они были выставлены на торги аукционных домов) в НЦБ Интерпола;

4) направление следователем запроса о правовой помощи компетентным органам иностранного государства с просьбой провести выемку и осмотр интересующего предмета; допросить лиц, у которых ценность была изъята, а также иных причастных лиц; направить ее в Российскую Федерацию для идентификации и производства процессуальных действий.

Запрос о проведении последних двух действий направляется следователем через Следственный департамент МВД России.

После получения результатов запрашиваемых действий появляется возможность выдвижения версий о лицах, причастных к совершению преступления, установлению их данных, направления запросов об их допросе, производстве иных действий, могущих дать необходимые следствию сведения.

Основной сложностью при этом является необходимость тесного взаимодействия с иностранными правоохранительными органами, которые при этом не связаны жесткими обязательствами и сроками выполнения поручений.

Вместе с перечисленными действиями необходимые мероприятия также должны быть проведены на территории России в целях установления всей цепочки — от временного вывоза культурной ценности до ее попадания во владение третьего лица.

Для этого представляется необходимым производство допросов лиц, задействованных в процедуре временного вывоза ценностей, выемки разрешительной документации и т. п.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что следование правоохранительными органами предлагаемым алгоритмам действий в зависимости от складывающейся ситуации при невозвращении временно вывезенных культурных ценностей в Российскую Федерацию позволит улучшить качество расследования таких преступлений, что, в свою очередь, будет способствовать повышению эффективности защиты отечественной культуры и национальной безопасности российского государства.

1. Фомичев С. А. Контрабанда культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006.

2. Грозин В. Ю. Актуальные вопросы предварительного расследования по делам о невозвращении на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007.

Янин Сергей Александрович,
профессор кафедры организации
следственной работы
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
s.yanin1@yandex.ru

1. Fomichev S. A. Smuggling of cultural values. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2006. (In Russ.).

2. Grozin V. Yu. Topical issues of the preliminary investigation in cases of non-return to the territory of the Russian Federation of objects of artistic, historical and archaeological heritage of the peoples of the Russian Federation and foreign countries. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2007. (In Russ.).

Янин Сергей Александрович,
professor at the department
of organization of investigative work
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences
candidate of juridical sciences, docent;
s.yanin1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.01.2022; одобрена после рецензирования 26.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 13.01.2022; approved after reviewing 26.01.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 322

doi: 10.25724/VAMVD.ZJKL

**НЕГЛАСНЫЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНТРОЛЬ
В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА****Александр Иванович Мелихов**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, stalingrad@pisem.net

Аннотация. В современной оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел больше проявляется воспитательная, а не карательная функция, поэтому ее корни следует искать не в государственных, а в общественных и религиозных институтах негласного контроля и надзора. Традиционные авраамические религии (иудаизм, христианство, ислам), будучи лучшими системами обеспечения безопасности личности, общества и государства, посредством ряда своих институтов (религиозных служб, юродивых, духовных отцов и т. п.) на протяжении длительного исторического периода эффективно формировали духовный мир человека, а затем осуществляли негласный контроль и надзор за его тайными помыслами для предотвращения неправомерных поступков, преступлений, бунтов и других энтропийных явлений в обществе. Наиболее ярко православная церковь как система самосохранения нации продемонстрировала себя в Смутное время — в момент риска утраты государственности. Роль церкви в обеспечении национального возрождения не могла не рассматриваться Западом как угроза безопасности, в связи с этим в первые годы правления династии Романовых она уменьшается, а церковь становится объектом тщательного контроля со стороны государства.

Ключевые слова: религия, церковь, безопасность, негласный надзор и контроль, замысел, оперативно-разыскная деятельность

Для цитирования: Мелихов А. И. Негласный религиозный контроль в истории отечественной системы обеспечения внутренней безопасности общества и государства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 163—171. doi: 10.25724/VAMVD.ZJKL

**UNSPOKEN RELIGIOUS CONTROL
IN THE HISTORY OF THE DOMESTIC SYSTEM FOR ENSURING
THE INTERNAL SECURITY OF SOCIETY AND THE STATE****Alexander Ivanovich Melikhov**

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, stalingrad@pisem.net

Abstract. In the modern operational-search activity of the internal affairs bodies, an educational rather than a punitive function is more manifested, therefore its roots should be sought not in state, but in public and religious institutions of secret control and supervision. Traditional Abrahamic religions (Judaism, Christianity, Islam), being the best systems for ensuring the security of the individual, society and the state, through a number of their institutions (religious services, holy fools, spiritual fathers, etc.) over a long historical period effectively formed the spiritual world of a person, and then carried out covert control and supervision of his secret thoughts to prevent unrighteous acts, crimes, riots and other entropic phenomena in society. The Orthodox Church as a system of self-preservation of the nation demonstrated itself most clearly in the Time of Troubles — at the time of the risk of losing statehood. The role of the church in ensuring national revival could not but be considered by the West as a threat to security, in connection with this, in the first years of the Romanov dynasty, it decreases, and the church becomes the object of careful control by the state.

Keywords: religion, church, security, covert supervision and control, concept, operational-search activity

For citation: Melikhov A. I. Unspoken religious control in the history of the domestic system for ensuring the internal security of society and the state. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 163—171, 2022. (in Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.ZJKL

Основы современной оперативно-разыскной деятельности и национальной безопасности обычно ищут в карательных государственных институтах (опричнина, Приказ тайных дел и пр.), однако в тайном расследовании как правовом проявлении способа объективного познания человека в его повседневности находит отражение больше воспитательная, а не карательная функция. На наш взгляд, корни первой нужно искать в общественных мистических и религиозных институтах.

В течение длительного времени то, что мы сейчас называем основой национальной безопасности — воспитанием и общественным порядком, репродуцировалось и поддерживалось общинными и религиозными институтами. Они были эффективным алгоритмом воспитания сознательного поведения путем замещения животного подсознательного подсознательным религиозным. Как отмечает А. Бергсон, «первая религия была предназначена для того, чтобы устранять опасности, которым ум мог подвергать человека; она была субинтеллектуальной» [1, с. 200], затем стала фактором, консолидирующим общество, религия «...является общей для всех членов группы, она тесно соединяет их в обрядах и церемониях, она отличает группу от других групп, она гарантирует успех коллективного предприятия и ограждает от общей опасности» [1, с. 222].

В каждом доме со стен на людей смотрели иконы, уберегая их от влияния животных начал, чтение священных книг и проповеди священников постепенно замещали подсознательное животное подсознательным божественным. Обряды купировали негативные эмоциональные проявления. Институт семьи и общины был органично встроен в традиционные религии, удовлетворявшие весь спектр витальных потребностей, поскольку «...в глубине сверхъестественных тайн религии кроются совершенно простые, естественные истины» [2, с. 7]. Стены храмов надежно спасали людей как от внешнего врага, так и от эмоциональных животных порывов соплеменников. Деятельность священников помогала гасить конфликты и преодолевать отчужденность человека.

Информация о прошлом и настоящем конкретной территориальной единицы была сосредоточена у руководителей общин, служителей церкви, будущее людей предопределено природными циклами и религиозными нормами. Это создавало стабильность и предсказуемость, обеспечивало самосохранение, самоподдержание и самовоспроизводство общины. В религиозной матрице веками собирались знания, которые проходили через все этапы работы с информацией (получение, обработка, анализ,

хранение и реализация). Пропуская ее через призму гуманности и, несомненно, самосохранения религии как социальной системы, оценивая возможности ее реализации либо засекречивания, религиозное мировоззрение стало лучшей системой обеспечения безопасности личности, общества, а позже государства.

Религия — это сдерживание природного бессознательного и подсознательного, высший уровень управления этими природными мотивациями (энергиями), проявление высшего разума, подчинение подсознательного сознанию, сублимация бессознательных и подсознательных позывов в сознательные альтруистические действия, позволяющие обеспечить витальные потребности человека и общества. Именно в религиозных и общественных началах, впервые кодифицировавших преступления, следует искать истоки современной оперативно-разыскной деятельности.

Значимая роль основных конфессий в борьбе с энтропийными процессами в обществе и их крайним проявлением — преступностью — практически не исследовалась [3—5], а в сфере открытой оперативно-разыскной науки до сих пор не анализировалась ни в части взаимодействия с религиозными ячейками общества, ни в части использования опыта и приемов религиозного сознания в ОРД. Обычно научные дискуссии ограничиваются необходимостью соблюдения тайны исповеди и недопустимостью давления на священнослужителей [6, с. 91—98].

Религия посредством обрядов и таинств заложила методологическую и психологическую основу многих ОРМ, фундаментальные основы криптографии¹.

Все религиозное мировоззрение построено на важном для становления личности человека

¹ Аббат Тритемий (1462—1516) после встречи с неким таинственным учителем, который наставил его в оккультных науках, написал книгу под названием «Стеганография». Вот его собственное предисловие: «В своей книге я расскажу о способах, которыми я смогу точно и надежным образом передать свою волю любому, кто постигнет смысл моей науки, как бы далеко он ни находился от меня, пусть даже за сто верст. И при этом никто не заподозрит, будто я пользовался какими-либо знаками, фигурами или буквами. А если я воспользуюсь услугами гонца, и этого гонца перехватят в пути, никакие мольбы, угрозы, посулы и даже пытки не принудят этого гонца открыть секрет, потому что он ничего о нем не будет знать. Вот почему ни один человек не сумеет открыть тайну. И все эти вещи при желании я смогу с легкостью проделывать, и не прибегая ни к чьей помощи, и не посылая гонца. Даже узнику, заточенному в глубоком подземелье и находящемуся под неусыпной охраной, я способен передать свою волю» (URL: <http://taynikrus.ru/mistika/zagadki-proklyatyx-knig/> (дата обращения: 01.12.2021)).

механизме — механизме самоанализа и самокритики поведения и содержания внутреннего мира, делающего его принципиально отличным от животных. Об Адаме и Еве после сотворения говорится: *и были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились* (Быт 2:25). Слово «наги», на наш взгляд, имеет здесь два значения: во-первых, речь идет не о телесной, а духовной наготе — безгрешности помыслов, отсутствии необходимости что-то скрывать, т. е. замыслы человека не противоречили установленным религиозным нормам, следовательно, не представляли опасности для него самого и окружающих (не являлись преступлением). Человек был полностью открыт, его внутренний мир не был тайной. Дальнейшее появление змея-искусителя и тайны от Бога в виде нарушения запрета на вкушение яблока (совершение преступления) создало тайну от Бога и потерю безгрешности. На необходимости покаяния как открытия своего внутреннего мира и самокритичного анализа своих действий и помыслов построен христианский религиозный механизм контроля за сознательными и бессознательными действиями и желаниями человека. Данный прием применяется и на коллективном уровне: на Вселенском соборе (в 1965 г.) Ватикан провозгласил идею создания так называемой интернациональной религии («духовная нага») для борьбы с коммунистической идеологией. Тот же психологический механизм лежит в основе института явки с повинной, активно используемого в современной ОРД. Выспрашивая потенциального преступника о его повседневности, оперативник подразумевает, что в жизни нет ничего тайного, поскольку с помощью тайны человек скрывает свои неблагоприятные и опасные для него и общества поступки и помыслы. В данном случае оперативник подобен священнику, принимающему покаяние.

Во-вторых, «нага» — слово, происходящее из санскрита, обозначающее змееподобных мифических существ. В индуизме и буддизме утверждается, что наги хранили истину в тайне до тех пор, пока люди не созрели для ее понимания. Появление в библейском сюжете змея как обладателя объективных знаний о животной, а не о божественной природе человека предвосхищает грехопадение последнего и сошествие его с безопасного пути подсознательного доверия религиозному мировоззрению на начальную сознательную стадию познания себя с животного уровня, представляющего опасность для всех. В связи с этим прививание религиозного мировоззрения на подсознательном или, скорее, внесознательном, т. е. некритическом, уровне является огромной экономией человеческой

энергии и времени и скачком в развитии человека в том числе в области обеспечения самосохранения, саморазвития и самоподдержания.

Поскольку согласно авраамическим религиям (иудаизм, христианство, ислам) все происходит по воле Божией, только внутри духовного мира человек свободен, змей ниспослан Богом к Адаму и Еве для провокации. Полный церковно-славянский словарь XIX в. протоирея Григория Дьяченко понимает под ней обращение к высшему суду¹. Очевидно, что речь идет о суде не над поступками, а над помыслами человека, т. е. о контроле над его духовным миром, где он волен делать, что захочет, но это не означает его безнаказанности в целях обеспечения безопасности будущего поведения для него самого и окружающих. В данном случае мы наблюдаем тот же механизм отстранения «своих» от негласного контроля за «своими», что и в дорелигиозных обществах: действие субъекта, обеспечивающего коллективную безопасность, опосредовано ссылкой на духов, мертвых и другие мистические силы, в рассматриваемой религии действия Боготца как субъекта, заботящегося о безопасности своих детей, опосредовано змеем, проводящим провокацию. В связи с этим необходимо вспомнить, что в восточных мифологиях духовные наги — это змееподобные существа, планирующие отомстить тем, кто их предал. Таким образом, змей — это агент Бога, провоцирующий человека на совершение преступления в религиозном измерении — грехе.

Разрыв субъекта внутренней безопасности с методами осуществления безопасности внутри закрытого общества есть проявление двойной морали, обусловленной необходимостью сохранения чистоты образа в ментальном смысле или в психологическом смысле отсутствия ассоциативных связей между субъектом обеспечения безопасности, желающим добра, и необходимым злом применяемых им методов. Таким образом, указанный прием наряду с запретом на летальное наказание становится одним из принципов обеспечения внутренней безопасности общества.

Согласно одному из постановлений Вселенского собора католической церкви «царство истины и жизни, царство святости и благодати, царство правды любви и мира... уже тайно присутствует здесь, на земле»². Очевидно, что оплотом этого

¹ См.: Полный церковно-славянский словарь / сост. Григорий Дьяченко. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=481084> (дата обращения: 01.12.2021)

² См.: Дюмулен Пьер. Христианское вероучение. Догматические тексты учительства церкви III—XX вв. [1262 — II Ват. Собор, Gaudium et spes, 39]. URL: <https://azbyka.ru/>

царства являлась церковь. Римская католическая церковь, принявшая форму государства — Ватикан, если ее рассматривать как сложную социальную систему, до сих пор выступает крупнейшей информационной (разведывательной) сетью, способной дать оперативную информацию с использованием своих дипломатических представительств, монашеских орденов, миссионеров, многочисленных светских организаций, профсоюзов и т. д. [7—9]¹. Именно информация в плане противопоставления ее энтропии окружающего мира обеспечивает безопасность и самой церкви, и ее последователей. В этом отношении нельзя не провести аналогию с современной ОРД, направленной в том числе на добывание информации об угрозах безопасности нации.

В отечественной истории периода феодальной раздробленности и становления московского централизованного государства религия продемонстрировала себя более устойчиво, чем государство: 1) в силу разделения светской и религиозной власти гибель первой не влечет за собой гибели второй; 2) аккумуляция большого количества объективных знаний о повседневности, природе человека и среде его обитания позволяет ей возрождаться даже при физическом истреблении части адептов. Религия могла выделить для них ресурс времени для познания. Сегодня, когда глубокий научный анализ ментальных угроз национальной безопасности невозможен в разрушенных и оптимизированных научно-исследовательских организациях и вузах, последним прибежищем для национальной матрицы знаний о самосохранении народа служат храмы; 3) религия посредством воспитания и управления подсознательными энтропийными энергиями за счет знания истинной природы человека предлагает ему безопасный жизненный путь, формирует альтруизм, необходимый для поддержания коллективных средств удовлетворения витальных потребностей, в том числе самосохранения, в качестве которых выступают общественные объединения — общество, церковь и государство, т. е. религия — это параллельная государственной системе обеспечения национальной безопасности, обладающая потенциалом возрождения, построенным на ментальных знаниях о характеристиках нации.

---

otechnik/konfessii/hristianskoe-verouchenie-dogmaticheskie-teksty-uchitelstva-tserkvi-3-20-vv/12_25 (дата обращения: 01.12.2021).

¹ См.: Артамонов А. Г. Как устроена самая тайная из мировых сетей. URL: https://www.youtube.com/watch?v=uS9_kq1PrWM&t=2322s (дата обращения: 01.12.2021).

В отечественной традиции именно религиозная культура стала национальным мировоззрением по причине долгого отсутствия большого количества городского населения и формирования альтернативной «гражданской» культуры. Кроме того, церковь занимается профилактикой энтропийной преступности, предлагая минимальные социальные гарантии (защиту, подаяния, кров и т. п.) слоям населения, не нашедшим места в светской жизненной парадигме (инвалиды, бесприданницы, вдовы, сироты, нищие, бывшие преступники и т. п.), а также альтернативный жизненный путь монашества, т. е. альтуризма в поддержании коллективных благ.

История России показывает устойчивую закономерность отражения внешней угрозы безопасности: устранение межгосударственной энтропии, затем внутривластной энтропии, далее энтропии в объекте управления — обществе.

Племянница последнего императора Византии Софья Палеолог, став женой Ивана III Великого, матерью Василия III, бабушкой Ивана IV Грозного и привезя с собой в качестве приданого знаменитую византийскую библиотеку, ускорила процесс привнесения в русскую государственность сакральных византийских традиций, в том числе тайного контроля за обществом.

Согласно словарю Брокгауза и Ефрона «ни одна страна не может представить такого обилия юродивых и примеров такого необыкновенного уважения к ним, как Древняя Русь. В продолжение лишь трех веков (XIV—XVI) на Руси насчитывается не менее 10 юродивых святых, тогда как в общем месяцеслове православной церкви в течение 5 веков (VI—X) не более 4 юродивых святых, принадлежащих различным странам»².

На главной площади нашей страны стоит собор, называемый Собором Василия Блаженного. Василий Блаженный известен в православной религии как юродивый, т. е. человек, живущий в полном отказе от всех мирских ценностей и намеренно ставший казаться безумным для навлечения на себя поношений. В психологическом плане действия юродивого как провокация существенно понижают агрессию в обществе, выступая своеобразным громоотводом, удовлетворяют информационную и эмоциональную составляющую витальной потребности самоподдержания населения.

Идеологическая база юродства построена на Евангелие и Послании апостола Павла³. Таким

---

² Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/146072-Юродивые> (дата обращения: 01.12.2021).

³ В своем Первом Послании Коринфянам апостол

образом, институт юродства направлен, прежде всего, на самосохранение человека и общества от его же сознательных действий как главной угрозы его безопасности, противопоставление рисков «игры разума» иррациональной вере в Бога. Юродивый — представитель общественности или, как модно сегодня говорить, «гражданского общества», еще одной его функцией было заступничество за народ перед светской властью.

Сам религиозный институт юродства построен на провокации окружающих на основе донесения до них объективной информации о них самих. В плане аналогий с современной ОРД интересна будет статья Брокгауза и Ефрона, согласно которой «...юродивые нередко вращались среди самых порочных членов общества, среди людей, погибших в общественном мнении, и многих из таких отверженных возвращали на путь истины и добра...»¹.

Если рассмотреть житие Василия Блаженного с позиций обеспечения безопасности общества и государства, то окажется, что он предупреждал светскую власть об опасностях (предсказал пожар в Москве, молитвой прекратил пожар в Новгороде), изобличал преступников (опрокидывал лотки с плохо приготовленными калачами и квасом, разбивал «адописные иконы»), пресекал моральную профанацию и дискредитацию религии как угрозу национальной безопасности (не дал купцу, выгнавшему из дома свою мать, достроить церковь, изобличал подавателей милостыни с корыстными целями), занимался профилактикой правонарушений (посещал корчмы и дома, где веселились и пьянствовали, передаривал свои подаяния нуждающимся и т. п.).

Юродивые выступали и как агенты влияния. Так, исследователь новгородских усобиц А. В. Петров связывает столкновения жителей сторон на мосту через Волхов с языческими верованиями и обычаями, против которых в XIV в. боролись новгородские юродивые Николай Кочанов и Федор: «Изобличая и высмеивая новгородцев за их приверженность к пагубной языческой традиции межрайонной вражды, Николай и Федор пародировали усобицы между сторонами города. Когда Николай

пишет: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых — сила Божия. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну. Где мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость века сего в безумие? Ибо, когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповесть славу верующих».

¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaron-line.com/146072-Юродивые> (дата обращения: 01.12.2021).

являлся на Торговую сторону, его оттуда решительно выгонял Федор, и, наоборот, Федору невозможно было зайти на Софийскую сторону, чтобы его тотчас не стал гнать на „он пол“ Николай» [10, с. 60—61].

На профилактику и сбор информации о преступности и иных угрозах общественной безопасности помимо наблюдения за повседневностью общества нищих, юродивых, «профайлинга» в храмах были направлены религиозные институты покаяния как прообраза явки с повинной и исповеди как признания в совершенных грехах перед Богом обычно в присутствии священнослужителя либо «духовного отца»².

Религиозный надзор как прообраз современной ОРД, с одной стороны, был обусловлен необходимостью этологического наблюдения за человеком в его естественной непубличной среде (доме, разговорах, переписке), что гарантировало невторжение — одну из основ его безопасности, обеспечиваемой сначала религиозной парадигмой [11], а затем государственной. С другой стороны — необходимостью бихевиаристического подхода к познанию внутреннего мира человека, т. е. наблюдением за человеком в специально созданных, искусственных условиях для выявления его подсознательных и сознательно скрываемых намерений, проявляющихся в религии в провокации (обращения к Высшему суду), а в ОРД в оперативном эксперименте.

Контроль за духовным миром человека может осуществляться в двух условиях: в искусственной (бихевиористический подход) и естественной среде (этологический подход). Первая присуща закрытым обществам, в которых внутренний мир не явля-

² «Как почитать отцов своих духовных и повиноваться им во всем. Приискать отца духовного доброго, боголюбивого и благоразумного, рассудительного и твердого в вере, который подаст пример, а не потаковщика пьяницу, не сребролюбца, не гневливого. Такого следует почитать и слушаться его во всем, и каяться перед ним со слезами, грехи свои поведая без стыда и без страха, а наставления его исполнять и епитимьи соблюдать по грехам своим. Призывать же его к себе в дом часто, да и к нему приходиться на исповедь по всей совести, поученьям его с признательностью внимать, и подчиняться ему во всем, и почитать его, и бить челом ему низко: он учитель наш и наставник. ...Советуйтесь с ним почаще о житии полезном, чтоб удержаться от всяких грехов. Как мужу наставлять и любить жену свою и детей, и слуг, как жене слушаться мужа; обо всем советуйтесь с ним всякий день. Исповедоваться же в грехах своих следует перед отцом духовным и открывать грехи свои все, и покоряться ему во всем: ибо заботятся они о наших душах и ответ дадут за нас в день Страшного суда; и не следует ни бранить их, ни осуждать, ни укорять, а если же станут за кого просить, выслушать это, да наказать виновного, по вине смотря, но прежде все обсудив» (Домострой. СПб.: Наука, 2007. С. 141).

ется тайным. Активная провокация — в большей мере метод бихевиоризма, применяется церковью в отношении ее служителей для их духовного очищения или полного ухода от задач эгоистического характера к альтруистической цели — служению вере. Интересно, что метод провокации взятков сегодня активно используется ОРД для очищения рядов госслужащих от коррупционеров, во время правления И. В. Сталина контроль НКВД за внутренним миром правящей бюрократии был возведен в систему.

Бихевиористический подход присущ и некоторым современным сообществам: например, в ОРД сформировалась вполне самостоятельная школа органов исполнения наказания. Глубина познания природы человека и ее повседневности делает актуальным более активное ориентирование ОРД УИН на обеспечение безопасности, а не на статистику преступлений. В связи с этим ими востребована категория «замышляемое противоправное деяние» как основание для проведения ОРМ [12—15]. Однако представители уголовного права с позиций правового мировоззрения совершенно справедливо отрицательно относятся к понятию «замышляемое преступление» по ряду формальных признаков: нарушение системности права, возвращение к субъективному вменению и т. п. [16, с. 193]. Однако, как мы установили ранее, ОРД ОВД не может в полной мере укладываться в уголовно-правовую матрицу, направленную на обеспечение безопасности ретроспективно и только в части обеспечения неотвратимости наказания. В практике работы ОВД есть много примеров формально правомерного бездействия при придании огласке преступных замыслов, повлекшего трагические последствия. На наш взгляд, нужно отойти от понятия «замышляемое преступление», а говорить о замышляемом правонарушении, поскольку ОРД ОВД не замкнута на применении уголовных норм. Широкий подход к профилактике правонарушений заложен в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ, где институт замышляемого правонарушения поддерживается такими новыми понятиями, как «антиобщественное поведение» (п. 6 ст. 2), «выявление, оценка и прогнозирование криминогенных факторов социального характера» (п. 1 ч. 2 ст. 6), «выявление лиц, склонных к совершению правонарушений» (п. 6 ч. 2 ст. 6), а также перечнем форм профилактического воздействия (ст. 17, особенно п. 3 «объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения»).

В 1550 г. были утверждены правила повседневности — «Домострой», в котором, как мы говорили ранее, установлены религиозные ограничения в части возможности познания животной природы человека (запрет на дрессированных животных и т. п.), а также заложена система профилактики антиобщественного поведения и агентурной работы посредством утверждения института «духовных отцов».

И. А. Ильин отмечает, что «религия имеет способность и призвание определять личность и судьбу человека, преобразуя весь его характер, все его мирозерцание и всю его жизненную деятельность. Естественно, что она приобретает решающее влияние и на его правосознание, и на его государственный образ действий» [17, с. 213]. Философ обращал внимание на высокую значимость религии в механизме обеспечения безопасности нации: «Религия всегда была самым могучим и верным источником достойного правосознания; и история человечества не раз показывала, как народ, забывший Бога, разрушал свое государство» [17, с. 156].

Наиболее ярко религия как альтернативная государственной система самосохранения проявила себя в Смутное время — в момент риска утраты государственности. Механизм ее спасения был заложен в потенциале православной церкви как объективного независимого средства обеспечения национальной безопасности, которая путем создания информационной волны в виде Троицких грамот, мистических событий, прощения грехов православного населения, участвовавшего в Смуте, благотворительной деятельности, очагов обороны в ранее выстроенных монастырях, использования особенностей физиологии человека (был объявлен трехдневный пост, активировавший поисковое и познавательное поведение населения) смогла сублимировать преступность как крайнюю форму энтропийных процессов в национально-освободительное движение [18, с. 104].

Роль церкви в обеспечении национального возрождения не могла быть не рассмотрена Западом как угроза своей безопасности. Религиозный раскол внутри православной церкви на старообрядческую, сосредоточенную на национально-традиционалистском мировоззрении, и никонианскую, содержащую православно-интернациональную ориентацию России как центра православия, только усилили опасения Запада. Сам церковный раскол являлся в плане безопасности отказом части духовенства от идеи глобальной роли российского государства и наступательной политики безопасности, противопоставлял ей политику изоляционного обеспечения безо-

пасности. На самом деле речь шла о необходимости дальнейшего расширения внутреннего источника энергии на решение косвенных, как казалось национально ориентированному духовенству, проблем безопасности православных народов в ущерб достатку своего народа.

Патриарх Никон — автор геополитической концепции «Москва — Третий Рим» как гарантии внешней безопасности России, симфонии духовной и светской власти как принципа разделения властей и гарантии внутренней стабильности государства на фоне усиления влияния западного мировоззрения на царя Алексея Михайловича и его окружения, его стремления к единовластию лишается сана и ссылается в монастырь. В отношении раскольников-староверцев власть в нарушение запрета на летальный характер наказания «своих» применяет бесчеловечные методы и сжигает их духовного лидера Протопопа Аввакума.

Уже в Соборном уложении 1649 г. четко прослеживается урезание полномочий церкви и выход государства на первый план, в том числе в области обеспечения безопасности. Постепенно церковь из субъекта негласного надзора превращается в его объект, представляющий потенциальную угрозу государственной власти, для этого образуется Монастырский приказ, состоящий из светских чиновников, церковные приходы уже не выбирают священников, их назначает государство. Государственная политика в большей мере видит своей социальной основой не церковь, а дворянство. Городское самоуправление при Алексее Михайловиче замещается государственным управлением. Таким образом, государство, обеспечив свою стабильность и внешнюю безопасность, начинает распространять информационную сеть на все сферы жизни общества, изучая их как объекты управления. Конкурентные общественные и религиозные сети получения информации либо уничтожаются, либо берутся государством под контроль.

Указанные действия государства дискредитировали его в глазах верующего населения, поскольку это вместе с религиозным расколом разрушало единое мировоззрение соборности, что отразилось в энтропийных процессах на уровне общества: вооруженных выступлениях монахов 1668—1676 гг., восстании Степана Разина, стрельцом бунте 1682 г. Данные события говорят об одной из существенных угроз национальной безопасности со стороны государства — приоритете сохранения власти над обеспечением безопасности нации. В названный исторический период религия как «гражданское общество» в современном понимании и религиозная система

обеспечения национальной безопасности стали утрачивать свое влияние.

Следующими тенденциями, оказавшими воздействие на развитие негласного надзора за гражданами, было появление секуляризованных слоев населения, вышедших из-под общинного и религиозного контроля, а также формирование российского государства как открытого общества, что стало одной из угроз внутренней безопасности и в то же время обеспечило информационный приток, необходимый для технологической эволюции и снятия запрета на познание природы человека. Секуляризованное население, не охваченное религиозным контролем, представляло собой в постсмутные времена городское население, дворянство и властные элиты, официально вовлеченные еще Петром I в европоцентристское секуляризованное мировоззрение.

Проведенные в начале царствования династии Романовых реформы и репрессии на многие века противопоставили общество и государство, заложив основу пагубным для нации гражданским войнам. Базы религиозного негласного надзора, обеспечивающие раскрытие преступлений и контроль за внутренними энтропийными процессами в обществе, были ограничены за счет образования сект беспоповцев (молокане, духоборцы, нетовцы и др.), чей внутренний мир не был доступен официальной религии, но понятен (а значит, подконтролен) протестантскому направлению либо дискредитирован гласным служением церкви государству как орудие антихриста¹. Несомненно, такой образ государства

¹ Раскольники всех толков и согласий разделяли ту мысль, что государство русское лишено благодати Божьей и находится под влиянием антихриста. Но с другой стороны, считали поповцы, если государство есть орудие дьявола, то уважение к его порядкам немислимо. В то же время государство есть факт, а все существующее не держится без божественного попущения. А если Бог терпит существование такого государства, то это и нас обязывает к известному роду терпимости в отношении к государству и обязывает воздавать ему внешний долг. Иное дело внутреннее сознание, совесть. Здесь нет места никакому уважению к государству, особенно в отстаивании святой веры. И здесь оправданы подкупы, всякие обманы, подлоги и т. д. У поповцев государство есть бессознательное орудие антихриста, у беспоповцев государство становится сознательным орудием антихриста. У поповцев государство безблагодатно, у беспоповцев богоборно. Такая секта беспоповцев, как странники, считала, что государство есть не только орудие антихриста, но оно сеть антихриста, так что человек, связанный различными отношениями с государством, находится уже в руках антихриста, становится его рабом. Отсюда и само название — странники (История России: учебник / науч. ред. С. С. Сулакшин. URL: https://rusrand.ru/files/history/08-XVII_vek.pdf (дата обращения: 01.12.2021)).

стал результатом западных манипуляций, национального эгоизма и упрямства, откинув далеко назад гармоничные отношения общества и государства, детерминированные «симфонией духовной и светской власти», приблизив Россию к условиям совмещения светской и духовной власти, погубившим Византийскую империю.

Дальнейшее развитие государственного сыска связано с необходимостью политического контроля

за конкурентами за власть — церковью и околовластными элитами, в связи с чем А. Е. Шарихин справедливо отмечает: «История возникновения, становления и развития сыска, который в последующем стал называться в нашей стране оперативно-розыскной деятельностью, неразрывно связана с борьбой верховной власти с заговорами» [19, с. 26].

1. Бергсон А. Два источника морали и религии. Москва: Канон, 1994. 384 с.

2. Фейербах Л. Сочинения: в 2 т. Москва: Наука, 1995. Т. 2. 425 с.

3. Липский Н. А. Влияние христианства на развитие уголовной политики и судопроизводства в России: историко-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2003. 18 с.

4. Маламагамедова А. Р. Нравственно-конфессиональные элементы уголовно-процессуальной формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. 25 с.

5. Ходжаев У. Т. Оперативно-розыскная деятельность и содействие лиц в борьбе с преступностью в мусульманском праве // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2016. № 1. С. 151—161

6. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Привлечение к конфиденциальному содействию священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений: ограничения и запреты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2 (25). С. 91—98.

7. Бемер Г. История ордена иезуитов. Москва: Ломоносовъ, 2012. 216 с.

8. Грамши Антонио. Избранные произведения: в 3 т. Москва: Изд-во иностр. лит., 1957—1959. Т. 3. 565 с.

9. История российской внешней разведки: очерки: в 6 т. Москва: Междунар. отношения, 2014. Т. V. 768 с.

10. Петров А. В. От язычества к святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2003. 351 с.

11. Леонова И. В. Личные права человека в мусульманской правовой системе // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 10. С. 116—119.

12. Веселов М. И. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия преступлений в женских колониях: автореф. дис. ...

1. Bergson A. Two sources of morality and religion. Moscow: Kanon; 1994: 384. (In Russ.).

2. Feuerbach L. Works. In 2 volumes. Moscow: Nauka; 1995; Vol. 2: 425. (In Russ.).

3. Lipsky N. A. Influence of Christianity on the development of criminal policy and legal proceedings in Russia: historical and legal analysis. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2003: 18. (In Russ.).

4. Malamagamedova A. R. Moral and confessional elements of the criminal procedure form. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2016: 25. (In Russ.).

5. Khojaev U. T. Operational-search activity and assistance of persons in the fight against crime in Muslim law. Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics, 151—161, 2016. (In Russ.).

6. Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. Involving clergy and authorized representatives of officially registered religious associations in confidential assistance: restrictions and prohibitions. Journal of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia, 91—98, 2013. (In Russ.).

7. Bemer G. History of the Jesuit Order. Moscow: Lomonosov; 2012: 216. (In Russ.).

8. Gramsci Antonio. Selected works. In 3 volumes. Moscow: Izdatelstvo inostrannoi literatury; 1957—1959; Vol. 3: 565. (In Russ.).

9. History of Russian foreign intelligence: essays. In 6 volumes. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 2014; Vol. V: 768. (In Russ.).

10. Petrov A. V. From paganism to holy Russia. Novgorod strife (to the study of the ancient Russian veche way of life). Saint Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House; 2003: 351. (In Russ.).

11. Leonova I. V. Personal human rights in the Muslim legal system. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 116—119, 2009. (In Russ.).

12. Veselov M. I. Operational-search support for the prevention and detection of crimes in women's colonies. Abstract of the dissertation of the candidate

канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 21 с.

13. Ефаров М. Х. Оперативно-розыскное предупреждение и раскрытие краж товарно-материальных ценностей в уголовно-исполнительной системе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 22 с.

14. Образцов С. В. Оперативно-розыскное предупреждение преступлений против жизни и здоровья в исправительных колониях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 22 с.

15. Тихомиров А. Н. Проблемы оперативно-розыскной деятельности в пенитенциарной системе // Правовое поле современной экономики. 2016. № 3. С. 151—157.

16. Шкабин Г. С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2018. 409 с.

17. Ильин И. А. О сущности правосознания. Москва: Рарогъ, 1993. 234 с.

18. Черникова Т. В. Процесс европеизации в России во второй половине XV—XVII вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2014. 941 с.

19. Шарихин А. Е. Научные основы обеспечения экономической безопасности России посредством оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. 497 с.

Мелихов Александр Иванович,

доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент; stalingrad@pisem.net

of juridical sciences. Vladimir; 2011: 21. (In Russ.).

13. Efarov M. Kh. Operational-search warning and disclosure of thefts of inventory items in the penitentiary system. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Vladimir; 2011: 22. (In Russ.).

14. Obratsov S. V. Operational-investigative prevention of crimes against life and health in correctional colonies. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Vladimir; 2011: 22. (In Russ.).

15. Tikhomirov A. N. Problems of operational-search activity in the penitentiary system. Legal field of the modern economy, 151—157, 2016. (In Russ.).

16. Shkabin G. S. Criminal-legal support of operational-investigative activities: theoretical, applied and legislative aspects. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2018: 409. (In Russ.).

17. Ilyin I. A. On the essence of legal consciousness. Moscow: Rarog; 1993: 234. (In Russ.).

18. Chernikova T. V. The process of Europeanization in Russia in the second half of the XV—XVII centuries. Dissertation of the doctor of historical sciences. Moscow; 2014: 941. (In Russ.).

19. Sharikhin A. E. Scientific bases for ensuring the economic security of Russia through operational-search activity. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2007: 497. (In Russ.).

Melikhov Alexander Ivanovich,

associate professor at the department of constitutional and administrative law of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent; stalingrad@pisem.net

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 29.12.2021; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

УДК 342

doi: 10.25724/VAMVD.ZKLM

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Дмитрий Анатольевич Гаврилов*, Виолетта Дмитриевна Гаврилова**

* Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, gavrilovda@volsu.ru

** Музейный комплекс Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия
SPD-201_252364@volsu.ru

Аннотация. В статье поднимается актуальная для современной российской государственно-правовой действительности проблема — формирование государственной политики памяти и реализации ее правовых основ. Память (историческая, социальная, коллективная, индивидуальная) представляет собой универсальную культурную ценность любого общества, которая отличается национальным своеобразием восприятия, запоминания и трансляции опыта исторических событий прошлого.

Авторы рассматривают государственную политику памяти как комплекс взаимосвязанных направлений деятельности государства: медийного, творческого, образовательно-воспитательного, военно-мемориального, наградного. Государственная политика памяти имеет ярко выраженный аксиологический характер, а ряд важнейших понятий современности уже включены или претендуют на включение в перечень конституционных ценностей.

Напряженность в международных отношениях, смена поколений, взаимодействие глобальной и российской правовых культур и другие факторы определяют необходимость решения проблемы памяти на государственном уровне. В Российской Федерации приняты законодательные акты, утверждены государственные программы развития и охраны институтов памяти, однако концепция государственного регулирования и защиты памяти не приобрела устойчивого и системного характера. Представляется, что магистральный путь развития государственной политики памяти — это совершенствование ее ценностных основ на основе сочетания охраняемых традиционных национальных ценностей и инновационных технологий их формирования.

Ключевые слова: государственная политика, память, защита Отечества, медиа, историческая правда, образование, воспитание, награды

Для цитирования: Гаврилов Д. А., Гаврилова В. Д. Правовые основы государственной политики памяти в Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 172—180.
doi: 10.25724/VAMVD.ZKLM

**LEGAL FOUNDATIONS OF STATE MEMORY POLICY
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Dmitry Anatolyevich Gavrilov*, Violetta Dmitrievna Gavrilova**

* Volgograd State University, Volgograd, Russia, gavrilovda@volsu.ru

** Museum complex of the Volgograd State University, Volgograd, Russia, SPD-201_252364@volsu.ru

Abstract. The article raises an urgent problem for the modern Russian state-legal reality — the problem of the formation of the state policy of memory and the implementation of its legal foundations. Memory (historical, social, collective, individual) is a universal cultural value of any society, which is distinguished by the national identity of perception, memorization and translation of the experience of historical events of the past.

The authors consider the state policy of memory as a complex of interrelated activities of the state: media, creative, educational and educational, military memorial, award. The state policy of memory has a pronounced axiological character, and a number of the most important concepts of modernity are already included or claim to be included in the list of constitutional values.

The complex and tense dynamics of international relations, the change of intra-national generations of Russian people, the interaction of global and Russian legal cultures, and other factors determine the need to solve the problem of memory at the state level. In the Russian Federation, legislative acts have been adopted, state programs for the development and protection of memory institutions have been approved, but the concept of state regulation and protection of memory in our country has not yet acquired a stable and systematic character. It seems that the main way of development of the state policy of memory is the improvement of its value bases on the basis of a combination of protected traditional national values and innovative technologies of their formation.

Keywords: state policy, memory, protection of the Fatherland, media, historical truth, education, upbringing, awards

For citation: Gavrilov D. A., Gavrilova V. D. Legal foundations of state memory policy in the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 172—180. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.ZKLM

В июле 2020 г. вступил в силу Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ (далее — Закон от 14 марта 2020 г.)¹, закрепивший общегосударственное значение охраны памяти, подвига народа и защиты исторической правды в период мирной жизни и военных действий.

В Конституции Российской Федерации слово «память» и производные от него встречаются в пяти положениях: «память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость» (преамбула), конституционная обязанность сохранять историческое и культурное наследие, беречь памятники истории и культуры (ч. 3 ст. 44), «память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога» (ч. 2 ст. 67.1), «память защитников Отечества» (ч. 3 ст. 67.1), охрана памятников истории и культуры — предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. «д» ч. 1 ст. 72).

Из системного анализа текста Основного закона страны следует, что память предков является одной из наиболее важных конституционных ценностей. Память защитников Отечества органично включена в память предков, творивших историю и культуру нашей страны и в мирное время. Отсюда иные предложения и сочетания со словами «память» и «памятник», встречающиеся в конституционном тексте (материализации памяти предков), можно рассматривать как правовые предписания, направленные на конкретизацию преамбулы и генеральных идей Конституции Российской Федерации.

В настоящее время в Российской Федерации государственная политика памяти в большей степени связана с обеспечением выполнения информационно-познавательных, сохраняющих, обучающих и досуговых функций. Функции же социальной коммуникации, интеграции общества и культурной идентификации личности реализуются недостаточно эффективно. На наш взгляд, это можно объяснить отсутствием целостной и концептуально оформленной государственной политики памяти в Российской Федерации, правовые основы которой были заложены Законом от 14 марта 2020 г.

Теоретической моделью государственной политики памяти может являться концепция правовой политики, разработанная В. А. Рудковским. Автор выделил ряд признаков, раскрывающих специфику правовой политики: сущностное отражение общей государственной политики и национальных приоритетов; ключевые направления деятельности государства, опосредуемые именно и прежде всего правом; юридическое выражение мировоззренческой позиции государства по значимым социальным проблемам; целенаправленность; решение долгосрочных (стратегических) и краткосрочных (тактических) задач. Кроме того, следует обратить внимание на важность выделения В. А. Рудковским социально-политического и государственно-правового аспектов правовой политики, поскольку данное явление охватывает сферу взаимодействия государства и гражданского общества, где сочетаются единство и стабильность общественной жизни и поддержание многообразия составляющих ее интересов социальных сил [1, с. 149—153, 161—167].

В свою очередь, А. В. Малько делает акцент на формах и средствах осуществления правовой политики. По его мнению, к первым могут быть отнесены «доктринальная, правотворческая, правоприменительная, правоинтерпретационная, воспитательно-обучающая и т. п.». Вторые разнообразны, в их числе необходимо назвать правовые инст-

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рументы (элементы системы права, поощрение и наказание, правовые акты и др.) и юридические технологии (законодательный процесс, административное публичное управление, судопроизводство, юридическую технику, мониторинг, экспертизу) [2, с. 108—158].

В основании государственно-правовой политики всегда лежат те или иные закономерности формирования, функционирования и развития права. Их перечень и характеристика являются отдельным и дискуссионным вопросом. По мнению Т. В. Кашаниной, можно дифференцировать самостоятельные и парные эволюционные закономерности права, такие как расширение сферы и плотности правового регулирования, унификация и специализация права, повышение степени его абстрактности и одновременно детализации, увеличение регулятивных возможностей права, социализация права, ускорение его динамики и совершенствование юридической техники [3, с. 44—53].

В связи с изложенным государственная политика памяти должна иметь определенную модель и средства реализации, а также принимать во внимание определенные государственно-правовые закономерности развития общества. Например, с учетом признаков правовой политики можно утверждать, что государственная политика памяти базируется на ценностном подходе, когда та или иная ценность является основанием государственного мышления и принятия юридически значимых и политических решений в области интерпретации и оценки исторических фактов. Активация разных ценностей позволяет запустить механизм работы обусловленных ими видов государственной, общественной и человеческой деятельности. Список этих ценностей достаточно широк, и они тесно взаимодействуют друг с другом.

В связи с логикой возникновения государственно-правовых закономерностей, влияющих на содержание государственной политики памяти, необходимо подчеркнуть, что в Российской Федерации наряду с преимущественно охранительной до последнего времени деятельностью по защите исторических ценностей динамично развивается регулятивный потенциал законодательства по вопросам исторической памяти. Норм права в данной области общественных отношений становится все больше, они получают детализацию. Однако по-прежнему плотность нормативно-правового регулирования недостаточна, что проявляется в доминировании программных и стратегических документов на долгосрочную и среднесрочную перспективу.

По нашему мнению, основными направлениями государственной политики памяти в Российской Федерации должны стать следующие виды деятельности:

1) медийный менеджмент информационных потоков, связанных с понятием, содержанием, уровнями и значением памяти для общества (мониторинг, анализ, систематизация и распределение ресурсов);

2) творческая и издательско-просветительская деятельность;

3) нравственно-духовное воспитание и образование;

4) военно-патриотическое и мемориальное направление;

5) наградная политика.

Данные виды государственной политики памяти в той или иной степени реализуются всеми частями государственного механизма, однако отдельные ее направления осуществляются специализированно органами Роскомнадзора, Минкультуры, Минобрнауки и Минпросвещения, Минобороны России.

Недостаточная разработанность государственной политики памяти определена дискуссионным характером основного объекта управления и охраны — памятью. В психологии она рассматривается как одна из высших психических отражательных функций фиксации, сохранению, актуализации и идентификации событий и информации прошлой жизни, имеющих ценностное значение для субъекта — носителя памяти. Однако память бывает разной: исторической, социальной, коллективной, индивидуальной. В процессе реализации государственной политики памяти воздействие происходит преимущественно на память историческую и социальную, но при этом существенно может затрагиваться память социальных групп и отдельного индивида.

Дискуссионной представляется позиция Е. О. Труфановой, согласно которой коллективная социальная память выражает мнение той или иной группы людей, в то время как лишь историческая память содержит в себе знание, объединяющее все общество [4, с. 18]. Ряд исследователей правильно подчеркивают, что нельзя разделять историческую и социальную память. Соответственно, пока существует возможность помнить «прошлое», мы оперируем памятью социальной и не обращаемся к памяти исторической, а говорить об «историческом» значении какого-либо события пытаемся, если начинается процесс его забывания [5, с. 56].

В современной геополитике историческая память часто является объектом манипуляций, когда содержание исторических фактов политизируется, искажа-

ется как в угоду правящим кругам, так и целым идеологическим течениям: зарубежным и отечественным. В результате противоречивой интерпретации истории начинаются «войны памяти». Это происходит потому, что политика памяти имеет отправной точкой последнюю четверть XX в., когда немецкие и польские государственные деятели вступили в спор о соотношении политики, истории, идеологии и патриотизма в жизни государств. Особенно злободневной данная тема была для немцев, стремившихся избавиться от бесконечного чувства вины за преступления фашизма. К ним примкнули и посткоммунистические страны Восточной Европы в желании построить некоторую модель новой национальной идентичности. Вместе с тем необходимо считать односторонним подход по исключительно государственно-властной легализации определенной трактовки истории, поскольку без легитимного восприятия этих событий в обществе цели такой политики эффективно не достигаются. Вследствие изложенного нужно разграничивать национальный интерес любого государства в международном сотрудничестве на принципах добрососедства, уважения права и соблюдения взаимной выгоды и интересы политических элит, стремящихся за внешне привлекательной формой «мягкого права» выразить идеологизированное и иногда недостоверное историко-культурное содержание [6, с. 312].

В соответствии с подп. 5.1.7 (1) и 5.2(1).24 Положения о Роскомнадзоре, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2009 г. № 228¹, в зависимости от содержания информации и характера предъявляемых требований к субъектам информационной инфраструктуры Роскомнадзор вправе ограничить доступ к информационным ресурсам или включить их в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Однако при важности обеспечительной и юрисдикционной функций Роскомнадзора стоит отметить, что он проводит мониторинг информационно-телекоммуникационной сети Интернет на предмет соблюдения нормативных требований к распространению и использованию информации. Но в перечне социально релевантной для проверки информации сегодня присутствует лишь экстремизм и угроза его рас-

пространения, включающие в себя пропаганду нацизма, его символики и атрибутов. В связи с этим нуждаются в расширении регламентационные полномочия Роскомнадзора в области медийного компонента всей государственной политики памяти в целом. В первую очередь правовая защита должна экстраполироваться на объективное информационное освещение исторических событий.

Государственная политика памяти реализуется через культурно-символическую репрезентацию исторических фактов, в том числе музеефикацию истории. В соответствии с Государственной программой Российской Федерации «Развитие культуры», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2021 г. № 314², историческая память и преемственность поколений объявлены в качестве традиционных российских духовно-нравственных ценностей и культурно-исторического наследия, отражающих национальные интересы России, поэтому нужно поддержать такое регулятивное средство политики памяти, как празднование на федеральном уровне памятных дат субъектов Российской Федерации.

При презентации материалов об истории Отечества крайне необходимо использовать потенциал современных цифровых технологий и выбирать такой визуальный контент, который содействует «погружению» в историческую реальность и сокращению эмоциональной дистанции исследователя от событий, поскольку важно не только знать, но и «переживать» историю, что делает восприятие фактов непосредственно очевидным, убедительным, доказанным [7, с. 1789].

Созерцательное и творческое отношение к исторической действительности основано на эстетических ценностях прекрасного, возвышенного, героического и т. п., поэтому не могут предаваться забвению величайшие произведения русской художественной литературы и музыки, воспевающие любовь к Родине, радость жизни, красоту отношений людей.

Научное творчество воспроизводит познавательные ценности поиска истины, а также основывается на этических постулатах своеобразной социально-исторической памяти развития юридической науки. В. М. Сырых пишет, что близость к политической власти никогда не мешала талантливым российским правоведам высказывать прогрессивные идеи, пред-

¹ Положение о Роскомнадзоре, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2009 г. № 228 (в ред. от 29.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2021 г. № 314. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

принимать шаги по их внедрению в практику государственного строительства. Идея несения пользы своему Отечеству, достижения блага для государства и народа была ведущей целью научных исследований многих дореволюционных и советских историков права, политиков, реформаторов. В этом, вероятно, состоит отличие механизмов построения государственной политики памяти в России и за рубежом. В нашей стране политика памяти, например сохранения научного творчества предшественников, бережного отношения к нему, составляет в значительной степени этический принцип деятельности общественных структур, а не только политической власти [8, с. 88].

Образование и воспитание в рамках государственной политики памяти опираются на познавательные и моральные ценности, однако успешное воздействие на сознание и поведение учащихся, обучающихся и воспитывающихся невозможно без формирования качественных исторических знаний и когнитивной заинтересованности реципиентов. Современная молодежь живет, как правило, в информационном потоке, когда поверхностные сведения берутся из разных источников, коротко сформулированы в утвердительной либо отрицательной форме, многократно воспроизводятся в медиапространстве, что снижает способности учащихся к критическому мышлению. Добывание достоверных знаний из информации и стимулирование интереса к познавательной обучающей деятельности — вот одна из главных целей воспитательной и образовательной государственной политики памяти. Данные моменты недостаточно отражены в задачах Минобрнауки России (пп. 1—3 Положения о Минобрнауки России, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июня 2018 г. № 682)¹ и Минпросвещения России (пп. 1—3 Положения о Минпросвещения России, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2018 г. № 884)².

Задача государства и общества — научить молодое поколение не только зарабатывать деньги, но и творить добро, быть милосердным и почтительно относиться к значимым событиям прошлого,

¹ Положение о Минобрнауки России, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июня 2018 г. № 682. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Положение о Минпросвещении России, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2018 г. № 884. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

формирующим историческую память. Названные цели сегодня во многом достигаются за счет развития музейного дела и волонтерского движения, но все-таки эти усилия требуют более мощной активизации. По мнению некоторых авторов, система современного отечественного образования нуждается в кардинальном улучшении качества и должна включать как минимум обязательный единый государственный экзамен по истории [9, с. 880].

Военно-мемориальное направление государственной политики памяти является, пожалуй, центральным, так как нет ничего страшнее и разрушительнее для памяти, чем переживание смерти, боли, горечи утраты родных и близких при защите Отечества. В настоящее время наибольшую актуальность приобретает аспект государственной политики памяти, связанный с оценкой итогов и последствий Великой Отечественной войны. Статьей 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за реабилитацию нацизма, включающую в себя публично совершенное, в том числе в сети Интернет, искажение исторической правды о роли СССР в годы Второй мировой войны.

Из 23 судебных актов по применению ч. 1 ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации нам удалось найти лишь одно дело, прекращенное 12 мая 2020 г. Верховным Судом Республики Марий Эл с уплатой судебного штрафа. Лицо размещало тексты статей и видеофайлы с комментариями определенного содержания, которые были расценены следствием и судом именно как «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». В материалах уголовного дела правоохранительные органы сделали ссылку на цель реабилитации нацизма и приобщили аудиофайл, в котором, по их мнению, действия обвиняемого П. были направлены на оправдание идеологии фашизма³. Между тем небольшая доля таких судебных решений не свидетельствует о поспешности введения уголовной ответственности за неверное понимание исторического прошлого. Все дело в том, что международно-правовые пределы для свободной оценки военной истории определены приговором Нюрнбергского трибунала 1946 г., которым деяния нацистской Германии бесспорно и безусловно признаны преступлениями против мира и человечества. Данный приговор юридически обязателен и для России, поэтому установление уголовной

³ Дело № 2-5/2020. Верховный Суд Республики Марий Эл. Доступ из ГАС «Правосудие».

ответственности по ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации выглядит вполне закономерным.

Вместе с тем подчеркнем, что уголовное законодательство зарубежных стран, в большинстве европейских, также осуждает, например, Холокост, относя его к проявлениям геноцида. По мнению некоторых авторов, в то же время на одну ступень с Холокостом ставятся преступления коммунистического режима, например, в Чехии, но мы не можем с этим согласиться. Более того, в Испании, Дании, Норвегии и США отрицание Холокоста не наказывалось, а относится к свободе слова [10]. В остальной части российский исследователь имеет право на корректное изложение личной трактовки исторического события, не причиняющее вреда законным интересам и правам других лиц и не оскорбляющее человеческую нравственность.

Важнейшее ценностное качество защитника Отечества — это патриотизм. Именно вокруг патриотизма и мужества, самоотверженности, преданности Родине и Отечеству выстраивается блок нормативных актов, регулирующих мемориальные отношения. Их принято в Российской Федерации немало: Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ¹; Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14 января 1993 г. № 4292-1²; Указ Президента Российской Федерации «О дне памяти и скорби» от 8 июня 1996 г. № 857³ и др.

Между тем в современной России патриотизм претендует на статус общенациональной идеи и основания государственной идеологии в той мере, в какой государственные решения отвечают национальным интересам. Спорными выглядят высказывания авторов, полагающих невозможным совместить патриотизм с запретом государственной идеологии по ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации [11, с. 31]. Патриотизм — ценность нравственная и политическая, составляющая суть государственной национальной политики, а запрет государственной или обязательной идеологии — это вопрос юридический. К тому же Конституция

Российской Федерации не запрещает любить Родину и быть патриотом гражданину России с любыми политическими взглядами.

Огромные практические шаги по реализации государственной политики памяти военно-мемориальной направленности предпринимаются Минобороны России. Согласно Положению о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, Минобороны России осуществляет военно-патриотическую, военно-историческую, культурную и иную работу; функции по увековечению памяти погибших при защите Отечества; организует воспитание военнослужащих и учреждает премии в области культуры и искусства за произведения и творческие проекты, способствующие военно-патриотическому воспитанию других граждан России⁴. Однако, как показывает практика, военно-патриотическое воспитание возлагается и на другие министерства и подведомственные им учреждения. Например, на базе музейного комплекса Волгоградского государственного университета имени М. М. Загорулько реализуется проект «Студенческий патриотический клуб „Я горжусь“», который включает стимулирование создания по инициативе студентов молодежного общественного объединения лиц на основе общих интересов, любви к Родине, уважения к ее историческому прошлому для совместной деятельности патриотической направленности. Проект функционирует в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «О молодежной политике» от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ⁵. Его цель — обеспечение единой системы патриотического воспитания обучающихся ФГАУО ВО «Волгоградский государственный университет». Задачами проекта являются:

- стимулирование социальной активности молодого поколения в формировании и воплощении в жизнь общественных проектов патриотической направленности;
- активизация интереса молодежи к изучению отечественной истории, героическому прошлому и сохранению исторической памяти о подвиге защитников Отечества;

¹ О днях воинской славы и памятных датах России: федер. закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об увековечении памяти погибших при защите Отечества: закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О дне памяти и скорби: указ Президента Российской Федерации от 8 июня 1996 г. № 857. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Положение о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 (в ред. от 31.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О молодежной политике: федер. закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

— накопление позитивного социального опыта в преодолении жизненных трудностей и успешное взаимодействие с социальными партнерами в решении социально значимых проблем вуза, региона, страны;

— расширение научных исследований студентов в сфере гражданско-патриотического воспитания;

— формирование ценностных ориентаций и самореализации молодежи.

Социально значимое направление государственной политики памяти связано с институтом государственных наград. Награды — это высшие степени и формы поощрения граждан и организаций за заслуги перед обществом и государством в области социально-экономической, административно-политической и культурной жизни. Государственные награды можно рассматривать и как политико-правовой символ, а наградной процесс, соответственно, как политико-правовой ритуал. Награда выполняет несколько основных функций: указательную, ценностно-ориентационную и регулятивную.

Согласно п. 1 Положения о государственных наградах Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» от 7 сентября 2010 г. № 1099, государственных наград могут быть удостоены объединения Вооруженных Сил Российской Федерации и других воинских формирований за подвиги и отличия в боях по защите Отечества, операциях по поддержанию мира; федеральные вузы системы МВД России за значительные достижения в подготовке квалифицированных кадров; медицинские организации системы МВД России (за исключением санаторно-курортных организаций) за высокие достижения в области охраны здоровья сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, большой вклад в развитие здравоохранения в Российской Федерации¹.

В памяти общества и личности хранятся исторические события, послужившие поводом к награждению определенного лица, благодаря чему повышается его авторитет, формируются позитивные установки в отношении его поведения, обеспечиваются социальная сплоченность, организованность и солидарность. Государственная наградная политика стимулирует эволюцию ценностей, храня-

щихся в социальной памяти, на которые опирается правомерное поведение личности.

Таким образом, в Российской Федерации практическая деятельность по сохранению и защите познавательных, моральных, эстетических, патриотических и социальных ценностей раскрывает правовую базу государственной политики памяти, однако ее общие контуры еще четко не оформлены. Конституция Российской Федерации является основной политической и правовой программой, обеспечивающей сохранение памяти защитников Отечества и защиту исторической правды, отнесенных к новым конституционным ценностям [12, с. 29]. Однако следует заметить, что правовая модель государственной политики памяти нуждается в тщательной законодательной конкретизации и правоприменительном, прежде всего экспертном, обеспечении. За крайние проявления неуважения (преступления против мира и человечества) к отечественному историческому прошлому должна применяться уголовная ответственность, так как молодое поколение должно видеть эталонное отношение к нему и пределы его интерпретации. Одновременно нужно находить баланс между свободой слова и мысли и государственным принуждением к политическим оценкам истории.

Кроме того, необходимо расширять потенциал регулятивных правовых средств формирования правосознания и целевых поведенческих установок в процессе воспитания, обучения, творчества, информационного освещения, что позволит привести в равновесие охранительные и регулятивные правовые инструменты, поскольку исключительно на запретах построить политику памяти не представляется возможным. Дух государственной политики памяти должен ощущаться и разделяться обществом, тогда она достигнет своих теоретических и практических целей.

¹ О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права: моногр. / под ред. Н. Н. Вопленко. Волгоград: ВА МВД России, 2009. 336 с.

2. Малько А. В. Теория правовой политики. Москва: Юрлитинформ, 2012. 328 с.

3. Кашанина Т. В. Эволюционные закономерности права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85). С. 44—53.

4. Труфанова Е. О. Конфликт памятей и историческое знание в цифровую эпоху // История: электрон. науч.-образоват. журнал. 2020. Т. 11, № 9 (95). URL: <https://history.jes.su/s207987840012284-1-1/> (дата обращения: 23.09.2021).

5. Касьянов В. В., Чупрынников С. А. Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 4 (269). С. 54—61.

6. Крицкая А. А., Шмыгин В. А. Политика памяти как технология защиты национально-государственных интересов // Никто не забыт, ничто не забыто: Роль СССР во Второй мировой войне: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Ростов-на-Дону, 10 сентября 2020 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во РГМУ, 2020. 440 с.

7. Кошкарлова Ю. А. Проблема сохранения и защиты исторической социальной памяти о Великой Отечественной войне // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 28—29 апреля 2020 г.): в 2 ч. Санкт-Петербург: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2020. Ч. 1. 1932 с.

8. Сырых В. М. Служение науке и Отечеству — почетная обязанность российских правоведов // Российский юридический журнал. 2020. № 5 (134). С. 85—89.

9. Бикрева Р. Н. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс сохранения мира и цивилизации // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 28—29 апреля 2020 г.): в 2 ч. Санкт-Петербург: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2020. Ч. 2. 950 с.

10. Варченко И. А., Литвяк Л. Г. Уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за преступления, аналогичные ст. 354.1

1. Rudkovsky V. A. Legal policy and implementation of law. Monograph. Ed. by N. N. Voplenko. Volgograd: Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2009: 336. (In Russ.).

2. Malko A. V. Theory of legal policy. Moscow: Yurlitinform; 2012: 328. (In Russ.).

3. Kashanina T. V. Evolutionary patterns of law. Actual problems of Russian law, 44—53, 2017. (In Russ.).

4. Trufanova E. O. Conflict of memories and historical knowledge in the digital age. In: History. Electronic scientific and educational journal. Available from: <https://history.jes.su/s207987840012284-1-1/>. Accessed: 23 September 2021. (In Russ.).

5. Kasyanov V. V., Chuprynnikov S. A. Historical memory, social memory: dialectics of interaction. Bulletin of the Adygea State University. Series 1. Regional studies: philosophy, history, sociology, statute, political science, cultural studies, 54—61, 2020. (In Russ.).

6. Kritskaya A. A., Shmygin V. A. The politics of memory as a technology for protecting national and state interests. In: Nobody is forgotten, nothing is forgotten: The role of the USSR in World War II. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War (Rostov-on-Don, 10 September 2020). Rostov-on-Don: Publishing House of RSMU; 2020: 440. (In Russ.).

7. Koshkarova Yu. A. The problem of preserving and protecting historical social memory of the Great Patriotic War. In: State. Right. War (to the 75th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War). Materials of the International Scientific Conference (Saint Petersburg, 28—29 April 2020). In 2 parts. Saint Petersburg: Publishing House of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2020; Part 1: 1932. (In Russ.).

8. Syrykh V. M. Service to science and the Fatherland — an honorable duty of Russian jurists. Russian Statute Journal, 85—89, 2020. (In Russ.).

9. Bikreva R. N. Historical memory of the Great Patriotic War as a resource for preserving peace and civilization. In: State. Right. War (to the 75th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War). Materials of the International Scientific Conference (St. Petersburg, April 28-29, 2020). In 2 parts. Saint Petersburg: Publishing House of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2020; Part 2: 950. (In Russ.).

УК РФ «Реабилитация нацизма» (часть 2) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-1. С. 257—260.

11. Цалиев А. М. Защита Отечества — долг и обязанность гражданина России! // Военно-юридический журнал. 2021. № 5. С. 28—32.

12. Сазонникова Е. В. Память о защитниках Отечества и защита исторической правды как конституционные ценности // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 29—32.

Гаврилов Дмитрий Анатольевич,
доцент кафедры философии и теории права
Волгоградского государственного университета,
кандидат юридических наук;
gavrilovda@volsu.ru

Гаврилова Виолетта Дмитриевна,
специалист по учетно-хранительской
документации
Музейного комплекса Волгоградского
государственного университета;
SPD-201_252364@volsu.ru

10. Varchenko I. A., Litvyak L. G. Criminal legislation of foreign countries on responsibility for crimes similar to Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Rehabilitation of Nazism" (part 2). Humanities, socio-economic and social sciences, 257—260, 2015. (In Russ.).

11. Tsaliev A. M. Protection of the Fatherland is the duty and duty of a citizen of Russia! Military Statute Journal, 28—32, 2021. (In Russ.).

12. Sazonnikova E. V. Memory of defenders of the Fatherland and protection of historical truth as constitutional values. Constitutional and municipal law, 29—32, 2020. (In Russ.).

Gavrilov Dmitry Anatolyevich,
associate professor of the department
of philosophy and theory of law
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences;
gavrilovda@volsu.ru

Gavrilova Violetta Dmitrievna,
specialist in accounting and storage
documentation
of the Museum complex
of the Volgograd State University;
SPD-201_252364@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 19.10.2021; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted 19.10.2021; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 10.02.2022.

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.
Подписной индекс на II полугодие 2021 г. в каталоге «Пресса России» – Э22761.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и приставные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Современные проблемы государства и права.
2. Уголовное право и криминология.
3. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.
4. Страницы истории.
5. Научная дискуссия.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте *mkolosovich@mvd.ru*;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400089, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: *mkolosovich@mvd.ru*

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

---

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакционно-издательский отдел направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакционно-издательский отдел отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА¹
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »
 _____
название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденным приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, перечню служебных сведений ограниченного распространения и документов, их содержащих, образующихся в деятельности органов внутренних дел, образовательных и научно-исследовательских учреждений МВД России, утвержденным приказом МВД России от 15 декабря 1997 г. № 825 дсп. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения²:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы³*

¹ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

² Таблица заполняется на каждого автора.

³ Заявка подписывается каждым автором.